

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Невинская Мария Дмитриевна

**Концептуальная оппозиция «народ – власть»
в политическом дискурсе**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шейгал Е.И.

Волгоград – 2006

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Концептуальная оппозиция как категория институционального дискурса	10
1.1 Подходы к изучению дискурса.....	10
1.2 Понятие концептуальной оппозиции	18
Выводы по главе 1	27
Глава 2. Актуализация концептуальной оппозиции «народ – власть» в современном российском политическом дискурсе	29
2.1 Лингвокультурный концепт «власть».....	30
2.2. Лингвокультурный концепт «народ».....	33
2.2.1 Компонентный анализ словарных дефиниций	33
2.2.2 Языковая рефлексия концепта «народ».....	39
2.2.3 Апелляция к концепту «народ» как инструмент политической манипуляции	54
2.2.4 Апелляция к концепту «народ» как инструмент реализации перформативности инаугурационного обращения	62
2.3 Соотношение концептов «народ» и «власть» в рамках концептуальной оппозиции	70
2.3.1 Экспериментальное выявление содержательных признаков концептов «народ» и «власть»	70
2.3.2 Аспекты варьирования концептуальной оппозиции «народ – власть»	81
2.3.3 Содержательная структура концептуальной оппозиции «народ – власть»	93
Выводы по главе 2	96
Глава 3. Оппозиция «народ – власть» в ролевой структуре политического дискурса	99

3.1 Фактор «третьего звена» при коммуникации субъектов политического дискурса	101
3.2 Аспекты взаимодействия субъектов политического дискурса	110
3.3 Проявление концептуальной оппозиции «народ – власть» в жанровой структуре политического дискурса	124
3.3.1 Жанры политического дискурса с коммуникативным вектором «народ → власть»	125
3.3.2 Письмо в газету как жанр политического дискурса	135
Выводы по главе 3	145
Заключение.....	147
Библиография	156
Лексикографические источники	176
Список сокращений источников материала	177

Введение

Данная работа посвящена анализу концептуальной оппозиции «народ – власть» в современном российском политическом дискурсе и выполнена в русле активно развивающихся в настоящее время направлений «Лингвоконцептология» и «Политическая лингвистика».

Актуальность исследования определяется следующим: 1) в современном обществе возрастает роль политической коммуникации, а концепты «народ» и «власть» являются дискурсообразующими для политического общения; 2) данные концепты в речи часто выступают во взаимосвязи в рамках концептуальной оппозиции, и, по нашим данным, подобная взаимосвязь еще не становилась объектом специального лингвистического исследования; 3) обращение к данной концептуальной оппозиции весьма частотно в разных жанрах политического дискурса и составляет основу различных стратегий воздействия (как аргументативного, так и манипулятивного типа); 4) анализ языковых средств реализации данной оппозиции в современном российском политическом дискурсе представляется важным для оптимизации политической коммуникации между властью и обществом.

Объектом исследования является концептосфера политического дискурса.

Предмет изучения – реализация концептуальной оппозиции «народ – власть» в современном российском политическом дискурсе.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: концепты субъектов политического дискурса образуют оппозицию, которая проявляется в его семиотическом и жанровом пространстве, задает его ролевую структуру и функциональные характеристики.

Цель исследования состоит в изучении способов и средств реализации концептуальной оппозиции «народ – власть» в современной российской политической коммуникации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) уточнить понятие концептуальной оппозиции как категории институционального дискурса;
- 2) выявить содержательную структуру концептов «народ» и «власть» в политическом дискурсе;
- 3) рассмотреть содержательную динамику концепта «народ» в современном российском сознании;
- 4) изучить стратегии манипулятивного воздействия, основанные на апелляции к концепту «народ»;
- 5) выявить языковые средства реализации концептуальной оппозиции «народ – власть» и аспекты их дискурсивного варьирования;
- 6) рассмотреть реализацию концептуальной оппозиции «народ – власть» в рамках ролевой структуры политического дискурса (аспекты взаимодействия участников политического дискурса);
- 7) установить специфику функционирования концептуальной оппозиции «народ – власть» в жанрах политического дискурса, обеспечивающих коммуникацию по линии «общество → институт».

Научная новизна исследования заключается в уточнении термина «концептуальная оппозиция» и характеристике концептуальной оппозиции «народ – власть» в политическом дискурсе, а также в установлении и особенностей реализации данной оппозиции в современной российской политической коммуникации. Кроме того, «народ» и «власть» впервые рассматриваются не только как концепты политического дискурса, но и с позиций ролевой

структуры дискурса, а именно: анализируются аспекты взаимодействия субъектов политики и их коммуникативное проявление.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшем развитии и углублении теории дискурса, в установлении параметров взаимодействия участников институциональной коммуникации, в уточнении жанровой и ролевой структуры политического дискурса.

Практическая ценность выполненного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по языкознанию, лингвокультурологии, социо- и прагмалингвистике, а также в спецкурсах по политической лингвистике. Кроме того, эти результаты могут представлять интерес для специалистов по связям с общественностью при разработке политической рекламы и проведении агитационных кампаний.

Материалом для исследования послужили сплошные выборки из толковых словарей русского языка, словаря синонимов русского языка; видеозаписи и стенограммы предвыборных теледебатов (2003-2004 гг.); аналитические статьи, интервью, колонки обозревателя, письма читателей, опубликованные в «Известиях», «Аргументах и Фактах», «Советской России» и др. печатных изданиях за период 2002-2006 гг.; тексты предвыборной политической рекламы, материалы электронных СМИ, а также материалы национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

В качестве **единицы исследования** был взят текстовый фрагмент, содержащий обозначение и выражение концептов, составляющих оппозицию. Всего было проанализировано 3000 таких фрагментов.

В работе нашли применение следующие **методы** лингвистического исследования: метод компонентного анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа, свободный

ассоциативный эксперимент, а также индуктивный метод, включающий непосредственное наблюдение, анализ, сопоставление, классификацию языковых фактов.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области лингвокультурологии и лингвоконцептологии (С.Г. Воркачев, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Ю.М. Лотман, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, З.Д. Попова, С.Х. Ляпин, А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов), когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Э. Лассан, В.В. Красных, А. Вежбицкая, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина), лингвистики текста и теории дискурса (Т. ван Дейк, Р. Барт, М.Л. Макаров, О.Б. Сиротинина, Б.А. Плотников, К.Ф. Седов, Е.И. Шейгал, В.И. Шаховский), социолингвистики (Н.Б. Мечковская, Л.П. Крысин, Г.Г. Почепцов), политической лингвистики (Р. Водак, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, М.Р. Желтухина, П. Серию, А.П. Чудинов), жанроведения (М.М. Бахтин, М.Ю. Федосюк, В.В. Дементьев, Т.В. Шмелева).

Данная работа базируется на следующих положениях, доказанных в современной лингвистике:

1. Человеческое сознание в целом, и языковое сознание в частности, характеризуется таким свойством, как антитетичность, которое реализуется в оппозитивности строения дискурса (Ж. Деррида, В.С. Библер, Э. Лассан, Ю.М. Малинович, А.С. Ахиезер).
2. Институциональный (в частности, политический) дискурс обладает специфической ролевой и жанровой организацией (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, А.В. Олянич, Е.В. Бакумова).
3. В процессе развертывания дискурс представляет собой совокупность апелляций к определенным концептам; среди них особо выделяются дискурсообразующие и жанрообразующие концепты (А.В. Олянич, Г.Г. Слышкин, Е.И. Шейгал).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концептуальная оппозиция «народ – власть» организует пространство политического дискурса, определяя основные векторы коммуникации, ее содержательно-тематическую структуру и жанровую дифференциацию.

2. Концептуальная оппозиция «народ – власть» проявляется в когнитивной и дискурсивной смежности оставляющих ее концептов: «парность» их существования в языковом сознании отражается во взаимообусловленных ассоциативных связях и в регулярной совместной встречаемости в общих контекстах (как на уровне микроконтекста лексической сочетаемости, так и на уровне макроконтекста целого текста).

3. Содержательная структура концептуальной оппозиции образуется взаимодействием интегральных и дифференциальных признаков: а) в рамках понятийной составляющей интегральными признаками являются участие в политической коммуникации, обладание определенными правами и обязанностями по отношению друг к другу, а дифференциальными – различие в институциональном статусе, активный/пассивный характер участия в коммуникации; б) в плане оценочной характеристики оба концепта обладают оценочной амбивалентностью, при этом их контекстуальная реализация характеризуются полярностью оценок; в) образные характеристики концептов «народ» и «власть» коррелируют в рамках оппозиции на базе таких признаков, как «количественность», «сила», «пространственность», «выделимость».

4. Выделены следующие аспекты варьирования концептуальной оппозиции «народ – власть»: а) в рамках понятийного компонента – правовой и статусно-ролевой; б) в рамках образно-оценочного компонента – этический и психологический аспекты.

5. В дискурсивной реализации имен концептов и их вариантов регулярно отражаются основные аспекты взаимодействия субъектов политического дискурса: институциональный, поведенческий и эмоционально-оценочный.

6. Концептуальная оппозиция «народ – власть» реализуется в ряде жанров, адресантом которых выступает народ: лозунг, частушка, анекдот, письмо в газету и др. Письмо в газету является респонсивным жанром политического дискурса, основная цель которого заключается в оценке актуальных политических событий. Данный жанр обеспечивает общение народа с властью в открытом режиме при посредничестве СМИ; его отличает персональность автора и выраженность его идеологической позиции, тематическая однофокусность, обязательное наличие прямого и косвенного адресата.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались автором на научных конференциях в Волгоградском государственном педагогическом университете (2001-2004 гг.), на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» при кафедре языкознания ВГПУ, теоретических аспирантских семинарах, на региональных конференциях молодых ученых (Волгоград, 2003, 2005 гг.), международных научных конференциях «Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, стилистики, семантики и грамматики» (Волгоград, 2002 г.) и «Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения» (Волгоград, 2003 г.), межрегиональных научных чтениях, посвященных памяти профессора Р.К. Миньяр-Белоручева (Волгоград, январь 2006 г.). По теме диссертации опубликовано пять работ общим объемом 1,8 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Глава 1. Концептуальная оппозиция как категория институционального дискурса

1.1 Подходы к изучению дискурса

Начиная с середины 20-го века, в науке четко прослеживаются тенденции к интеграции отдельных ее отраслей. Так, лингвистика выходит за рамки традиционного представления о языке как системе, она рассматривает язык в его взаимосвязи с человеческим мышлением, культурой, социумом. Такой подход к изучению языка связан с формированием новой антропоцентрической научной парадигмы, что привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре. Теперь в центре внимания не столько объект, сколько субъект познания – личность; исследователь анализирует человека в языке и язык в человеке. Поэтому в последние десятилетия стала очевидной необходимость взаимодействия современного языкознания с широким кругом социальных наук, таких как психология, социология, история, этнография, политология, в результате чего появляются новые интенсивно развивающиеся направления в науке – психо-, социо-, прагма-, этнолингвистика, а также когнитивная лингвистика, лингвокультурология и т.п.

Каждая из новых интегральных наук рассматривает взаимосвязь «язык-человек-культура» сквозь призму релевантных для нее параметров. Так, в прагмалингвистике основной акцент делается на функционирование языка в обществе, т.е. рассматривается, прежде всего, лингвистика речи. Социоллингвистика, в основном, занимается изучением особенностей языка различных социальных и возрастных групп, основным параметром рассмотрения языковой личности и ее картины мира с позиций социоллингвистики становится ее социальная принадлежность. Для когнитивной лингвистики принципиальное

значение приобретает взаимосвязь языка и человеческого мышления, данная наука занимается всем тем, что связано с ментальными процессами и состояниями, определением типов знаний и репрезентации этих знаний в голове человека. Но во всех направлениях используется так называемый дискурсивный подход, т.е. изучение человека и особенностей его мышления на основе производимых им сложных коммуникативных событий – развертываемого им дискурса. Как отмечает К.Ф. Седов: «За каждой языковой личностью стоит множество производимых ею текстов (дискурсов)» (Седов 2004: 6).

Широкая сочетаемость термина «дискурс» свидетельствует о неоднозначности его понимания и трактовки: *советский дискурс / дискурс перестройки, дискурс власти / инакомыслия, институциональный / личностный дискурс, дискурс Горбачева / Жириновского, расистский дискурс / дискурс об иностранцах* и т.п. С одной стороны, в качестве дискурса могут выступать особенности общественной коммуникации определенного периода и строя – *советский дискурс, дискурс перестройки*. С другой стороны, под дискурсом может пониматься разговор о чем-то – *расистский дискурс, дискурс об иностранцах*. Третья трактовка «дискурса» основывается на особенностях языковой и культурной компетенции и коммуникативные «привычки» конкретного человека или группы лиц – *дискурс Горбачева, дискурс оппозиции, феминистский дискурс*. Исследуя сочетаемость слова «дискурс», П.Б. Паршин приходит к выводу, что определение, сопровождающее данный термин, выступает чаще всего как «метафорический агент, «передающий» некое сообщение своим партнерам по коммуникации – какой-то части общества или обществу в целом» (Паршин 1999), т.е. дискурс – это то, **как** говорит наука, институт, перестройка и т.д. Таким образом, в понятие дискурс необходимым образом включается

способ действия («как»), употребления языка (language-in-use), а также сама ситуация, окружающая коммуникативное событие (дискурс).

Подходы к определению термина «дискурс» рассматривались различными авторами (М.Л. Макаров, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, К.Ф. Седов и др.), поэтому подробно останавливаться на данном аспекте не представляется целесообразным. Вслед за Е.И. Шейгал, мы в своей работе под **дискурсом** понимаем **систему коммуникации, имеющую реальное и потенциальное измерение.**

Реальное измерение представляет собой сложное коммуникативное событие, текущую речевую деятельность в определенном социальном пространстве, обладающую признаком процессности и связанную с реальной жизнью и реальным временем, фиксируемую в письменных текстах и устной речи.

В потенциальном измерении дискурс рассматривается как семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной сферы. Кроме того, в потенциальное (виртуальное) измерение дискурса входят представление о моделях речевого поведения и набор речевых актов и жанров, специфических для данного типа коммуникации. Последний аспект определяет ролевую и жанровую структуру дискурса (Шейгал 2000: 11).

Социолингвистический подход к изучению дискурса заключается в рассмотрении статусно-ориентированной коммуникации. В.И. Карасик отмечает: «С позиций социолингвистики дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» (Карасик 2004: 233). Таким образом, социолингвистика разграничивает два основных вида дискурса: институциональный и

персональный (личностный), для которого социальная позиция собеседников не имеет принципиального значения.

Политический дискурс относится к институциональному виду коммуникации, т.е. осуществляется в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации, а участники такого общения выступают в роли представителя определенного социального института в рамках установленных статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных норм (Карасик 1992). К основным параметрам институционального дискурса относятся:

- набор типичных для данной сферы ситуаций общения
- представление о типичных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей
- определенная (ограниченная) тематика общения
- специфический набор интенций и вытекающих из них речевых стратегий (Попова 1995, Шейгал 2000).

Одной из важнейших характеристик институционального дискурса является статусная ориентация, которая обуславливает разграничение участников институционального дискурса на агентов (представителей института) и клиентов (людей, нуждающиеся в услугах этого института). В политическом дискурсе взаимодействие участников коммуникации четко описал П. Бурдьё: «политическое поле – это место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане, низведенные до положения «потребителей» (Бурдьё 1993: 182).

Характерно, что отношения между агентами и клиентами в рамках институционального дискурса в большинстве

коммуникативных ситуаций не являются равноправными: статус представителя института изначально выше, чем статус клиента. «Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных (*подчеркнуто М.Н.*) участников коммуникации» (Карасик 2004: 245). В паре субъектов практически любого институционального дискурса можно выделить доминирующего коммуникатора участника общения и зависимого (ведомого). В следующих примерах ролевых диад представлены оппозиции участников статусно-ориентированной коммуникации с первым элементом в качестве оппозитивной доминанты: *врач – пациент, священнослужитель – паства, учитель – ученик*; – при этом, указанные оппозиции представляют собой варианты базовой оппозиции любого институционального дискурса «агент – клиент».

Одним из основных параметров дифференциации участников институциональной коммуникации на агентов и клиентов, наравне с позицией по отношению к общественному институту, становится профессиональная компетенция коммуникантов в данной сфере, т.е. клиентами выступают так называемые «непрофессионалы» - ученик, паства, пациент.

Для «непрофессионалов» восприятие языка института (профессиональных терминов, жаргона) представляет определенные трудности. Например, пациент, присутствующий при разговоре двух врачей, может не понять из их речи, в чем заключается его болезнь, и как с ней бороться. Специфичной чертой языка политики можно считать его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как следствие деспециализации политических терминов. Как указывает Е.И. Шейгал, масштабная деспециализация в политической коммуникации связана с тем, что политика – единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата (Шейгал 2000: 20). Поэтому

язык политики является прерогативой не только профессионалов в данной сфере, он связан со специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и контроля, т.е. выполняет манипулятивную функцию.

Суть **прагмалингвистического подхода** к изучению дискурса состоит в «освещении способа общения в самом широком смысле». По сути, прагмалингвистическое изучение дискурса отчасти коррелирует с социолингвистическим и представляет собой в некотором смысле уточнение последнего (Карасик 2004: 239-240). Анализ дискурса как направления прагматики нацелен на исследование функционирования языка в контексте. При анализе дискурса с прагмалингвистических позиций на первый план выходят формальный («оформительский») и содержательный аспекты коммуникации, т.е. «что сказано и как сказано». В рамках данного подхода особое внимание уделяется изучению речевых актов и разнообразных стратегий речевого воздействия.

М.Л. Макаров выделяет различные интерпретации понимания дискурса: формальную, функциональную, ситуативную интерпретацию. Формальное понимание дискурса определяет его как образование выше уровня предложения. Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, на первый план здесь выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования. Функциональная интерпретация в самом широком смысле – это понимание дискурса как использования (употребления) языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. В более узком смысле функциональная интерпретация дискурса заключается в понимании дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Контекст как признак дискурса акцентирует внимание

исследователей на противопоставлении того, что сказано, и того, что имелось в виду (локуции и иллокуции), а отсюда – на ситуации общения. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. (Макаров 1998: 68-75).

Когнитивный подход к изучению дискурса позволяет перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников коммуникации.

Моделирование когнитивной базы дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов дискурса (как связующего звена между человеком, языком и культурой), метафорических моделей, стереотипов и идеологем, лежащих в основе ориентации языковой личности (ван Дейк 1997, Баранов 1990, Караулов 1991, Лассан 1995, Чабан 1997, Ильин 1997, Шейгал 2000).

Предметом когнитивной лингвистики является исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих (объективирующих) в языке и речи определенные концепты, поэтому в ее рамках «исследуются все зафиксированные в языке и возможные в нем средства вербальной репрезентации определенного концепта, что позволяет раскрыть разные компоненты содержания концепта и судить о содержании и структуре данного концепта как единицы мышления данного социума» (Попова, Стернин 2001: 15).

Концепт с позиций лингвокогнитологии – «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» (Кубрякова и др. 1996: 90). «Естественный язык здесь выступает лишь средством, обеспечивающим исследователю доступ к «языку мозга» (Воркачев 2005: 24).

Каждому типу институционального дискурса присущи концепты, которые можно назвать дискурсо-образующими, без их участия коммуникация будет «размытой», содержательное ядро будет отсутствовать. По мнению В.И. Карасика, «центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область, для описания которой необходимо составлять достаточно объемный словарь» (Карасик, 1999: 6). Эти концепты актуализируются в его ключевых знаках (вербальных и невербальных), составляют содержательно-тематическое ядро, формируют семиотическую модель и жанровую структуру того или иного типа дискурса. Дискурсо-образующие концепты системно организованы. В качестве параметров концептуальной организации политического дискурса выступают основные аспекты философского осмысления мира политического: политическая онтология, идеология и аксиология (Шейгал 2002).

При изучении политического дискурса в рамках когнитивного подхода, т.е. при исследовании его концептосферы, мы будем опираться на определение концепта, разработанное В.И. Карасиком:

Концепт – это многомерная ментальная единица, имеющая три важнейших измерения – образное, понятийное и ценностное с доминирующим ценностным элементом (Карасик 1996: 5).

Необходимо отметить, что доминирование ценностного компонента в структуре концепта напрямую связано с наиболее важным аспектом политического дискурса – его аксиологией. При этом ценностная составляющая концептов политического дискурса, как правило, рассматривается также с позиций идеологии. Г.Г. Слышкин разграничивает собственно ценности и ценности идеологические: «Единицы идеологического знания всегда вторичны

по отношению к хронологически предшествующим им ценностям, основанным на опыте социума <...> Идеология эксплуатирует уже концептуализированные явления, частично изменяя структуру их ментальной репрезентации путем внесения новых ассоциаций или отсечения старых» (Слышкин 2004: 88). Таким образом, исходя из наличия идеологической ангажированности Г.Г. Слышкин выделяет в структуре концепта особый компонент (присущ не всем концептам), а именно, «**идеологемную** составляющую, сложившуюся в результате интенциональных действий на формирование или изменение концепта» (Слышкин 2004: 89).

В плане идеологичности языка политики особое значение приобретает архетипная оппозиция «свой – чужой». Без идеологической ориентации политическая борьба, а, следовательно, и сам дискурс, теряет смысл. Когда не определены приоритеты и отсутствует оппозиция по политическим взглядам, становится невозможным ограничить круг «своих» и круг «чужих», вследствие чего неизбежно размывается и ролевая структура политического дискурса.

1.2 Понятие концептуальной оппозиции

Размышления об особенностях менталитета, чертах «национального характера» нередко вынуждают обратиться к проблемам возникновения и функционирования в культуре оппозиций, во многом определяющих ее существенные свойства (Куприянова 2001). В рамках когнитивного подхода к изучению институциональной коммуникации уместно рассмотреть теорию деконструкции, авторство которой принадлежит французскому философу Жаку Деррида. В данном философско-лингвистическом направлении суть деконструкции сводится к тому, чтобы разобрать, разложить и понять структуру какого-либо явления. Ж. Деррида

подчеркивал: «Скорее, чем разрушить, надлежало также и понять, как «некий» ансамбль был сконструирован, реконструировав его для этого» (Derrida 1992: 55). Для нас эта теория представляет интерес в части ее применения к изучению текста – в рамках данной теории возникла идея о том, что «дискурс опирается на ряд бинарных оппозиций, где один член носит позитивный характер, а другой негативный» (Лассан 1995: 39).

Отметим, что не во всех оппозициях проявляется четкое разграничение оценки на «плюс» и «минус», поскольку в политической коммуникации субъекты дискурса могут порождать как дискурс конфликта, так и дискурс интеграции. Дискурс конфликта (дискурс власти и инакомыслия), который исследует Э. Лассан, оценочно поляризован, этим и объясняется разграничение позитивных и негативных членов оппозиции. В случае же дискурса интеграции (например, партийный дискурс, дискурс инаугурационного обращения) оценочная поляризованность становится неактуальной, т.к. данный дискурс строится на общности ценностей. Если рассматривать оппозицию в рамках философского подхода как единство и борьбу противоположностей, то в дискурсе конфликта акцентируются различия, а в дискурсе интеграции на первый план выходит единство членов, составляющих оппозицию. В последнем случае противопоставление реализуется не по оценочным, а по статусным и функциональным признакам.

Последователь Ж. Деррида, Дж. Д. Куллер поясняет: «Деконструировать дискурс – это показать <...> те иерархические оппозиции, на которые он опирается» (Culler 1991: 86 – цитата по Лассан). Как мы понимаем, иерархическая структура оппозиций предусматривает выделение наиболее и менее актуальных оппозиций для данного типа дискурса. Так, в политическом дискурсе оппозиция «народ – власть» будет являться наиболее релевантной, она

организует дискурс, т.к. без этих участников не будет и самой политики. Иерархически подчиненными по отношению к данной оппозиции являются ее варианты – «гражданское общество – государство», «простые люди – чиновники», «социальные группы – министерства». Кроме того, представляется возможным выделить и другие актуальные для политического дискурса оппозиции: «правые – левые», «авторитаризм – демократия», «монархия – республика» и др.

В.З. Демьянков, изучая природу функциональности, замечает, что «контрастная функция (contrast function): одна из семантикотопиковых функций, с ее помощью содержание различных фрагментов речи противопоставляются, чтобы сделать более ясным иллокутивное намерение. К средствам контрастирования в рамках тематической структуры дискурса относятся антонимия и многочисленные синтаксические средства. Контрастная функция подчинена принципу антитетичности речи» (Демьянков 2003). Таким образом, сам принцип построения дискурса опирается на оппозитивность мышления, т.к. речь является не более чем отражением сознания.

Исходя из идей описанной выше теории деконструктивизма, мы предлагаем рассматривать любой институциональный дискурс через выявление его основных (онтологических) концептуальных оппозиций, т.е. «реконструировать» коммуникативные события в рамках противопоставления их участников.

В лингвистике осмысление проблем, связанных с феноменом оппозиции, имеет достаточно длинную историю. Начиная с работ Р.О. Якобсона и С.Н. Трубецкого, исследовавших фонетические и морфологические языковые оппозиции, интерес к данной теме не ослабевал. При анализе оппозиций в лингвистике необходимо, прежде всего, ориентироваться на работу с (культурно, социально

или идеологически) маркированными языковыми единицами, анализировать семантическое наполнение лексем и их контекстные связи.

В.М. Куприянова отмечает, что в культурологии существуют различные варианты подхода к исследованию оппозиции, которую можно рассматривать как структурную единицу культуры или как принцип, организующий картину мира носителя культуры. В методологическом плане данные подходы не противопоставлены друг другу. При исследовании культурных оппозиций в первую очередь необходимо обратиться к знаковому воплощению оппозиции в целом и составляющих ее парных понятий (Куприянова 2001: 66).

В ходе изучения взаимодействия психики и языка получены доказательства того, что оппозиция не является произвольно избранной формой организации материала, но представляет собой фундаментальный принцип восприятия человеком мира, а, следовательно, и принцип формирования знаковых систем. Осмысление нами мира идет сквозь призму антиномичных по природе явлений: «добро – зло», «жизнь – смерть», «свет – тьма». Э. Лассан отмечает, что метод оппозитивного построения дискурса неразрывно связан с таким свойством человеческого мышления, как антитетичность. И хотя данный подход представляет собой в большей мере метод анализа *текста* на основе выявления «понятийных (концептуальных – прим. М.Н.) бинарных оппозиций» (по Э. Лассан), нам представляется возможным его применение в теории дискурса, а именно по отношению к более сложным коммуникативным событиям, чем просто текст.

Одним из подходов к анализу дискурса является изучение его концептосферы. «Дискурс – это пространство для реализации концептов» (Олянич, 2004: 71). При изучении фактического материала – различных текстов политического дискурса

(теледебатов, аналитических комментариев на политическую тему, интервью политиков, писем читателей) – нами было отмечено, что концепты «народ» и «власть» (концепты субъектов политического дискурса) в речи часто выступают в связке, в рамках концептуальной оппозиции. Нам представляется, что изучение концептуальной оппозиции может стать эффективным способом исследования дискурса, поскольку взаимодействие участников институционального общения являет собой суть того или иного типа дискурса.

Идея изучения укрупненного концептуального образования (единства) встречается также у Н.К. Рябцевой, которая рассматривает понятие «концептуальной интеграции» (Riabtseva, 2003), в идеях Т. Андерссона, который анализирует концепты в позиций диалектической теории (Andersson, 1995), а также в ряде диссертационных работ, выполненных под руководством Ю.М. Малиновича (Мишуткина 2004, Борисова 2004, Пашаева 2004), в которых анализируются «семантически сопряженные категории» «добро/зло», «жизнь/смерть», «любовь/ненависть» и другие.

В целом, такой подход к рассмотрению языковой действительности является относительно новым и малоизученным. «В основе бинарности оппозитивного структурирования лежит принцип синергетики, позволяющий рассматривать мир как самоорганизующуюся комплексную систему, базирующуюся на понятии симметрии и асимметрии отношений» (Борисова 2004: 5).

Отметим ряд принципиальных выводов, сделанных в работах, посвященных анализу семантически сопряженных категорий. Анализируя семантически сопряженные категории «добро/зло», И.В. Пашаева заключает, что данные категории «характеризуются непрерывностью семантического пространства и имеют определенную зону пересечения, где та или иная оценка может приобретать положительный или отрицательный смысл в

зависимости от конкретной языковой ситуации» (Пашаева 2004: 6). Нам представляется, что данные свойства присущи абсолютному большинству «оппозитивных» (бинарных) концептов, и реализуются в амбивалентности оценочной составляющей многих концептов. Например, концепт «война» в контексте *«захватническая война»* характеризуется резкой отрицательной оценкой (совпадает с ядром оценочного компонента), а в случае употребления контекстов *«война за независимость»*, *«освободительная война»* концепт «война» приобретает положительную оценку (периферия оценочного поля концепта).

Концептуальной оппозицией в широком понимании можно считать бинарную оппозицию концептов, находящихся между собой в отношениях противоположности («материальное – духовное», «красота – уродство», «день – ночь» и т.п.).

В философии идея оппозитивности (противоположности) рассматривается в контексте диалектического подхода к изучению действительности. Категория диалектического противоречия имеет важное методологическое значение для современной науки, которая все чаще сталкивается с противоречивой природой объектов. Диалектическое мышление не рассекает целое, абстрактно разделяя крайности, а, напротив, осваивает целое как органическое, как систему, в которой противоположности взаимно проникают, обуславливая весь процесс развития. Нет противоположностей без их единства, нет единства без противоположностей (ФС, 1991). Соответственно, философская категория противоположности, положенная в основу определения концептуальной оппозиции, характеризуется такими свойствами как взаимообусловленность, взаимоположение, взаимоисключение и взаимопроникновение противопоставляемых реалий. В рамках институционального дискурса концепты «народ» и «власть» можно рассматривать как

взаимообусловленные противоположности (без одного из участников не состоится дискурс, и политическая деятельность потеряет смысл).

Диалектика рассматривает внешние противоположности не как изначально различные сущности, а как результат раздвоения единого, в конечном счете, как производные от внутренних. Это позволяет говорить о том, что параметр взаимообусловленности противопоставляемых в рамках оппозиции понятий реализуется в интегральных признаках «парных» концептов, которые представляют собой основание для разграничения. «Для всяких оппозиций необходим третий член. Это некое место, откуда разводятся два члена оппозиции. Если А и В отличны, то есть А, есть В и есть некое Х, которое производит само отличие или где это отличие происходит» (Гаспарян <http://anthropology.ru/ru/texts/gasparyan/diver.html>). Отметим, что оппозитивные концепты противопоставляются в рамках каждого компонента: понятийная, ценностная и образная составляющая.

Противоположность, как основной критерий выделения оппозиции, предусматривает, помимо понятийного противопоставления, также наличие оценочного разграничения у феноменов, составляющих оппозиционную пару. На наш взгляд, термин «понятийная бинарная оппозиция», предложенный Э. Лассан, не в полной мере отражает суть феномена и нуждается в уточнении. Прежде всего, ценностный аспект позволяет выделить феномены, составляющие концептуальную оппозицию: «*свет* = хорошо – *тьма* = плохо», «*здоровье* = хорошо – *болезнь* = плохо», «*разведчик* = хорошо – *шпион* = плохо».

Подчеркнем, что наше понимание ценностного аспекта концептуальной оппозиции не сводится к дихотомии «хорошо – плохо», ведь разделение на «белое» и «черное» значительно сужает картину мира, не позволяет познать окружающие явления во всем их

многообразии. «Оказывается, что ничто само по себе не является ни хорошим, ни плохим. И лишь процесс мышления присваивает явлениям определенные ярлыки. Обнаруживается, что объективное существование вещей носит не аподиктический, а проблематический характер» (Берснев 2000: 64). Аксиологическая составляющая концептуальной оппозиции исходит, прежде всего, из набора оценочных признаков, составляющих фреймы соответствующей пары концептов. Например, концептуальная оппозиция «демократ – либерал» не вписывается в отношения «плюс – минус»: каждый концепт подразумевает под собой определенную систему ценностей и приоритетов, обусловленных идеологическим тезаурусом индивидуального и коллективного субъекта, что позволяет ориентироваться в политическом пространстве.

Феномен оппозитивности концептов по их ценностному компоненту коррелирует с таким явлением в языкознании, как прагматическая антонимия (когда в антонимическую пару связываются лексемы, не находящиеся в строго антонимических отношениях в структуре языка, но образуют оппозицию по контексту). При функционировании концептуальной оппозиции контекст понимается в самом широком смысле, как вся ситуация общения, сам дискурс. Контекст устанавливает рамки, в которых противопоставляемые явления функционируют, и ограничивает сферу употребления самих концептов.

Специфика прагматической антонимии заключается в ее подвижности, что допускает возможность разного лексического наполнения в соответствии с меняющейся ситуацией (Китайгородская, Розанова 1995: 101). Эта «нестабильность» является следствием того, что семантическое основание прагматической антонимии в политическом пространстве составляет идеологическая оппозиция «свой – чужой», которая отражает

крайнюю степень поляризованности массового сознания, отсутствие полутонов (Китайгородская, Розанова 1995).

Под **концептуальной оппозицией** в плане ролевой структуры институционального дискурса мы понимаем взаимосвязь концептов субъектов институционального дискурса, обладающих асимметричным социальным статусом (агентов и клиентов). Так, для педагогического дискурса в качестве концептуальной оппозиции будет выступать оппозиция «ученик – учитель», для религиозного дискурса – «бог/священнослужитель – паства», для медицинского дискурса – «врач – пациент». Таким образом, категория противоположности применительно к концептам институционального дискурса воплощается в разграничении статусно-ролевых отношений, т.е. базовым признаком концептуальной оппозиции в рамках институционального дискурса является социальный статус участников коммуникации. Говоря о концептуальной оппозиции в ролевой структуре институционального дискурса, мы подразумеваем, что участники институциональной коммуникации в дискурсе концептуализируются, что и позволяет изучать именно концептуальную оппозицию, а не просто диаду субъектов дискурса.

Вслед за Е.И. Шейгал, мы разграничиваем следующие типы концептов политического дискурса на основании основных аспектов осмысления политического мира: **онтологические, аксиологические и идеологические** концепты. К онтологическим концептам относятся концепты, обеспечивающие само существование политики и политической коммуникации, т.е. концепт ведущей интенции политического дискурса («власть») и концепты субъектов политики («народ», «Политик», «Общество», «Президент» и др.). Аксиологические концепты отражают базовые политические ценности («Равенство», «Справедливость», «Патриотизм» и др.). К идеологическим концептам относятся концепты политических

ориентаций («Коммунизм», «Демократия», «Либерализм» и др.) (Шейгал 2002б). Оговорим, что в данном диссертационном исследовании в рамках концептуальной оппозиции мы будем рассматривать именно онтологические концепты, т.к. они формируют институциональный тип дискурса, в то время как аксиологические концепты дискурса в определенном смысле универсальны, т.к. одни и те же концепты базовых ценностей могут реализовываться в различных типах дискурса.

Выводы по главе 1

Изучение дискурса как лингвистической категории происходит с различных позиций – социального аспекта, прагмалингвистического подхода и когнитивного подхода. Последний предполагает, прежде всего, изучение и моделирование когнитивной базы дискурса через анализ его концептосферы, стереотипов, идеологии.

Базовое свойство антитетичности сознания позволяет анализировать дискурс на основе выделения его базовых концептуальных оппозиций, т.е. бинарных оппозиций концептов, находящихся между собой в отношениях противоположности. При этом категория противоположности характеризуется такими свойствами как взаимообусловленность, взаимополагание, взаимоисключение и взаимопроникновение противопоставляемых реалий.

В рамках ролевой структуры политического дискурса концептуальная оппозиция представляет собой взаимосвязь концептов субъектов институционального дискурса, обладающих асимметричным социальным статусом (агентов и клиентов). Взаимосвязь рассматривается в данном случае как свойства категории противоположности.

Параметры взаимообусловленности и взаимополагания противопоставляемых в рамках оппозиции концептов реализуются в наличии интегральных (инвариатных) признаков «парных» концептов, которые представляют собой основание для разграничения дифференциальных признаков оппозитивных концептов (категория взаимоисключения). Отметим, что концепты противопоставляются в рамках каждого компонента: понятийная, ценностная и образная составляющая.

Глава 2. Актуализация концептуальной оппозиции «народ – власть» в современном российском политическом дискурсе

Рассмотрим, прежде всего, основные подходы к трактовке понятий «народ» и «власть» в социологии.

С позиций социологии народ представляет собой «единое социальное целое, поскольку имеет общую историческую судьбу, существенные признаки сходного образа жизни и нравов, а также чувство принадлежности к единой исторической общности» (КС по социологии). В силу исторической общности, отмеченной в определении краткого словаря по социологии, народ является носителем **коллективного социального опыта**, который и определяет сходный образ жизни, а также наличие сходных мифов и стереотипов в сознании.

Понятие «власть» в социологии трактуется, прежде всего, как форма социальных отношений. Основной характеристикой данных отношений является возможность влиять на характер и направление деятельности и поведения, как отдельных людей, так и социальных групп посредством различных механизмов: экономических, идеологических, организационно-правовых. Главными средствами осуществления политической власти являются административные акты и правовые нормы. Система власти основана на отношениях субординации, т.е. многоуровневого подчинения – **иерархии**.

Отметим, что в лингвистике культурный концепт «власть» не раз становился предметом специального рассмотрения, его изучением занимались Р. Водак, Е.И. Шейгал, А.В. Захаров, С.А. Дроздова. Причина такого внимания к концепту «власть», на наш взгляд, заключается в двусторонности трактовки самого термина «власть»: с одной стороны, она понимается как «способность, право и возможность принуждения», с другой стороны, это люди –

носители власти. В своей работе мы суммируем основные результаты исследователей концепта «власть» и рассмотрим подробнее концепт «народ», т.к. он менее освещен в научной литературе.

2.1 Лингвокультурный концепт «власть»

Исследователи концепта «власть» отмечают многоликость и многоаспектность данного феномена, проявляющиеся в различных сферах человеческого бытия.

Русская лексема *власть* этимологически связана с обладанием. В коллективном сознании власть – это объект отчуждаемой принадлежности, который может быть объектом приобретения, передачи, утраты, а также добычи и завоевания (Жданова, Ревзина 1992; Шейгал 2000). Сема «сила» составляет понятийное ядро концепта *власть* и номинативно реализуется как *твердость, жесткая, могучая, кулак, танк, диктатура, подавление* (Шейгал 2000).

Образно власть воспринимается с двух позиций: как нечто созданное человеком (реализуется в метафорах архитектурного строения, механизма) и как нечто естественно существующее (метафорически представлено как живое существо, явление природы). Также отмечается текущий, преходящий характер власти (Шейгал 2000).

С позиций оценки словарные статьи не в полной мере отражают ценностный компонент концепта «власть», иногда оценка выражена имплицитно (*сила, господство*), что предполагает неоднозначность трактовки (как следует относиться к понятию силы, например, - это хорошо или плохо?). В связи с этим при рассмотрении оценочной составляющей концепта «власть» возникает необходимость обращения к экспериментальным методам исследования, а также к

методу контекстуального анализа. В контексте, а также по данным экспериментальных методов изучения концепта (Шейгал 2000; Лудильщикова 2004) власть преимущественно характеризуется негативной оценочной реакцией.

Одним из атрибутов власти следует признать тайну/загадку (в диахроническом аспекте – чудо/колдовство) (Шейгал 2000, Захаров 1998). Суть политики предполагает разделение субъекта (правитель) и объекта (народ) власти. Исторически «психологическая дистанция между ними была значима в любых общественных системах, от шамана до президента как представителя высшей власти» (Gronbeck 1996: 39). При этом психологическая дистанция рассматривается как ореол таинственности, священный трепет при общении с властью имущими, осознание особой мудрости и проницательности «вождя» (Шейгал 2000: 63). М.А. Кормилицына анализирует интервью В. Мау, одного из разработчиков реформ, входившего в команду Е. Гайдара, с позиций того, насколько в его ответах отражается позиция власти. При этом подчеркивается его высокомерие, граничащее с презрением: «В. Мау ведет себя как человек, постигший высшую истину, которую обычный человек понять не может» (Кормилицына 2004: 12). По сути, эта высшая истина и есть тайна, недоступная народу.

Еще одной важной характеристикой власти является ее персонализация, которая выражается в представлении о власти, как о конкретных людях, обладающих ею (властью) (Шейгал 2000). Таким образом, конкретизация властной личности противопоставляет концепт «власть» концепту «народ» как единичное общему.

Выделяются несколько аспектов **политической власти**:

- 1) Реляционный характер – политическая власть применима лишь к групповым и массовым объектам; «власть это всегда отношение, взаимодействие, власть кого-то над кем-то».

Данный параметр реализуется в разграничении субъекта (властные структуры) и объекта (общество, электорат) политической власти (Водак 1997; Шейгал 2000).

- 2) Директивный аспект – здесь власть трактуется как господство, обеспечивающее выполнение приказа, директивы (Ильин, Мельвин 1997; Шейгал 2000).
- 3) Функциональный аспект – согласно ему власть понимается как способности и умения реализовать функцию общественного управления. С данным аспектом связано изучение ресурсов власти, т.е. используемых ею инструментов для осуществления господства: власть принуждения, должностная власть, референтная (личная) власть (Ильин, Мельвин 1997; Lussier 1990; Шейгал 2000).
- 4) Коммуникативный аспект – рассматривается в контексте проблемы соотношения языка и власти. «Язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью; сам по себе язык не имеет власти» (Водак 1997: 19), т.е. коммуникативный аспект связан с тем, что власть так или иначе реализуется через общение, через отношения власти, в политике власть – это, прежде всего, говорение (Ильин, Мельвин 1997; Гаджиев 1997; Водак 1997; Шейгал 2000). Власть в речи проявляется, прежде всего, в том, что «обладающие властным статусом коммуниканты контролируют и ограничивают коммуникативный вклад нижестоящего участника (не обладающего властью)» (Шейгал 2000: 89).

С.А. Дроздова анализирует полевую структуру концепта политического дискурса «власть» в рамках выделения двух концептуальных зон: «власть – влияние» и «власть – система». Понятийное ядро концепта «власть» в первой из обозначенных концептуальной зоне составляют различного рода властные

политические отношения, имеющие имплицитные семы «право», «влияние», «воздействие». В рамках второй концептуальной зоны автор рассматривает концепт «власть» как «органы государственного управления», подразумевая под органами государственного управления, в том числе, и лиц, облеченных властью, т.е. работающих в этих органах. В исследовании С.А. Дроздовой отмечается большая роль персонификации в рамках концептуальной зоны «власть-система», в результате чего власть предстает как субъект, сила и ум которого оценивается в первую очередь (Дроздова 2004). В плане изучения концептуальной оппозиции «народ – власть» нас интересует, прежде всего, именно «власть-система».

2.2. Лингвокультурный концепт «народ»

2.2.1 Компонентный анализ словарных дефиниций

Одним из методов исследования концептов является **компонентный анализ словарных дефиниций**, суть которого заключается в изучении семантической структуры имени концепта на материале толковых словарей, словарей синонимов и т.д. Номинация *народ*, являющаяся базовым именем лингвокультурного концепта и составляющая его ядро, в толковом словаре Ожегова трактуется следующим образом:

- Народ* – 1) население государства, жители страны;
2) о нации, национальности народности;
3) основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующими классами);
4) то же, что и люди.

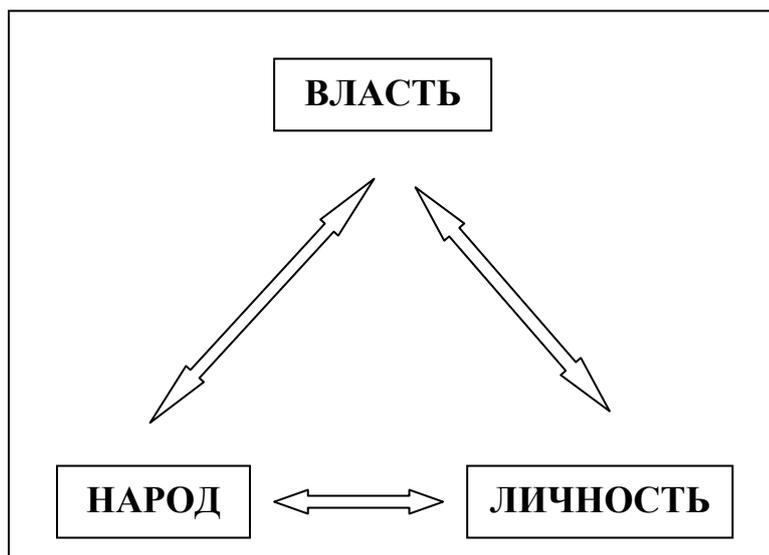
Обратим внимание на то, что в самой дефиниции слова *народ* присутствует базовое для мира политики противопоставление «**народ**

– **власть**» в виде примечания «*угнетаемая господствующими классами*». Данный аспект отражен в языке и зафиксирован в дефинициях также и других лексем, реализующих исследуемый концепт: *простые люди* – принадлежащие к непривилегированным сословиям (БТСРЯ), *плебей* – человек, вышедший из народа, не дворянского происхождения (при сопоставлении с аристократической средой) (БТСРЯ).

С другой стороны, интересно отметить, что одно из значений «власти» – конкретные представители политической власти (органы и лица, облеченные властными полномочиями), позволяет говорить еще об одной оппозиции для рассмотрения концепта «народ», а именно, «**народ – личность**». Данный тезис подтверждается и языковым материалом. Так, например, в дефиниции лексемы *толпа* (языковой вариант концепта «народ») – *перен.* безликая масса людей в ее противопоставлении выдающимся личностям – присутствует оппозиция «народ – личность».

Личность ассоциируется с меньшинством, индивидуальностью, властью: личность, попадающая во власть, неизбежно, в силу объективных или субъективных факторов, выделяется из общей массы, попадая в иерархически отмеченную позицию более высокого социального статуса, о чем свидетельствует, например, сочетание *оторваться от масс*, определяемое в словаре как «утратить связь с народом» (БТСРЯ).

Таким образом, лингвокогнитивную модель концепта «народ» можно представить как образованную пересечением двух осей: **вертикальной оси**, представляющей концептуальную оппозицию «народ – власть», и **горизонтальной оси**, образованной оппозицией «народ – личность».

Рассмотрим содержание концепта «народ» в рамках каждой из выделенных оппозиций.

НАРОД – ВЛАСТЬ

В русской лингвокультуре можно выделить синонимичный ряд номинаций, выражающих концепт «народ», в рамках рассматриваемой оппозиции (по данным словаря синонимов):

НАРОД	ВЛАСТЬ
низкого рода (сословия)	высшее общество
гражданин	государство
простолюдин (простые люди), простонародье	знать, вельможа, чиновник,
обыватель, мещанин	аристократия
подонки/отбросы/отребье общества	сливки/цвет/соль общества бомонд
человечишка, людишки, чернь, плебей, быдло	магнат, шишка

Представленные номинации находятся в различных пластах лексического строя языка (официальная, нейтральная и разговорно-жаргонная лексика).

В официальной лексике (гражданин, гражданское общество) представлена статусно-ролевая интерпретация рассматриваемого концепта. Дефиниция *гражданин* – *лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей* – отражает соотношение «народ – власть». В данном случае *гражданин* ассоциируется с населением, гражданским обществом, для которого власть, в данной оппозиции выражающаяся понятием «государство», является «службой» (*пользоваться защитой, услугами государства* – БТСРЯ).

Стилистически нейтральные номинации (*простые люди, обыватель, мещанин*) характеризуются чаще отрицательной оценкой. Так, компоненты *непривилегированный, лишенный, мелкие интересы* в определениях номинаций *простолюдин* – человек, принадлежащий к непривилегированным сословиям (БТСРЯ) (*Выходец из простолудинов*); *обыватель* – человек, лишенный общественного кругозора, живущий только мелкими личными интересами, мещанин (*превратиться в обывателя, обывательские настроения, обывательщина*) (БТСРЯ), – придают неодобрительный оттенок данным номинациям. А также дефиниции данных номинаций сопровождаются пометами «неодобр.», «презр.».

В разговорно-жаргонной лексике (*подонки/отбросы/отребье общества, плебей, быдло*) концепт «народ» приобретает уничижительную оценку. Например, значение лексемы *отребье* как определенный круг людей основано на метафорическом переносе *Отбросы, негодные остатки [первонач. после очистки, тербления]*.

В словаре акцентируется низкая мораль и несостоятельность таких людей – *морально разложившиеся, никчемные люди*. Уничижительность оценки актуализуется за счет сопроводительной пометы «презр.».

В современном российском политическом дискурсе достаточно часто из пласта разговорно-жаргонного лексического строя языка употребляется лексема *быдло*. Слово *быдло* определяется как «люди, которые бессловесно выполняют для кого-нибудь тяжелую работу» и сопровождается пометой «прост., презр.» (Ожегов, 1984).

Отметим, что это не представление народа о самом себе, а видение народа глазами власти или то, как, по мнению народа, власть относится к ним: *они – власть – держат нас за быдло* (Изв., письма читателей). При этом понятие «труда» является определяющим в расстановке акцентов в оппозиции: народ как *быдло* – это класс *трудящихся, бессловесно выполняющих тяжелую работу для кого-нибудь*, а власть – только пользуется результатами этого труда: *Есть идеология денег: У меня денег много, а ты – быдло* (теледебаты). Анализ контекстов употребления лексемы *быдло* позволяет говорить также о других устойчивых ассоциативных признаках: «необразованность» и «нежелание думать»: *То есть народ – это безграмотное «быдло», надо просто подобрать нужные пиаровские финты – и голоса обеспечены* (Изв., письма читателей).

НАРОД – ЛИЧНОСТЬ

В рамках данной оппозиции концепты «народ» и «личность» представлены следующими номинациями:

НАРОД – толпа, массы, скопище, сборище, орава.

ЛИЧНОСТЬ – индивидуальность, особа, персона

В рамках рассматриваемой оппозиции концепты «народ» и «личность» связаны горизонтальными отношениями (личность – один из народа). Но в то же время, именно выделившаяся из народа яркая, сильная личность может уйти во власть (социальное перемещение по вертикали).

Отметим оценочную амбивалентность концепта «народ» в зависимости от того, в какой оппозиции он фигурирует и от регистра общения. Если в официальной речи, реализующейся в рамках оппозиции «народ – власть», народ чаще маркирован положительно, то в оппозиции «народ – личность» личность приобретает положительную оценку, а народ как толпа – отрицательную: *безликая толпа* в оппозиции к *выдающейся личности*. Толпа как единое целое – безлика и размыта, в то время как индивидуальность всегда четко выражена (*яркая индивидуальность; выдающаяся личность*) (БТСРЯ). Само понятие «толпа» также приобретает отрицательную коннотацию (понятие «скопище», включенное в денотат толпы, отмечено пометой – *неодобр.*). С другой стороны, часто встречающаяся коллокация *затеряться в толпе* (БТСРЯ) отражает характерное для русского человека стремление уйти от ответственности, и в данном случае *толпа* становится положительно маркированной, поскольку выполняет защитную функцию. Кроме того, с позиций толпы личность также может характеризоваться отрицательной оценкой, что выражено в сочетаниях *белая ворона, выскочка*.

По данным Русского Ассоциативного Словаря, основными образно-оценочными аспектами противопоставления, лежащими в основе оппозиции «народ – личность», являются:

- множественность – единичность;
- низкий – высокий уровень жизни;
- сила – слабость (в зависимости от ситуации общения);

- хаос – порядок;
- безликость – индивидуальность;
- серость – яркость;
- размытость – четкость.

Таким образом, компонентный анализ словарных дефиниций позволяет выявить основные содержательные признаки концепта «народ», к которым относятся: а) в рамках понятийного компонента концепта – «общность», «этно-демографическая принадлежность», «множественность», «непривилегированность»; б) в рамках образно-оценочного компонента – безликость, размытость, хаотичность, разрушительность.

2.2.2 Языковая рефлексия концепта «народ»

Вербализация любого концепта осуществляется через его обозначение и выражение. Обозначение реализуется через множественные номинации (синонимы, варианты), а выражение осуществляется в контексте дискурсивного употребления. Для анализа контекста актуальными могут оказаться как минимальные фрагменты текста (словосочетания), так и более крупные фрагменты, вплоть до целого текста.

Анализ соотношения концепта и дискурса предполагает два направления. С одной стороны, концепт формирует дискурс, лежит в основе развертывания дискурса. С другой стороны, дискурс способствует раскрытию и уточнению содержания концептов, что проявляется в речевых актах – рефлексии. Изучение языковых рефлексивов предоставляет широкие возможности для исследования концептосферы языка в общем и отдельных концептов в частности.

Языковая рефлексия является одной из характерных черт периода бурного развития и перестройки общества. «В эпоху

перемен, когда рушится старое, а новое еще не устоялось, не определилось, многие рефлексивы отражают раздумья автора над точностью и адекватностью номинаций, используемых для обозначения положения дел» (Кормилицына, 2000). Под **языковым рефлексивом**, вслед за И.Т. Вепревой, мы понимаем «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» (Вепрева 2002: 176).

Базовые концепты политического дискурса являются весьма значимыми для данного типа коммуникации как объекты **рефлексии**: объекты осмысления, интерпретации и оценивания.

В политическом дискурсе основной целью языковой рефлексии говорящего, как считает И.Т. Вепрева, является необходимость преодолевать коммуникативные помехи, создаваемые смысловой неопределенностью (Вепрева 2002). «Дело в том, что в современном политическом дискурсе мы нередко сталкиваемся с ситуациями, когда проблемы семантики становятся политическими, и участники дискурса вынуждены прибегать к метаязыковым операциям по толкованию значения того или иного выражения» (Шейгал 2002в: 133). Языковая рефлексия занимает особое место в таких жанрах политического дискурса как интервью, дебаты, аналитический комментарий и т.п., где прояснение взглядов и позиций является основой высказывания и определяет специфику этих жанров.

В лингвистике принято разграничивать два типа рефлексивов: коммуникативные (акты интерпретации фактов речи) и концептуальные (акты интерпретации денотата, стоящего за фактами речи) (Вепрева, 2002, Шейгал 2002в), в зависимости от функции выполняемой ими: **коммуникативная** (позволяет преодолеть коммуникативное напряжение) и **концептуальная** (позволяет проследить динамику концептуального видения носителя языка) (Вепрева, 2002).

Анализ рефлексивов способствует более глубокому исследованию концептов, поскольку они отражают концептуальное ядро, позволяя обозначить очаги когнитивного и коммуникативного напряжения. К таким очагам относятся: формирование и вербализация нового концепта; психологическое состояние общества (основан на оппозиции «свой – чужой»); идеологическая переориентация концептосферы, стирание, переориентация или приращение коннотативных смыслов; индивидуальное понимание стандартизированных концептов.

Коммуникативные рефлексивы отражают коммуникативное напряжение и вербализуют усилия для нахождения нужной лексической единицы, адекватной коммуникативному замыслу говорящего, это работа со словами.

Концептуальные рефлексивы же связаны, прежде всего, с когнитивными процессами, с трансформацией концептов в самом общем виде. Для нашего исследования релевантным является анализ именно концептуальной рефлексии.

Отметим, что «концептуальные рефлексивы позволяют обозначить лишь очаги когнитивного напряжения, но не дают возможности охарактеризовать концепт полно» (Вепрева 2002: 209), поэтому представляется возможным рассматривать, наряду с рефлексивами, и более крупные контексты рефлексивного характера в виде аналитических высказываний, мнений, суждений, в которых объектом аналитического осмысления является концепт «народ».

Рефлексивы являются способом **фиксации нового опыта**, они:

- формируют и вербализуют новые концепты
- и/или
- отражают изменения в структуре / содержании уже сложившихся концептов.

И.Т. Вепрева обозначает основные критерии когнитивного напряжения:

1. **Динамический** – формирование и вербализация нового концепта;
2. **Стилистический** (социальный) – определяется психологическим состоянием общества, основан на оппозиции «свой – чужой»;
3. **Деривационный** – идеологическая переориентация концептосферы; стирание, переориентация или приращение коннотативных смыслов;
4. **Личностный** – индивидуальное понимание стандартизированных концептов.

При этом динамический и деривационный критерии призваны выявлять развитие массового обыденного сознания носителя языка, в то время как стилистический и личностный критерии отражают индивидуальное восприятие концептов (Вепрева 2002: 126 - 200). Поэтому для нас представляют интерес в большей мере **динамический** (отражает формирование **нового концепта**) и **деривационный** критерии (отражает трансформацию **сложившегося концепта**).

Формальными показателями языковой рефлексии можно считать такие вводные фразы как:

- на уровне интерпретации фактов речи (коммуникативная рефлексия) – *то есть; так называемый; я имею в виду; в хорошем, в плохом смысле; не нравится мне это слово; слово, вызывающее у избирателя...* и т.п.
- на уровне интерпретации денотата, стоящего за фактами речи (концептуальная рефлексия) – *это на самом деле обозначает; противительная конструкция типа это не X, а Y; то, что называется..., на самом деле, представляет собой...; но смысл*

был иным; фактически надо понимать как..., трактует как...
и т.п.

На основе анализа видеотекстов предвыборных теледебатов и аналитических газетных статей представляется возможным выделить составляющие концепта «народ», являющиеся основным источником возникновения когнитивного напряжения и потому наиболее часто подвергающиеся языковой рефлексии.

С позиций **деривационного критерия** когнитивного напряжения, который представляет собой изменения в структуре давно сложившегося концепта, объектами языковой рефлексии выступают не только понятия, вербальное выражение которых образует синонимический ряд номинации *народ* (*гражданин, обыватель, мещанин, средний класс* и пр.), важными признаками изучаемого концепта являются смежные аксиологические и идеологические концепты («национальная идея», «власть народа», «демократия»).

В современном российском обществе после ломки идеологии и стереотипов советского периода активизируется процесс формирования и становления новой идеологии, на что указывают многие авторы (Вепрева 2002, Яковенко 1996, Гаврилова 2003 и др.). Концепт «народ» также пересматривается и переоценивается, расширяются рамки этого понятия, смещаются слои. Если в советское время ядром концепта народ было определение «простолюдины», т.е. «эксплуататорские классы вычеркивались из народа» (Яковенко 1996), то в настоящее время данная характеристика народа сместилась на периферию.

Идет активный процесс переоценки смыслов понятий «обыватель», «мещанин», которые не просто получают право входить в народ, но и составляют основную часть народа. Языковая

рефлексия отражает трансформацию содержания данных сформированных концептов.

Народ.

С позиций деривационного критерия рефлексии подвергаются такие характеристики концепта «народ» как *ум, активность жизненных позиций*: *Народ – это умные образованные люди, почему вы считаете, что их легко облапошить* (теледебаты); *Народ вполне осмысленно оценил политику властей* (Изв.)

В данных примерах народ рассматривается не как «простолюдины», а как образованные люди, способные рационально мыслить и осознанно воспринимать действительность.

Отметим особую характеристику рефлексии концепта «народ» в современном российском политическом дискурсе. Она заключается в осмыслении данного концепта, прежде всего, в его сравнении со смежными понятиями: «народ – население», «народ – гражданское общество», позволяя более четко определить границы ядерных признаков рассматриваемого концепта.

Рассмотрим разграничение понятий «народ» и «население» с позиций их рефлексии. Основное различие номинаций *народ* и *население* состоит в том, что *народ* является коннотативно-маркированным словом. И. Яковенко отмечает: «Народ — понятие многозначное. Народом могут называть и племя, и всех граждан определенного государства, и нацию. Во всяком случае, это понятие ценностно нагруженное, а потому подвержено идеологическим извращениям» (Яковенко 1996: 117). Лексема же *население* представляет собой скорее термин экономической географии и политической статистики (с «нулевой» ценностной составляющей). Это проявляется как в дефиниции данной лексемы – жители какого-нибудь места (страны, города и т.п.) (БТСРЯ), так и в его сочетаемости: *большинство населения, мужская/женская часть*

населения, работающее население (там же). Терминологический характер лексемы *население* обуславливает отсутствие ценностного и образного компонентов у соответствующего концепта. Понятия «народ» и «население» соотносятся как частное к общему. Хотя следует отметить, что в текстах газетных статей и предвыборных дебатов слова *народ* и *население*, как правило, функционировали как взаимозаменяемые синонимы: *они обманывают население (народ); опираясь на мнение и поддержку населения (народа); за какие заслуги население (народ) ценит «чемпиона» политических рейтингов* и т.п. С другой стороны далеко не все представители современной русской лингвокультуры отождествляют народ с населением.

- *Народ – это что?*
- *Это население. (Смеется).*
- *Судя по вашему смеху, вы все-таки не считаете, что эти понятия синонимы.*
- *Нет, конечно. Народ – это думающая часть населения. Почему-то количество этой думающей части населения среди нас не увеличивается. А энергетика народа становится от подавляющего большинства населения меньшей* (Изв.)

Нам представляется, что апелляцию к концепту «население» в политическом дискурсе можно рассматривать как ироническую подмену идеологически нагруженного концепта «народ»: *душа у нашего населения есть. Располагается она в пятках, куда ушла в результате нашей постоянно героической истории. Нараспашку душа населения обычно открывается в момент, когда тело находится в определенной стадии алкогольного опьянения. Иногда это происходит и при других обстоятельствах – например, когда можно ругать того, кого ругает власть* (Изв.). В данном примере,

население принимает позицию власти, в то время как народ относится к политической действительности критически.

В оппозиции «народ – гражданское общество» рассматриваемые понятия противопоставлены, прежде всего, как «хаотичное – системное». Сравним,

- а) *Политики и олигархи привыкли воспринимать народ как некую аморфную электоральную биомассу (эл. СМИ); Народ – общая масса и нет консолидирующей силы, которая спрашивает с него это (теледебаты);*
- б) *Концепция гражданского общества в любом толковании включает в себя все организации и объединения, стоящие вне государственных структур (теледебаты).*

Во время телевизионных предвыборных дебатов 2003-2004 гг. также наблюдалось стремление к «объединению» народа и власти (идентификации политика с избирателем): *мы, народ, устали от идеологий; зачем нам, я имею в виду народу...; глобализаторы пытаются решить свои проблемы за счет нас вами; в моем понимании, в понимании народа...; мы приходим к народу, и мы сами из народа, с тем, что сегодня нам нужно (теледебаты).*

Подобные заявления предполагают дальнейшее четкое разграничение позиций народа и власти, более точное определение объема понятия «народ»:

- *Я бы попросил партию, которая присвоила себе название «народная», все-таки как-то осторожнее апеллировать к народу. Вы еще не народ. Вы конкретный...*
- *И вы тоже не народ.* (теледебаты)

Анализ метаязыковой рефлексии концепта «народ» позволил выявить у него наиболее значимые характеристики:

- а) *неискушенность в политике (отсутствие интереса к политике);*

- б) природный ум, мудрость;
- в) хаотичность, неорганизованность (вербализируется в лексемах *массы, толпа*).

Мещанин.

Активная вербализация данного концепта является признаком его возвращения в актуальное языковое сознание, это сопровождается изменением его структуры – уходит идеологическая маркированность данного концепта. Однако, несмотря на «возрождение» концепта «мещанин» в современном российском политическом дискурсе, для него характерна реализация, прежде всего, в текстах СМИ, а не в речах политиков и народа. Понятие «мещанин» можно соотнести с понятием «простой человек/люди», которое является, на наш взгляд, менее идеологически и ценностно нагруженным: *«Квалифицированное большинство» российского населения – это не бедные и не богатые люди, которые хотели бы максимально спокойно и радостно прожить свою единственную и неповторимую жизнь именно в этом месте мира. То есть мещане...* (Изв.).

В массовом сознании сохраняется еще исторически сложившаяся негативная оценка понятия «мещанин», поэтому в речах политиков, особенно во время предвыборных теледебатов, данная лексема не использовалась, а заменялась более традиционными номинациями и словосочетаниями. *Я многократно общался с простыми людьми ... Мы все здесь присутствующие для них - это власть. А что люди ждут от власти на сегодняшний день, сегодня в России? Они ждут очень простых вещей, очень понятных. Они ждут достатка в семье, чтобы можно было дожить до зарплаты, выполнить свои обязательства перед своими детьми, они хотят жить в нормальном благоустроенном жилье, где над ними на крыше не капало. Они хотят вывести детей погулять на нормальной*

детской площадке в их двор. Это очень простые вещи. И вот если кто-то из нас, кто-то из представителей политических партий, в их сознании будет ассоциироваться с человеком, который им дал эти простые, важные, нужные, понятные им вещи, вот тогда мы будем нужны этим людям (теледебаты).

С другой стороны, понятие «мещанин» коррелирует с понятием «обыватель». Следует отметить, что контекстуальная реализация концепта «обыватель», как правило, сопровождается маркерами негативной оценки: *Т.е. российский обыватель четко продемонстрировал свои чисто животные, крупно-рогатые, коровьи инстинкты: всерьез обеспокоить, заставить хотя бы просто выйти на площадь его может или непосредственная физическая угроза его шкуре (эл. СМИ). Таким образом, понятийный ядерный признак концептов «мещанин» и «обыватель» совпадает: «озабоченность своим благосостоянием». Данные концепты отличаются по своей образно-оценочной реализации: «мещанин» характеризуется преобладанием нейтральной оценки, «обыватель» - отрицательной. Кроме того, в следующем примере: *Толпа, обыватели – это материал для строительства, воспроизводства общества. Люди этой социальной принадлежности всегда с излишним доверием, не критично относящимся к разнообразным уверениям платных идеологов и пропагандистов правящего режима и его элиты; - «обыватель» представлен как бездумный, бездуховный, не критичный. В целом, наиболее близким к понятию «мещанин» в политическом дискурсе является понятие «средний класс»: В России мещане – это пока еще не слишком адекватное замещение среднего класса (Изв.).**

Власть народа.

Концепт «народовластие», как и концепт «мещанин», относится к концептам предшествующей (советской) дискурсной формации. По

мнению Э. Лассан, данный концепт «фиксирует идеологическое поле, в рамках которого актуализируется оппозиция *народ – не-народ*» и «включает» поле с определенными идеологическими установками всеобщего равенства, общественных прав, а «не-народ» (олигархи, эксплуататоры, партия) не манифестируется как обладатель соответствующих прав (Лассан, Макарова 2004). В современном дискурсе концепт «народовластие» приобретает новые элементы содержания: «свобода», «голосование», «способ осуществления»: *Власть народа, в вашем понимании, подразумевает процедуру голосования; вы говорите, что народовластие осуществляется путем выборов. Но на практике у наших избирателей неразбериха и каша в голове... партия – это способ народовластия; Российская Федерация – демократическое государство. То есть государство, в котором власть принадлежит народу. Демократия – это власть народа (теледебаты).*

Отметим, что сочетание «власть народа» не является признаком нивелирования концептуальной оппозиции, поскольку власть в данном случае представляет собой понятную зону «власть-влияние», а не «власть-система», в рамках которой и реализуется оппозиция «народ – власть».

Национальная идея.

Во время предвыборных телевизионных дебатов 2003 г. тема создания национальной идеи не раз становилась предметом специального обсуждения на разных каналах (ОРТ, РТР, НТВ, ТВЦ). Понятие «национальная идея» тесно связано с идеологией страны: крушение старых идеологических принципов неизбежно ведет к крушению и национальной идеи, объединяющей этнос.

Поскольку основной функцией национальной идеи является сплочение нации, то при апелляции к понятию «национальной идеи» переосмысливается и сам концепт «народ»: *Национальная идея, это то,*

что выражает сам народ. ... Национальная идея может родиться только внутри народа, а нами (политиками) может только правильно или не правильно осознана, не больше; Национальная идея — это как смысл жизни народа. Всю свою историю наш народ стремился к свободе и справедливости. Свобода, справедливость, социальная справедливость, уважение, что в России имеет особое значение, это и есть суть национальной народной идеи; Вот у вас национальная идея – демократия, а это ложная посылка... (теледебаты).

Динамический критерий когнитивного напряжения, который связан с введением, формированием и функционированием относительно новых концептов в языке, применим к следующим концептам: «гражданское общество», «средний класс», «электорат».

Гражданское общество.

Концепт «гражданское общество» является относительно новым концептом в русской лингвокультуре: *Современные «политтехнологи» с большой охотой жонглируют словами «гражданское общество». Что это за общество такое - никто не знает. Но все вроде бы согласны, что эту непонятную штуку надо скорее внедрять, чтобы государство простых людей не заело (эл. СМИ).*

В данном примере очевидно отсутствие четко сформированного концепта «гражданское общество» в российской лингвокультуре, в связи с чем возникает необходимость метаязыкового комментирования данного понятия: *основой любого гражданского общества, обратите внимание гражданского общества, мы об этом говорим, является толерантность; у нас нет сильного, развитого и дееспособного гражданского общества, которое способно защитить любого из нас* (теледебаты). В приведенных примерах когнитивное напряжение снимается за счет рефлексии понятийного компонента

концепта – происходит расшифровка «что есть гражданское общество», которая базируется на основе описания сущностных оценочных признаков (*толерантность*) и функций (*защита граждан*), присущих рефлекслируемому феномену. Кроме того, формируется образно-оценочный компонент, выраженный через позитивно маркированные лексемы *способно, защитит*.

Средний класс.

Концепт «средний класс» также активно подвергается рефлексии: *Мы считаем, что чем больше в стране будет собственников, чем больше будет компаний, чем больше будет самостоятельных людей, которые сами решают свою судьбу, которые сами работают, сами зарабатывают, тем мощнее у нас будет средний класс, тем быстрее мы решим проблему бедности* (теледебаты).

В данном примере, очевидно, комментируется не только понятийный компонент концепта, но и присутствует попытка рефлексии образно-оценочной составляющей концепта. При этом отметим парадоксальность оценки феномена. С одной стороны, присутствие в описании таких слов, как «самостоятельные», «решают свою судьбу», «зарабатывают» предполагает позитивную оценку. В то же время, понятия «мещане», «собственники» по сложившейся (советской) традиции в массовом сознании носителей русской культуры характеризуется в определенной степени негативными образами и ассоциациями. Поэтому в данном случае, мы можем говорить о том, что концепт «средний класс» еще недостаточно сформирован (не создан ни положительный, ни отрицательный образ концепта). Хотя, как отмечалось выше, метаязыковая рефлексия в современном российском политическом дискурсе не отражает четкого негативного отношения к мещанам в

массовом сознании, что свидетельствует о динамичной трансформации данного концепта.

Электорат.

Концепт «электорат», так же как и рассмотренные выше концепты «средний класс», «гражданское общество», характеризуется отсутствием устоявшегося содержания: *Знаете, не хотелось бы, чтобы эта фраза «электорат – одноразовый народ», чтобы она была в жизни существенной и к месту, Мы здесь много говорим о депутатах, говорим о партиях, но забываем о том, что они все, партии, депутаты, это ради народа. И сегодняшние выступления, и замечания наших семей, это, в общем, глас народа. Хотите, называйте его электоратом, хотите народом, но это так.*

Важно отметить, что указанные формирующиеся концепты («гражданское общество», «средний класс», «электорат») были заимствованы из западной культуры, и соответственно, отражают менталитет и ценностные приоритеты западных стран. Но при переносе в российское языковое сознание данные концепты «обживаются», происходит их адаптация в российской лингвокультуре. Эти концепты трансформируются: добавляются новые характеристики, уходят нерелевантные признаки. При этом адаптация данных концептов в российском языковом сознании связана, прежде всего, с формированием образно-оценочного компонента (средний класс – это «определенная марка машины», «квартира с евроокнами», «отдых в Турции» и т.п.).

По результатам контекстуального анализа концепты «гражданское общество» и «средний класс» характеризуются, как правило, положительной оценкой.

Лексема *электорат*, возможно, в силу того, что у нее есть исконно русский коррелят *избиратель*, встречается, как правило, в отрицательно-оценочном контексте. Ядерными оценочными

признаками концепта «электорат» являются «бездумность», «бездушность», «подверженность влиянию»: *Русские, посмотрите как вас называют. Вы уже не народ, не люди, а какой-то тупой электорат, который можно надуть и околпачить; Бывший народ, сегодняшний «электорат» - т.е. лохи (политический Интернет-форум).*

Отметим такую особенность рефлексивных высказываний: относительно новые концепты сопровождаются, как правило, более развернутым и подробным метаязыковым комментарием, чем уже сформированные концепты. Думается, что причиной такого различия является то, что в последнем случае (сформированные концепты) меньший объем характеристик (как правило, только оценочная составляющая концепта) подвергается осмыслению. Например, о том, что такое «народ» большинство носителей языка имеют представление, принципиальным становится вопрос о том, как к этому относиться. Поэтому в плане понятийного компонента рефлексивуется динамика каких-либо характеристик в составе концепта – какие признаки смещаются к ядру, какие уходят на периферию. С другой стороны, новые концепты нуждаются в комментировании как понятийного ядра («в чем суть?»), так и образно-оценочного компонента («хорошо или плохо?», «какие ценности отражаются в них?»).

Таким образом, анализ языковых рефлексивов в тексте предоставляет широкие возможности для исследования концептосферы языка в общем, и отдельных концептов в частности. В политической коммуникации языковая рефлексия позволяет проследить динамику развития отдельных концептов данного дискурса.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в современном обществе идет процесс переосмысления содержания таких понятий,

как «народ», «мещанин», «обыватель», «власть народа» и «национальная идея». Характерно, что метаязыковой рефлексии подвергались все составляющие концепта «народ». В структуре этого концепта от периферии к центру смещаются следующие характеристики: активность, осознанность собственных действий, стремление к стабильности. Кроме того, формируются относительно новые концепты политического дискурса: «гражданское общество», «средний класс». И хотя пока еще не наблюдается четко устоявшейся денотативной и коннотативной составляющей данных лексем, на наш взгляд, прослеживается тенденция к созданию позитивного образа их денотата в российском массовом сознании.

Данные компонентного анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа, а также результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента (см. п. 2.3.1) позволяют выделить ядерные и периферийные признаки концепта «народ». К ядру концепта «народ» относятся такие признаки как: общность, этно-демографическая принадлежность, множественность, непривилегированность. К периферии концепта относятся следующие признаки, список которых не является жестко закрытым: низкий уровень жизни, серость, безликость, размытость, хаотичность, разрушительность и др.

2.2.3 Апелляция к концепту «народ» как инструмент политической манипуляции

Особенностью политического дискурса, отличающей его от других видов институционального общения, является **цель** – борьба за власть (агитация за власть, захват и удержание власти, ее стабилизация). Соответственно, все основные функции политического дискурса (интеграция и дифференциация групповых агентов политики; агональность и гармонизация; акциональность и

информативность; интерпретация и ориентация; контроль и побуждение) связаны с главной целью политической коммуникации и являются, по мнению Е.И. Шейгал, аспектами проявления борьбы за власть (Шейгал 2000). Поэтому политический дискурс активизируется и политическая коммуникация приобретает наиболее интенсивный характер именно в предвыборный период по сравнению с другими периодами политической жизни общества. Предвыборная коммуникация характеризуется интенсификацией манипулятивных стратегий, усиливается влияние на общественное сознание. Даже реакция на критические события в предвыборный и «поствыборный» периоды различается; например, после Бесланской трагедии многие политики отказались комментировать ситуацию, в то время как многочисленные пожары в сельских школах активно обсуждались перед декабрьскими выборами в Государственную Думу. В связи с этим, в своей работе при анализе «манипулятивного» потенциала концепта «народ» мы в исследовательских целях ограничили область изучения языкового материала текстами предвыборного дискурса. Мы считаем, что данная сфера политической коммуникации в полной мере отражает манипуляцию концептом «народ».

Теория коммуникации рассматривает манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное использование которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» (Доценко 1997: 59). М.Р. Желтухина отмечает такие характерные черты манипуляции, как коммуникативную искусность, ловкость и мастерство адресанта, т.е. «превращение адресата в марионетку и одновременное создание иллюзии самостоятельности принятия решений и действий адресата» (Желтухина 2003: 75). Некоторые исследователи рассматривают манипуляцию в рамках бихевиористского подхода, основанного на отношениях «стимул –

реакция»: манипуляция рассматривается как «целенаправленный стимул любой природы, целью которого является побуждение к появлению некоторой реакции», при этом, манипуляция не формирует реакций, а влияет на уже сформированные (Цинев 2005). Из представленных определений можно выделить ряд признаков манипуляции:

- 1) отношения «субъект → объект»
- 2) скрытый характер воздействия (неосознанность адресатом факта воздействия)
- 3) наличие цели, выгодной для манипулятора.

В качестве объекта манипуляции народ является либо прямым адресатом политического сообщения (в жанрах политической рекламы, политического интервью, митинга), либо адресатом-наблюдателем (в жанрах теледебатов, политических ток-шоу). Стереотип народа как объекта манипуляции вербализуется в следующих устойчивых сочетаниях: *обманывать народ, оболванивать народ, морочить народу голову, вешать народу лапшу на уши, скрывать правду от народа.*

Особенность манипуляции в предвыборной коммуникации состоит в осознании объектом воздействия (народом) глобальной цели манипулятора – заставить проголосовать за определенного кандидата / партию. Это, с одной стороны, формирует скептическое отношение объекта манипуляции к манипулятору и его действиям, поэтому в предвыборный период отмечается наплыв «народных» жанров в политической коммуникации: письма читателей, лозунги, политические анекдоты и частушки, где народ выражает неприятие идей, навязываемых манипулятором, открыто вербализуя интенции власти: *для недостойного, негодяя всегда порядочный человек соблазнителен для своекорыстного манипулирования в силу безнаказанности этого действия по причине совестливости*

последнего – на гнусность гнусностью никогда не отвечает. Поэтому негодяю не возбраняется уже ничем безбоязненно употребить нравственного человека как средство, биоматериал для своих нужд несчетное количество раз (политический Интернет-форум).

С другой стороны, как показывает анализ, манипуляция общественным сознанием все же остается ведущим способом воздействия на избирательскую аудиторию, при этом характерна частотная апелляция манипулятора к концепту «народ», его вербализации в коммуникативном пространстве предвыборных дебатов. Обращения к данному концепту представляется одним из наиболее эффективных средств манипуляции, поскольку он является информационным ядром коммуникации в жанрах предвыборного дискурса. Помимо открытой цели (заставить проголосовать в пользу определенного кандидата), у манипулятора есть стратегическая цель конкретного речевого воздействия, неосознаваемая реципиентом, - «модификация знания аудитории», обеспечивающая нужные изменения в поведении объекта воздействия за счет встраивания определенных смысловых связей в структуру его знания. На основании того, какие составляющие концепта подвергаются модификации, выделяются три тактики речевого воздействия: понятийной категоризации, образной категоризации, ценностной ориентации (Иванова 2003). Применительно к концепту «народ», манипуляция данным концептом реализуется во всех трех тактиках:

1. Понятийная категоризация

- а) через апелляцию к составляющим частям народа: *Потому что именно в результате нашего курса у государства появляется возможность помогать учителям, пенсионерам, студентам, инженерам, военнослужащим всем тем, кого мы называем бюджетная сфера (Константин Ремчуков); Я обращаюсь к работникам военно-промышленного комплекса и наукоемкой*

промышленности, я обращаюсь к военнослужащим и военнослужащим запаса, а так же к их семьям, я обращаюсь к преподавателям вузов и учителям школы, врачам, инженерам, рабочим нашей, в общем-то, разгромленной промышленности (Евгений Черепанов).

б) через оппозицию «народ – власть»: Не барышники и ростовщики, а именно вы, те, кто создавали великую страну и составляют ее будущее (Евгений Черепанов); Мы должны понимать, что политика - это баланс интересов. И от каждого от нас зависит, этот баланс склониться к общенациональным интересам, или к частным интересам олигархов, которые сегодня вершат судьбами страны (Сергей Глазьев).

2. Образная категоризация: Не могут краснобаи и баламуты накормить (Константин Ремчуков); Накормить... Если для вас народ свиньи, тогда ваша позиция достаточно понятна; Я еще раз говорю, что мы реализуем те вопросы, которые сегодня ставит народ, который за 12 лет изголодался от идеологических дум (Николай Дежур); А постоянное употребление слова «народ» или каких-то других слов, слаще-то во рту от этого не становится (Андрей Нечаев); Я понимаю призыв Похмелкина «гражданин — не дойная корова». К сожалению, государство обращается с гражданами нашей страны, подчас, как с дойной коровой (Виктор Геращенко); Отнять у человека право на религию, на его самобытность, на его культуру, то есть татарин, русский, чечен, якут, еврей должны потерять свою самобытность и быть массой без национальности, без культуры.... Ведь массу всегда можно превратить в желаемую форму, то есть в кучу, а куче легче навязать сатанинскую религию (Сергей Попов).

Для модификации образной составляющей концепта «народ» используется, прежде всего, метафора «голода», что указывает на

бедственное положение народа (*накормить, изголодался, слаще во рту не становится*), которого используют в своих целях оппоненты (*дойная корова, массу всегда можно превратить в желаемую форму*).

3. Ценностная ориентация: *Всю свою историю наш народ стремился к свободе и справедливости. Свобода, справедливость, социальная справедливость, уважение, что в России имеет особое значение* (Григорий Явлинский); *Их, извините, место на скамье подсудимых. Причем на процессе, на котором народ будет выступать против тех, кто такую рознь разжигает* (Юрий Нисневич).

В подобного рода высказываниях народу приписываются такие ценности, как свобода, справедливость, уважение, миролюбие. И за тех, кто данные ценности не воплощают в жизнь (подразумевается – оппонент), народ голосовать не должен.

По мнению ряда исследователей политического дискурса, одной из наиболее эффективных манипулятивных техник (приемов лингвистической демагогии) является «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию». Суть данного приема состоит в том, что идея, которую надо внушить адресату (ассерция), подается под видом пресуппозиции (Булыгина, Шмелев 1997). Воздействие на адресата осуществляется путем отсылки его к создаваемому в процессе коммуникации фантому «общего фонда знаний» (Николаева 1988). В предвыборных дебатах ассерция, которая маскируется под пресуппозицию, во всех случаях одна: «Вы должны голосовать за нас». Анализ текстов российских предвыборных теледебатов в период октябрь-декабрь 2003г. также позволил выделить несколько тактик манипуляции

1) **тактика идентификации политика с народом** (пресуппозиция – мы, политики, и есть народ, и если вы проголосуете за нас, то мы

решим ваши проблемы): Мы сможем решать вместе с вами наши общие проблемы; Мы партия, которая будет всегда следовать нашим общим с вами интересам (Григорий Явлинский); зачем нам, я имею в виду народу, еще одна новая вера; многие наши громкоголосые партии и этот 5% барьер не пройдут, потому что они абсолютно далеки от народа. И народ не пойдет за них голосовать (Николай Дежур); Приходите на выборы и голосуйте за себя (Юрий Нисневич);

2) **тактика обличения факта манипуляции со стороны политического противника** (пресуппозиция – оппонент хочет получить выгоду от обмана народа, поэтому голосуйте против него): вместо того, чтобы решать конкретные проблемы, которые сегодня людей просто волнуют, вы их уводите в сторону (Юрий Нисневич); на практике у наших избирателей неразбериха и каша в голове; мы говорим о том, что власть может тогда принадлежать народу, когда народ понимает происходящее (Николай Дежур); По умолчанию все думают: заживут, как олигархи. Это — очередная дуриловка, наподобие ваучеров (Константин Петров);

3) **тактика апелляции к ценностям**

3.1) **через настрой на положительное** (пресуппозиция – мы дадим вам то, к чему вы стремитесь):

Отметим ценности, к которым наиболее активно апеллируют кандидаты:

- **Достойная жизнь** (если вы проголосуете за нас, вы получите достойную жизнь): мы будем голосовать за свое право на достойную жизнь (Григорий Явлинский);
- **Защищенность**: У человека должно быть чувство уверенности в том, что если с ним что-то случится, то государство поможет ему выйти из этого кризисного положения (Григорий Явлинский);

- Свобода: *но в главном, в основном, должны быть созданы такие условия, чтобы человек чувствовал себя свободным, в безопасности; Никогда не принимались государственные решения с пониманием того, что свобода человека, его самостоятельность, его защита, в том числе и социальная защита, — это главное, на что должна быть направлена вся политика государства, вся экономическая система... никогда не решалась задача свободного, самостоятельного, безопасного развития человека в России (Григорий Явлинский);*

- стабильность: *России нужно десять лет покоя, стабильности, экономического развития, создания новых рабочих мест, действительно образованная молодежь* (Борис Немцов);

3.2) **через отрицание негатива** (пресуппозиция – мы избавим вас от негатива): *Избирательный блок «Новый курс – автомобильная Россия» обращается к тем людям, которым надоели бесконечные поборы на дорогах, взятки, плохие дороги (Юрий Нисневич); мы, народ, устали от идеологий, мы, народ, устали от многочисленных предложений рая (Николай Дежур); Не бойтесь давления, не опасайтесь толпы вокруг вас (Григорий Явлинский); глядя на все эти дебаты, на все эти перепалки, уже тихо устали и изнемогают от того, что происходит (Борис Немцов);*

4) **тактика апелляции к автоимиджу избирателя как личности** (пресуппозиция – если вы себя таковым считаете, то вы за нас проголосуете): *Я уверен, что вы мудрые люди, и сделаете правильный выбор (Андрей Нечаев); наше общество умное, наше общество понимает, что участвовать в выборах надо (Геннадий Селезнев); обращаюсь (к вам), потому что вы наш ректорат, потому, что мы вас искренне считали и считаем солью земли Русской, ее элитой. Той надеждой, которая возродит Россию обязательно, повторяю, вы элита страны и надежда только с вами.*

Не барышники и ростовщики, а именно вы, те, кто создавали великую страну и составляют ее будущее (Евгений Черепанов); у нас действительно много образованных и толковых людей, которым, ... обязательно 7 числа надо прийти на выборы, чтобы этот кошмар прекратить (Борис Немцов); Бедность в России вечная проблема, потому что никогда в государственной политике России человек не был центральным элементом этой политики (если вы хотите стать центральным элементом политики, то выберете нас), (Григорий Явлинский).

Концепт «народ» составляет информационное ядро в жанрах предвыборного дискурса, о чем свидетельствует высокая частотность вербализации этого концепта. Проведенный анализ позволил заключить, что при апелляции к концепту «народ» в предвыборном дискурсе активной модификации подвергаются все его составляющие. При использовании концепта «народ» как средства манипуляции ведущим манипулятивным приемом является «мена ассерции и пресуппозиции», которая реализуется в ряде тактик.

Тактики апелляции к ценностям и к автоимиджу избирателя характерны для предвыборного дискурса правых, тактику обличения преимущественно используют левые. А тактика интеграции с народом выступает как обязательная составляющая предвыборного дискурса, и активно используется политиками, независимо от их политической ориентации.

2.2.4 Апелляция к концепту «народ» как инструмент реализации перформативности инаугурационного обращения

Отметим, что в российской политической риторике еще нельзя говорить о сложившейся традиции инаугурационного обращения президента к народу, данный жанр находится только в процессе своего становления в рамках российской политической культуры. В

этой связи М.В. Гаврилова отмечает: «для российской политической коммуникации инаугурационная речь – новый, формирующийся дискурсивный тип. В российской истории инаугурация Президента проводилась трижды, традиция произнесения инаугурационных речей насчитывает немногим более десятилетия. Вырабатываются принципы организации этого политического события и принципы функционирования инаугурационной речи в жанровой системе русского политического дискурса» (Гаврилова 2003). С другой стороны, в теории дискурса разработаны определенные инвариантные «правила» и «нормы» функционирования данного жанра, которые могут быть применены (и уже были применены, исходя из анализа текстов) в российской действительности.

Инаугурационное обращение относится к ритуальному виду коммуникации, для которой характерна строгая фиксация участников общения, его структуры и, в определенной степени, – содержания. Базовыми признаками инаугурационного обращения как жанра политического дискурса является интегративная интенция и перформативный характер. Основу перформативности инаугурационной речи составляет клятва президента, которая и представляет собой текст-перформатив (Шейгал 2000, 2002).

С перформативным характером инаугурационной речи связаны основные жанровые признаки, отличающие ее от других риторических жанров:

а) объединение аудитории в единый народ, единую нацию как свидетеля и полноправного участника церемонии легитимации нового президента (**интегративная функция**);

б) обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации (**инспиративная функция**);

в) провозглашение политических принципов, которыми будет руководствоваться новое правительство (**декларативная функция**);

г) придание законной силы самому институту президентства (**перформативная функция**) (Campbell, Jamieson 1986).

Важным аспектом инаугурационного обращения, имеющим особое значение для исследования концепта «народ» как одного из дискурсо-образующих концептов политического дискурса, является тот факт, что народ становится полноправным участником инаугурации, т.е. неотъемлемой частью принятия двустороннего обязательства между президентом и народом. Народ, с одной стороны, становится свидетелем клятвы президента, в которой он обязуется защищать свой народ и делать все для его блага. И в то же время народ принимает на себя обязательства следить за выполнением этой клятвы, всячески поддерживать и помогать своему президенту в достижении намеченных целей. Таким образом, нам представляется, что особенность жанра инаугурационного обращения заключается в том, что в данном жанре обе ипостаси народа («**народ-объект**» и «**народ-субъект**» политического дискурса) реализуются одновременно.

Интегративная функция инаугурационного обращения.

Одной из характеристик инаугурационного обращения является **прямая апелляция** к народу. В синтаксической позиции обращения используются ставшие стандартными апеллятивы: *Уважаемые граждане России, дорогие друзья!* При этом употребление лексемы *друзья* можно рассматривать в определенном смысле как средство интимизации общения.

Будучи, прежде всего, **субъектом** политического дискурса в рассматриваемом жанре, народ составляет единое целое с властью, что находит свое выражение в частом использовании в качестве **маркеров интеграции** местоимения: *мы, нас, мы вместе, мы сами, мы с вами, нам многое предстоит сделать сообща*. Топос единения с властью может реализовываться и в развернутом контексте: *Я также*

рассчитываю найти в этом патриотическом деле помощь сограждан России, всех, кому дорога судьба нашего Отечества; вы голосовали за наше общее будущее, за наши общие цели; Но я понимаю, что ваша поддержка — это только аванс власти в целом и, разумеется, мне, вступающему сегодня в должность Президента страны.

Значимость концепта «народ» для «вербальной ткани» инаугурационного обращения, для его структурирования подтверждается множественной вербализацией данного концепта. Лексемы, реализующие рассматриваемый концепт можно разделить на 3 группы:

- 1) народ как общая масса: *народ, народ России, наш народ, наши люди, миллионы людей; все, кто.*
- 2) народ как граждане: *граждане, зрелое гражданское общество, сегодняшнее поколение граждан, граждане Российской Федерации.*
- 3) народ как стратифицированная система: *труженики, воины, творцы, выдающиеся сыны и дочери Родины.*

Поскольку инаугурационное обращение является прототипным жанром интеграции в рамках политического дискурса (Шейгал 2000), то неудивительно, что концепт «народ» реализуется в тесной взаимосвязи с понятием единство / единение, которое включает в себя не только объединенность народа и власти, но также и внутреннее единство народа: *Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся, постепенно становимся, единой нацией.*

Обратим внимание, что главное различие нации и народа, по мнению Л.А. Ждановой, состоит в том, что для нации релевантна внешняя оппозиция по национальному признаку при внутренней целостности, а в концепте «народ» при отсутствии внешней

оппозиции представлено сложное внутреннее противопоставление «народ – власть». Кроме того, народ тяготеет к стратификационному членению, а нация не имеет «валентности» на стратификационное деление. Таким образом, народ осмысливается Л.А. Ждановой как «совокупность различий», а нация - как «тождество признаков». *Национальное* – то общее, что объединяет ее представителей в одно целое, в обособленный от других наций монолит (Жданова 2000).

Инспиративная функция реализуется в том, что Президент воздаёт хвалу своей нации: *в критических ситуациях народ России проявил свои самые лучшие патриотические, гражданские качества. И когда боролся за территориальную целостность, за единство страны. И когда упорным трудом создавал основы для роста экономического потенциала России*, прославляет национальные достоинства. В рамках реализации данной функции характерно также обращение к образу героического прошлого: *Наше прошлое, безусловно, придает нам силы; Ради сегодняшнего торжественного события мы собрались сегодня здесь, в Кремле, в святом для нашего народа месте. Здесь, в Кремле — сосредоточие нашей национальной памяти. Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны, и у нас нет права быть «Иванами, не помнящими родства». Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам.*

В инаугурационном обращении президент как бы создает образ «идеального» народа, который характеризуется как: сильный (*Мы верим в свои силы, в то, что мы можем по-настоящему преобразовать и преобразить страну*), обладающий высоким

потенциалом, энергичный, умный (*И есть огромный потенциал, огромная энергия, интеллектуальный потенциал нашего народа*), способный и талантливый (*И мы будем делать все, чтобы каждый человек смог проявить свой талант и свои способности*).

Декларативная функция заключается в провозглашении новым президентом принципов своего правления, которые будут направлены, прежде всего, на улучшение жизни народа: *главная цель ближайшего четырехлетия – превратить уже накопленный нами потенциал в новую энергию развития. Достичь за счет этого принципиально лучшего качества жизни наших людей. Добиться реального, осязаемого роста их благосостояния*. Следует отметить, что декларация принципов не носит регулятивного характера, не служит непосредственным призывом к действию.

В рамках реализации данной функции также характерно обращение к насущным проблемам дня: *Прошедшие годы были для нас всех нелегкими. Прямо скажу: они были временем серьезных испытаний. Тогда, в 2000 году, очень многие проблемы казались просто неразрешимыми*. Декларативность в данном случае заключается в экспликации своих интенций – разрешить создавшиеся проблемы: *Мы должны иметь широкую базу поддержки для того, чтобы продолжать преобразования в стране; И мы будем делать все, чтобы каждый человек смог проявить свой талант и свои способности. Чтобы в стране развивалась реальная многопартийность, укреплялись личные свободы граждан. Чтобы люди в России могли получать хорошее образование, достойную социальную и медицинскую помощь. Чтобы они жили в достатке и могли завещать детям результаты своего собственного труда*.

Перформативная функция реализуется через апелляцию к концепту «народ» в рамках трех важнейших топосов

инаугурационного обращения: топос вступления в должность, топос достойного лидера, топос законопослушности (Шейгал 2000).

Топос вступления в должность заключается в том, что президент эксплицитно констатирует, что принимает на себя ответственность перед народом: Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране. Мы часто повторяем: в России глава государства отвечал и будет отвечать за все. Это по-прежнему так. Но сегодня, глубоко понимая меру собственной, личной ответственности, хочу подчеркнуть: успех и процветание России не могут и не должны зависеть от одного человека или от одной политической партии, одной политической силы. При этом особая функция народа заключается в том, что он дарует власть президенту, т.е. народ воспринимается как основной обладатель власти, который может ей распоряжаться: Сегодня я обращаюсь к вам, именно к вам, потому что вы доверили мне высший государственный пост в стран; Мы обязаны ... сделать так, чтобы избранная народом власть работала в его интересах, защищала российского гражданина везде, и в нашей стране, и за ее пределами, служила обществу.

В топосах достойного лидера и законопослушности демонстрируется соответствие личности нового президента народным чаяниям и ожиданиям. Инаугурационная речь призвана убедить общество в том, что президент обладает необходимыми лидерскими качествами, имеющими принципиальное значение для общества, такими как честность, открытость, доступность, активная политическая позиция: Как и в предыдущие годы, буду работать активно, открыто и честно, сделаю все, что смогу, все, что в моих силах, чтобы оправдать надежды миллионов людей.

Законопослушность президента определяется экспликацией отсутствия личной заинтересованности в обладании властью: Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю, это то, что буду работать открыто и честно.

Таким образом, народ, являясь непосредственным участником акта инаугурационного обращения президента, представлен в данном жанре политического дискурса, прежде всего, как **субъект** политического общения, имеющий право голоса, чьи интересы учитываются и защищаются, дарующий власть. Таким образом, апелляция к концепту «народ» является особым инструментом перформативности. Субъектный статус народа подтверждается прямой апелляцией к нему в текстах инаугурационного обращения и множественной вербализацией рассматриваемого концепта. Народ является коллективной сущностью, которая обретает силу лишь в «совместности и объединенности», поэтому президент делает особый акцент на внутреннюю интеграцию народа и интеграцию народа с властью. В инаугурационном обращении президент создает образ народа как сильного, умного, обладающего высоким потенциалом, энергичного, способного и талантливое.

Инаугурационная речь президента, будучи, по сути, неполемическим жанром, отличается практическим отсутствием обращения к фактам, имеющим отрицательную общественную оценку (национальные трагедии). Но в то же время актуальные проблемы не могут быть не отмечены президентом, частности проблемы, волнующие народ (уровень жизни, качество образования). Президент намечает сферы, на которые будет обращено особое внимание нового правительства.

2.3 Соотношение концептов «народ» и «власть» в рамках концептуальной оппозиции

В данном параграфе мы обратимся к изучению когнитивной и дискурсивной смежности концептов «народ» и «власть», составляющих оппозицию: «парность» их существования в языковом сознании отражается во взаимообусловленных ассоциативных связях (по данным эксперимента) и в регулярной совместной встречаемости в общих контекстах (как на уровне микроконтекста лексической сочетаемости, так и на уровне макроконтекста целого текста).

2.3.1 Экспериментальное выявление содержательных признаков концептов «народ» и «власть»

В лингвистической практике существуют многочисленные экспериментальные методики, позволяющие выявить семантические компоненты слова, особенности восприятия того или иного слова-стимула, составить пары слов по определенным параметрам и т.д. К такому относится и свободный ассоциативный эксперимент.

С начала 60-х годов ассоциативный метод используется в различных исследованиях. Эксперименты показали, что ассоциативный метод является результативным для идентификации специфических черт ментальных моделей и изучения использования языка определенными группами людей. С.Г. Воркачев отмечает, что «ассоциативный аспект в том или ином виде присутствует практически в любом лингвоконцептологическом исследовании» (Воркачев 2005: 17).

Цели применения ассоциативного метода весьма разнообразны: для выявления различных лексико-семантических вариантов слова, для установления механизмов ассоциирования, для выявления

структуры значения лексической единицы, для определения степени оценочности слова и т.д.

Содержательная типология ассоциативных связей лингвокультурных концептов достаточно сложна, она проводится по самым разнородным признакам (Солохина 2004). Ассоциации, строящиеся по признаку синонимии / антонимии и через предикатные связи (А есть В, и А содержит В), позволяют рассматривать как семы понятийного ядра каждого из концептов «народ» и «власть», так и в рамках их концептуальной оппозиции.

Для нас будут представлять интерес также метафорические ассоциации, поскольку они формируют образную составляющую (и оценочную, которая по нашему мнению, неотделима от образного компонента, поскольку образы представляют собой широкое поле для интерпретации и, как правило, уже содержат оценку) в большинстве лингвокультурологических представлений о концептах (Карасик 2004; Воркачев 2004).

Все ассоциаты (реакции) на слово-стимул составляют его ассоциативное поле, в котором выделяются содержательное ядро (частотные реакции) и периферия (единичные реакции).

Для исследования понятийного компонента концепта народ используется интерпретация ответов, выявляющих семантическую импликацию, которая представляет собой продукт процесса субъективной идентификации испытуемым значения слова-стимула (Залевская 1979). Разграничиваются несколько видов семантической импликации: 1) идентификация на основании отношений «общее – частное» (*президент – Путин*), 2) через синоним / антоним (*народ – население, народ – власть*), 3) комплементарная идентификация (*гражданин – государство*), 4) идентификация по назначению / пространству функционирования (*политик – Дума, трибуна*) и т.д. Подобные «разъяснения для самого себя» протекают в глубинной

предикации по моделям X есть Y , X означает Y , X предназначается для Y , X составляет Y и др. (Залевская 1979: 57). По мнению А.А. Залевской, семантическая импликация может считаться релевантной в случае, если не менее 40% информантов дали данный ассоциат. Однако такой высокий порог позволяет определить исключительно ядерные семы; для выявления периферийных признаков представляется возможным снизить планку «индекса яркости» до 5%. Ассоциативный тест также позволяет выявить степень оценочности концепта, т.е. вычислить процент положительно-оценочных и отрицательно-оценочных ассоциатов относительно общего числа реакций.

Нами была разработана анкета, содержащая 30 слов-стимулов, 20 из которых относятся к концептам «народ» (10) и «власть» (10), а еще 10 выполняют функцию отвлечения внимания от общей тематической направленности эксперимента, поскольку целью эксперимента является исследование, прежде всего, языкового сознания, а не политического. Оговорим, что слова-стимулы, вербализующие концепт «народ», сами также могут представлять как отдельные концепты.

Всего в эксперименте приняло участие 100 человек, самой разнообразной социальной и возрастной принадлежности: 20 студентов, 16 государственных служащих, 15 работников учебных заведений, 12 врачей, 7 работников сферы обслуживания, 7 пенсионеров, 5 работников администрации, 4 военнослужащих, 4 рабочих, 3 депутата, 2 предпринимателя, 2 домохозяйки, 2 финансиста, 1 программист.

Обратимся к результатам эксперимента.

Концепт «народ»

Значительная часть реакций на слово-стимул *народ* (имя концепта) представлена следующими наиболее яркими ассоциатами: *толпа* (иногда сопровождающаяся словами *стадо, массы, серая масса* - 32 %), *люди* (26%), *нация* (в данную группу, помимо самой лексемы *нация*, входят также *России, русский, Родина, наш, патриотизм, обычаи* - 17%), низкий материальный достаток (вербализуется через две лексемы *бедный, нищий* - 7%), *труд (трудящиеся, работяги* - 5%), *общество* (5%). Остальные реакции являются индивидуальными (по 1-2 ответа – *село* (2 реакции), *крестьянин, глупый, быдло* (2 реакции), *сила* и пр.). Среди оценочных реакций преобладают негативные (в реакциях *толпа, стадо, быдло*), которые составляют 37% от общего числа реакций (остальные характеризуются нейтральной и позитивной (5%) оценкой).

Содержательное ядро концепта «население» составляют ассоциаты: *люди/народ* (38%), *жители страны* (17%), терминологические реакции (*перепись, статистика, численность, демография*) (17%). Остальные реакции относятся к единичным (*муравейник, Китай, гражданин*). Отрицательная оценка присутствует в 6 ответах (*спад, бедные, вырождается* и др.).

Ядерными ассоциатами концепта «общество» являются: стратифицированность (*группа людей, класс, расслоение, разделено и под.*, а также образованные как типичные сочетания *светское, высшее*) (35%), общность (*народ, люди, вместе*) (30%). На периферии находятся такие признаки, как *власть (народа)* (7%), *ответственность* и *законы* (по 5%), *благополучие* (3%). Характерно отсутствие реакции в 3 случаях из 100. Оценочных реакций не зафиксировано.

Понятийное ядро концепта «интеллигенция» составляет «образованность-культура» (в половине случаев реализуются во взаимосвязи – *образованные и культурные, мыслящая часть, умы России, воспитание, интеллектуалы, порядочность, умение вести себя и под., а также ученые, академики, профессура и т.п.*) (59%). Среднюю периферию составляют образные характеристики (*очки, пенсне, портфель, галстук и т.п.*) (10%) и привилегированность (*высший класс, богатые, зажравшиеся и т.п.*) (10%). На крайней периферии располагается характеристика бедности (*на «босу ногу», нищие, бедные*) (7%). 5 респондентов считают, что в России нет интеллигенции (*А где она?, у нас нет, вымерший класс*). Характерно преобладание положительной оценки (*лучшая часть, мыслящая, гордость страны и т.п.*) (15%) от суммы всех реакций. Зафиксированы 3 отрицательные оценочные реакции: *вшивая, зажравшиеся, говорильня*.

Ядерным признаком концепта «гражданин» является сема: *страна/государство (житель страны, России, СССР, мира, патриот)* (35%), *человек* (27%), *паспорт* (25%). К периферии относятся реакции *обязанности, права, ответственность* (6), *милиция* (2). Позитивная оценочная реакция присутствует в 7 ответах: *патриот* (4), *звучит гордо* (3).

Ядерными признаками концепта «простые люди» являются: низкий материальный достаток (*бедные, нищие, необеспеченные и т.п.*) (30%), работа (*рабочие, рабочий класс, работяги, идущие на завод, делают дело и т.п.*) (28%). 20 человек дают положительную оценочную реакцию (непредикативную) – (*добрые, хорошие, отзывчивые, помогают другим и т.п.*) Среднюю периферию составляют: *народ, обыватели, скучные* (по 5 реакций). Отрицательно-оценочная позиция представлена в 6 реакциях (*серая*

масса, проблемы, бесправные и др.) предикативные реакции с дополнительной негативной оценкой

Ядерный признак концепта «*обыватель*» составляет: (*простой человек / люди*) (40%). Характерно, что 10 человек из 100 не дали никакой реакции на слово-стимул *обыватель*. Столько же человек в качестве реакции дают характеристики ума (*неинтересный, скучный, недалекий* и т.п.). Крайнюю периферию составляют следующие признаки: *безразличный* (5%), *далекий от политики* (5%), *заботящийся о личных интересах* (5%). 3 человека из 100 идентифицируют себя с обывателем (*все мы - 2, я*). Резко отрицательную оценку обывателю дали 4 человека (*объедатель и заливатель, люмпен, серая масса*), имплицитно выражена отрицательная оценка в ответах еще 8 человек (*недалекий, безразличный, неряха*).

Ядерными признаками концепта «*пенсионер*» являются материальная необеспеченность (*нищий, бедный, необеспеченный*) (34%) и возраст (*старый, пожилой, бабушка, дедушка* и т.п.) (30%). На ближней периферии располагаются отрицательные оценочные реакции (*несчастный, вызывает сочувствие, жалко* и т.п.) (20% - включены и собственно оценочные (непредикативные) реакции и сопроводительные оценочные реакции, например, *бесправный, чувствуешь жалость*). К периферии относится признак уважения (на *заслуженном отдыхе, достойные люди, уважаемый человек*) (8 реакций).

Наиболее частотными реакциями на лексему-стимул *средний класс* стали: *со средним достатком и отсутствует (в нашей стране нет)* (по 25%). Ядерной характеристикой концепта «*средний класс*» можно считать материальное положение (всего 50 реакций), но представление о размерах достатка варьируется: *средний* (25 реакций), *богатый* (6 реакций), *бедный* (6 реакций). Периферийными

признаками являются: статус (*прослойка общества*) (5 реакций), сфера деятельности (*предприниматель, торговец, свое дело*) (7 реакций).

Слово-стимул *учитель* в массовом сознании ассоциируется со знанием (45%) и школой (35%). Учитель, как ячейка общества, не воспринимается (хотя подобная реакция предполагалась).

Таким образом, к ядерным признакам концепта «народ» (повторяются в реакциях на различные слова-стимулы, реализующие концепт) можно отнести:

- 1) **множественность / общность** (*люди, много людей, большинство, граждане мира, массы* и пр.) и **безликость** (*толпа, серая масса*)
- 2) **низкий материальный достаток** (*бедные, нищие, обездоленные, малообеспеченные, среднеобеспеченные, хватает на хлеб с маслом* и пр.)
- 3) **этническая принадлежность** (*нация, народ России, русские, житель государства, паспорт, патриот*)
- 4) **высокая этическая оценка** (*работяги, делают свое дело, порядочные, простые ценности, держаться с достоинством, гордые, добрые* и пр.)

Большой удельный вес реакций, соотносящихся с компонентами «множественность» и «безликость», подтверждает их ядерный статус в прототипном представлении о народе – *массы, большинство, люди, много людей, толпа, граждане мира, общность, общество*. Существенной психологической яркостью обладают ассоциативные связи «народ – бедный», «народ – порядочный».

Концепт «власть»

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул *власть* стали: *деньги* (21,5%), *сила* (18,5%), *управление/контроль* (15%), *политика* (10%), *обладание и беспредел* (по 5%). Среди индивидуальных

ассоциаций особо выделяются ассоциации, предполагающие резкую отрицательную оценку: *грязь, непорядочность, развращает, зло, грех, искушение*. В общей сложности на такие ассоциации приходится 22%. Позитивные оценочные реакции отсутствуют.

Большинство зафиксированных реакций на слово-стимул *олигарх*, отражают ассоциативную связь «олигарх – деньги» (68%). При этом конкретизируются следующие признаки: 1) способ получения денег (воровство, грабеж, за счет государственных средств), 2) деньги, дающие власть (властный человек с деньгами, власть долларов). Второй по частотности реакций является ассоциативная связь «олигарх – конкретный человек (фамилия)» (26%). С позиций оценки зафиксировано 7 отрицательно-оценочных реакций.

Большой удельный вес реакций на слово-стимул *президент* также отражает устойчивую ассоциативную связь «президент – конкретное лицо» (40%). Другими признаками президента являются *глава* (20%), *власть* (12%), *гарант* (5%), *избранник* (3%). Отрицательно-оценочных реакций зафиксировано не было. Единичными реакциями стали *временный, ненадежный, представитель страны, личность* и пр. Негативно-оценочные ассоциации (*ненадежный, ни то, ни се*) составили 2 из 100.

Большинство реакций на стимул *политик* распределены поровну между ассоциативными связями «политик – конкретное лицо» (20%) и «политик – грязь» (20%), далее располагаются «политик – функциональное пространство» (*трибуна, Дума, Кремль*) (12%), «политик – болтун», «политик – обман» и «политик – власть» (по 9%), «политик – умный» (6%). Удельный вес негативно-оценочных реакций составляет 40%.

Ядерными признаками понятийного концепта «правительство» является *руководство/управление страной* (12%) и *власть* (8%). С

другой стороны, большинство реакций на данное слово-стимул представляют оценочные характеристики: *уроды, козлы, бездельники, сборище, никчемное, временное, недоверие, за Россию обидно, ни рыба, ни мясо* и пр. В целом, удельный вес таких реакций составляет 33% от общего числа реакций (нейтральных). При сравнении с «понятийными» реакциями (*Российской Федерации, Москва, Кремль, законы, реформы, министры, олигархи и пр.*) становится очевидной ценностная нагруженность лексемы *правительство*. Среди слов-реакций, традиционно связанных с позитивной оценкой, встретилось только *молодцы* (единичная реакция).

Наиболее частотной ассоциацией со словом-стимулом *элита* является «элита – наверху» (*высшее общество, тусовка, богема, сливки общества*) (34%). Существенной психологической яркостью обладает ассоциативная связь «элита – деньги» (*богатеи, деньги и положение, не думают о трудностях быта* и пр.) (20%). Также элита рассматривается как *избранные* и *недоступные /непонятные* (по 8%).

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул *чиновник* являются ассоциативные связи «чиновник – вор» (*вор, казнокрад, взяточник, коррупционер* и пр.) (36%) и «чиновник – бюрократ» (*бюрократ, канцелярия, бумажная волокита, дармоед* и пр.) (28%). К средней периферии концепта относятся признаки профессиональной деятельности *государственный служащий* (10%) и внешних данных (*портфель, человек в форме, толстый*) (8%). Остальные ассоциаты, представляют собой единичные реакции, при чем, преимущественно, негативно-оценочные (*жадный, закрытая дверь, злодей, сволочи* и пр.). Всего отрицательно-оценочных реакций с учетом ядерных ассоциативных связей 85%.

Лексема *государство* характеризуется обширным полем разнородных ассоциаций: *Россия* (13%), *страна* (11%), *народ/общество* (10%), *Родина, дом и сила/глыба* (по 8%), *себя*

ассоциируют с государством (*это я, это мы*) 6%, *пространство/границы* и *законы/порядок* по 5%. Остальные реакции единичны. Зафиксировано 3 отрицательно-оценочных реакции: *нет свободы, о нас не заботится, потеряло веру и идеалы*.

Ядерные признаки концепта «Дума» составили две ассоциативные связи: «Дума – непрофессионалы» (*болтуны, бездельники, некомпетентные люди, цирк, лишние люди, бездействие, дармоеды* и пр.) (37%) и «Дума – орган власти» (*городская, государственная, власть, государственный орган, депутаты* и пр.) (35%). Также как и большинство проанализированных выше лексем, характеризуется большим удельным весом отрицательно-маркированных оценок в ответах (*козлы, буйные, создают проблемы, скопище* и пр.) (55%). Интересно, что среди реакций оказалось 3 не из политической сферы (*мысль*).

Иерархия ядерных признаков концепта «власть» на основе суммарных данных реакций на слова-стимулы, реализующие данный концепт, представлена так:

- 1) **сила**
- 2) **богатство**
- 3) **персонализация** (конкретный представитель)
- 4) **резкая пейоративность** (*предатель, вор, обман, козлы* и пр.)

Таким образом, в результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента было выявлено, что значительная часть реакций (более 60%) отражает ядерные признаки концептов «народ» (множественность/безликость) и «власть» (сила). Существенной психологической яркостью обладают ассоциативные связи «народ – бедный», «народ – порядочный» и «власть – деньги», «власть – индивид (конкретный представитель)». Схематически ассоциативно-содержательное поле рассматриваемых концептов в рамках

оппозиции можно представить следующим образом (содержательные признаки концептов расположены по убыванию степени яркости):

НАРОД	ВЛАСТЬ
массовость (безликость)	сила
бедность	богатство
этническая принадлежность	персонализация
высокая этическая оценка	пейоративная оценка

Параметр силы не имеет для концепта «народ» ядерного значения, в то время как признак этнической принадлежности, важный для народа, нерелевантен для концепта «власть». Таким образом, два ядерных признака концептов расположены оппозитивно: «бедность – богатство» и «высокая этическая оценка – пейоративная оценка», а другие не образуют оппозицию.

Среди оценочных реакций на слова-стимулы, реализующие концепт «народ», присутствуют как позитивные оценки (*порядочность, доброта, активные, образованные, делают свою работу, гордость страны* и пр.), удельный вес которых составляет примерно 60%, так и негативные оценки (*толпа, стадо, быдло, скучные, недалекие* и пр.), составляющие 40%. Применительно к власти позитивных оценочных реакций не зафиксировано, при этом реакции-оценки составляют примерно половину общего количества реакций на слова-стимулы, реализующие концепт «власть», что свидетельствует о высокой степени психологической актуальности и аксиологической значимости данного концепта в языковом сознании.

Характерно, что не было выявлено качественных различий в реакциях респондентов, представляющих власть (госслужащие, работники администрации, депутаты), и респондентов, представляющих народ.

2.3.2 Аспекты варьирования концептуальной оппозиции «народ – власть»

В лингвистике сложились две теоретические модели представления вариативности – одномерная («эталонная») и многомерная («инвариативная») (Солнцев 1990: 80-81). В одномерной модели присутствуют варианты – конкретные единицы какого-либо класса, отличные по какому-либо признаку друг от друга и от эталона. Единица-эталон и единицы-варианты при таком подходе – качественно однопорядковые и однородные сущности. В многомерной модели конкретные варианты, отличающиеся друг от друга по какому-либо второстепенному признаку, противопоставляются инварианту, и соотносятся с ним как «конкретное / реальное» и «абстрактное / идеальное» (Солнцев 1990: 80-81, Воркачев 2005: 8-9). Проблемой вариативности концептов и понятия инварианта в концептологии занимались Ю.С. Степанов (Степанов 1997), С.Х. Ляпин (Ляпин 1997), С.Г. Воркачев (Воркачев 2005). Анализируя аспекты варьирования концептуальной оппозиции, мы рассматриваем в качестве инварианта сами базовые концепты «народ» и «власть», а вариантами в таком случае становятся типичные случаи (примеры) вербализации данных концептов в дискурсе, как посредством употребления базового имени концепта, так и других номинаций, его обозначающих.

Изначально варианты базовой концептуальной оппозиции «Народ – Власть» были выявлены нами на основе частотности совместного их использования в различных текстах политического дискурса:

- простые люди / человек – чиновники
- гражданин – государство
- общество – государство (правительство)

- социальные группы (учителя, врачи, льготники, пенсионеры и т.п.) – министерства/ведомства (правительство, Дума, администрация)
- массы – элита
- избиратель (электорат) - кандидат

Следует отметить, что разделение оппозиций на данные варианты условны и производится в исследовательских целях. В речи же номинация *народ* может выступать в контекстуальной оппозиции к различным лексемам: *чиновник, государство* и др.

Аспекты варьирования указанных номинаций, выражающих концептуальную оппозицию «Народ – Власть», можно выделять как с позиций их концептуального содержания, так и с функциональных позиций. С точки зрения концептуально-когнитивного подхода представляется логичным рассмотрение **понятийных** и **образно-оценочных** аспектов варьирования базовой концептуальной оппозиции «народ – власть», в зависимости от того, какая составляющая концептов лежит в основе разграничения данных вариантов.

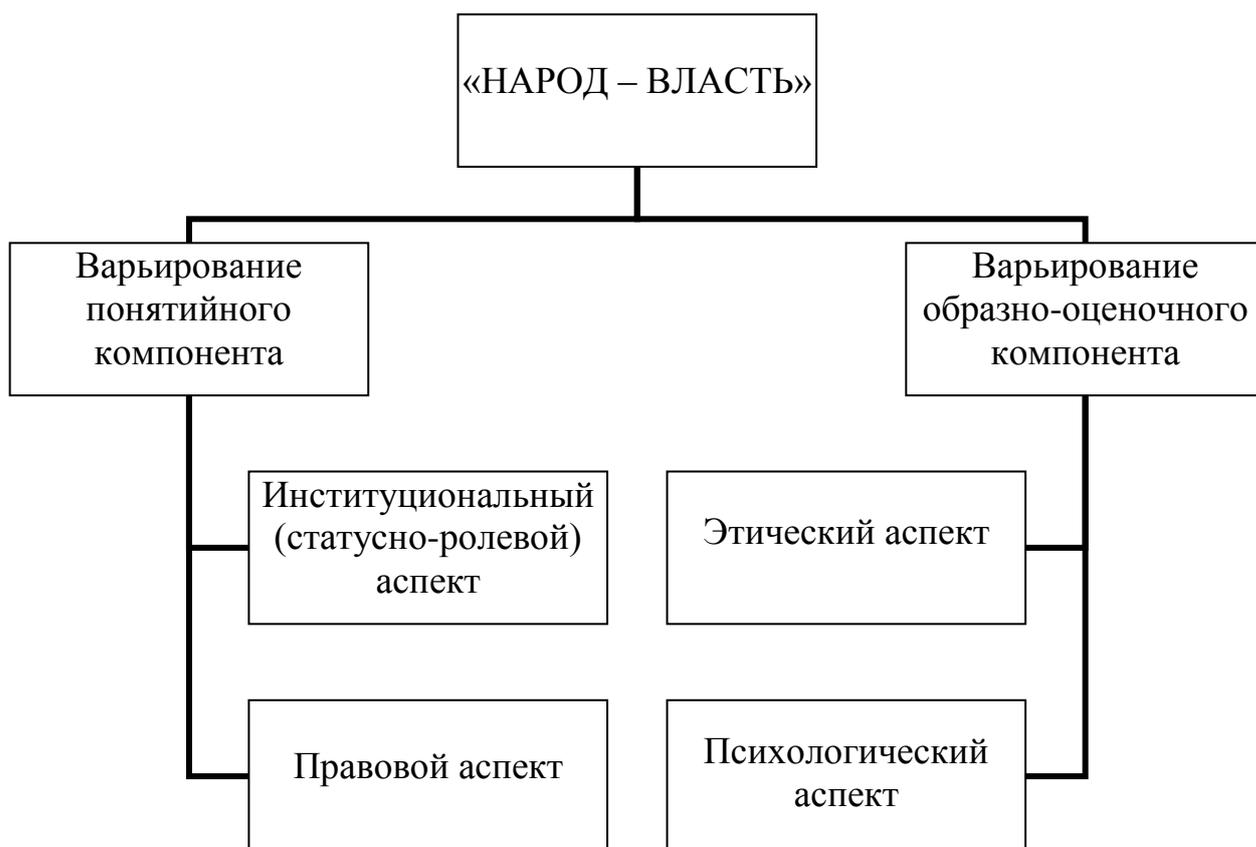
В рамках понятийной конкретизации рассматриваемых концептов выделяются следующие аспекты варьирования базовой концептуальной оппозиции:

- 1) правовой;
- 2) институциональный (статусно-ролевой).

С позиций образно-оценочной составляющей рассматриваемых концептов можно выделить следующие аспекты по типу оценки (исходя из типологии оценок по Н.Д. Арунцовой 1999):

- 1) этический аспект;
- 2) психологический аспект (включает интеллектуальную и эмоциональную оценку).

Схематически аспекты варьирования концептуальной оппозиции «народ – власть» можно представить следующим образом:

Отметим, что в реальной дискурсивной практике нередко происходит наложение указанных аспектов варьирования, т.е. варьирование одновременно происходит по нескольким аспектам. Приоритет выбора той или иной номинации в контексте зачастую зависит от комплекса факторов: от ситуации (контекста) общения (предвыборная борьба, проведение реформ), от идеологических позиций участников общения, от социально-психологического климата в стране в целом.

В своем исследовании под **правовым аспектом** мы подразумеваем, прежде всего, особый законодательно обусловленный характер взаимоотношений между субъектами политической коммуникации. В плане реализации правового аспекта оппозиция «народ – власть» конкретизируется в базовом варианте «**гражданин – государство**», поскольку понятия «гражданин» и «государство»,

наравне с понятиями «закон», «гражданский долг», «права и свободы», лежат в юридическом понятийном поле. Отметим, что концепт «гражданин» тесно связан с концептом «общество». Наиболее часто встречающееся сочетание «гражданское общество» подтверждает наличие подобной связи, а также прямое отождествление этих двух понятий: *Подготовкой грядущего разворота должно заниматься общество. То есть граждане*. Соответственно, в данном аспекте можно рассматривать и вариант оппозиции «**(гражданское) общество – государство**». Отметим, что оппозиция «**электорат – кандидат**» также реализуется в рамках правового аспекта, т.к. право выбора, как базовое понятие политического строя, зафиксировано в главном законодательном акте страны – в Конституции. Субъекты политики в рамках данных оппозиций представляют друг друга через набор ролевых экспектаций:

- гражданин / гражданское общество / электорат *заставляет, дает наказания, требует, протестует, выражает свою волю, предписывает, спрашивает с властей;*
- со своей стороны, государство / кандидат *защищает интересы, удовлетворяет интересы, обеспечивает безопасность, оправдывает / не оправдывает ожидания, следует наказам, выполняет волю граждан.*

В рамках вариантов «гражданин – государство», «общество – государство», «электорат – кандидат» также возможна реализация **статусно-ролевого аспекта** варьирования оппозиции «народ – власть». Что касается оппозиции «**избиратель (электорат) – кандидат**», то в самой лексеме «*избиратель*» заложена высокая статусная позиция (если выбирает, значит, обладает на то полномочиями, следовательно, «прагматический» статус избирателя

выше, чем у кандидата, который зависит от результата этого выбора): «Государственники» напрямую зависят от избирательной процедуры и вынуждены заигрывать с «электоратом» (эл. СМИ).

С позиций социального статуса **гражданин** также характеризуется как активный и полноправный участник политического дискурса: *требуют отдать положенное; выказывают государству минимум доверия.* Активная позиция гражданина может также выражаться и метафорически: *Бессмысленно требовать от человека поступка, если человек к поступку не готов. Бессмысленно приглашать за штурвал корабля обывателя, если обыватель никуда плыть не собирается. Есть граждане, четко понимающие за кого и почему они голосуют. Их не так много? Их миллионы. Дадим им возможность продолжить курс. Пассажиры, не мешайте команде* (Изв., письма читателей). В данном примере, граждане сравниваются с капитанами корабля-государства, они определяют политический курс страны.

Общество также играет активную роль в политическом процессе: *хочет все отнять и поделить; реагирует с возмущением; обеспечивает устойчивую поддержку.*

Государство же, напротив, становится ведомым. Выполнение обязательств государства по отношению к гражданам воспринимается как должное: *выполнять обязанности государства и общества перед гражданами; принимать во внимание потребности граждан; обеспечить доступ к образованию всем гражданам нашей страны.* Характерно, что данные оппозиции, как правило, реализуются в качестве манипулятивного приема в предвыборных жанрах, т.к. их использование позволяет позиционировать избирателя как принимающего сторону кандидата, который в качестве средства аргументации акцентирует, что он действует исключительно в рамках закона. При этом политики часто апеллируют к понятию «защита

граждан», поскольку это является основной обязанностью государства: защищать интересы граждан; обезопасить российских граждан; оградить от преступности; обеспечивать безопасность и прочие неотложные потребности граждан; обеспечивать права и свободы граждан.

Обществу как объединению присуще разделение на классы, группы, подгруппы: *общество ... атомизировано и разрезано; общество, оказывается, слишком разделено, слишком стратифицировано; разлом, проходящий по всему обществу.* Социальные группы, как и министерства/ведомства являются составными частями политического института, соответственно, с точки зрения институционального аспекта представляется возможным выделение таких вариантов оппозиции, как **«социальные группы – министерства, ведомства»**. Различные социальные группы, как и общество, характеризуются активным участием в политическом дискурсе, они обращаются к соответствующим близким для них «частям» государства – ведомствам/министерствам, назначение которых – решение проблем данных конкретных социальных групп. С другой стороны, являясь лишь небольшой частью народа, в отличие от общества, социальные группы более уязвимы: *Надо в первую очередь поддержать детей, стариков, тех, которые за последние 10 лет были бессовестно ограблены новыми реформаторами, правительством Ельцина и на сегодня положение этих людей бедственно (теледебаты).*

В статусно-ролевом аспекте концептуальная оппозиция «народ – власть» также конкретизируется в вариантах **«человек – государство»** и **«простые люди – чиновники»**. В сфере политических отношений «человек / люди», в отличие от «гражданина», принимает на себя пассивную роль, становится ведомым: *поддерживаемые государством структуры вмешиваются*

в частную жизнь человека; заставлять людей; (необходимо) стимулировать их; приобщать человека к Большой Политике; ...освобождают от необходимости самостоятельно думать и сопереживать; объяснять людям; вдалбливать человеку, что...; оболванивают людей и т.д. «Государство» и «чиновники», напротив, предстают в роли активной личности, оказывающей воздействие на людей.

Как отмечалось выше, основной функцией государства по отношению к гражданину является обеспечение его безопасности, неспособность же государства защитить граждан ведет к тому, что гражданин представляется как «жертва», «мишень». Поэтому в рамках **психологического аспекта** варьирования оппозиции «гражданин – государство» понятие «гражданин» в большей мере сочетается с проявлением отрицательных эмоций: граждане злятся; кроют государство, называя его неэффективным, коррумпированным; граждане недовольны тем, как защищают их интересы; унижение российских граждан.

В плане образно-оценочной реализации вариантов концептуальной оппозиции «**человек – государство**», «**простые люди – чиновники**» в аспекте психологической оценки человек предстает как «маленький», «беззащитный», «на чьи права можно наступить»: *На самом деле проблема сегодня заключается в том, и, кстати, все предвыборные дебаты это показали, что проблема сегодня стала проблемой политической. Именно потому, что здесь государство напрямую наступило на права огромного количества людей (дебаты). Государство, соответственно, рассматривается как «бездушная машина, сметающая все на своем пути»: Современные «политтехнологи» с большой охотой жонглируют словами «гражданское общество». Что это за общество такое - никто не знает. Но все вроде бы согласны, что эту непонятную штуку надо*

скорее внедрять, чтобы государство простых людей не заело (эл. СМИ). В данных оппозициях понятие «человек/люди» является более универсальным по сравнению с понятием «народ» и относится в большей мере к сфере личностных отношений, характеризующихся высокой степенью эмоциональности, поэтому в политическом дискурсе «человек» принимает на себя основную эмоциональную нагрузку (эту номинацию чаще сопровождают определения эмоционального состояния): *стесняются; устали от безысходности и негатива; люди устали от ежедневной борьбы; обездоленные люди ... заслуживают сострадания и защиты; люди ... сочувствуют и страдают; чувствуют симпатию*. В плане эмоциональной оценки лексема «человек», как и лексема «гражданин», в контексте сопровождаются эмоциями, выражающими, преимущественно, негативные эмоции, но важным представляется **качественное** различие эмоций, проявляемых человеком и гражданином в политике. Эмоциональное состояние гражданина, как правило, характеризуется наличием градуальной **агрессии** по отношению к власти: *граждане недовольны – злятся – возмущены* действиями власти (государства). Базовой эмоцией, свойственной человеку / простым людям является «обида»: *люди полны обид на собственную власть*. Данная «пассивная» эмоция отражает общее состояние человека в политике: *Надоела* людям *наглая ложь*. *И изысканная ложь надоела; люди устали от многочисленных обещаний*. С другой стороны, многоаспектность содержания концепта «Человек» расширяет границы его эмоциональной репрезентации: *И как же уполномоченные властью мужи разделили беспокойство и праведное возмущение людей?*

Простые люди ассоциируются с героями в рамках их противопоставления чиновникам и олигархам. При этом образ героя «очеловечивается», героический поступок перестает быть единичным

актом и переходит в разряд нормы, повторяющегося рутинного действия: *простые люди, которые идут на смерть не ради высоких идей; люди, которые живут своим честным трудом; люди, которые каждый день честно делают свою работу... они герои*. Подчеркнутая «честность» простых людей позволяет выделить также новые оппозиционные признаки для дихотомии «простой человек – чиновник» как «честный – нечестный», «герой – трус». Таким образом, по характеру **этической оценки** данная оппозиция реализуется как «**честный – лжец**» (чиновники *обманывают, вешают лапшу на уши*), «**герой – трус**» (чиновники *боятся, что они за бортом*).

Если в предыдущих рассмотренных вариантах происходит наложение аспектов варьирования, то для базовой оппозиции «народ – власть» образно-оценочные варианты разграничиваются достаточно четко:

В этическом аспекте	В психологическом аспекте
слабые – сильные	глупые – умные
честные – нечестные	недовольные – довольные
голодные – сытые	обозленные – безразличные
бедные – богатые	обиженные – бездушные
герои – трусы	

Следует отметить, что вариант оппозиции «слабые – сильные» характеризуется способностью к позиционной реверсии, но не этической. Народ как сообщество простых людей, действительно предстает в роли слабой личности, неспособной влиять на ход политических событий: *На самом деле проблема сегодня заключается в том, и, кстати, все предвыборные дебаты это показали, что проблема сегодня стала проблемой политической.*

Именно потому, что здесь государство напрямую наступило на права огромного количества людей. Власть же в большинстве контекстов ассоциируется с силой, которая может выражаться по-разному – *власть принуждает, угрожает, унижает, обижает, грабит*. При этом ценностные акценты расставляются следующим образом:

НАРОД	ВЛАСТЬ
слабый = беззащитный	сильная = жестокая
положительная этическая оценка	отрицательная этическая оценка

С другой стороны, характеристика «силы» может быть присуща и народу: *Наш народ способен вынести многое – пройти адскую машину войны, пережить репрессии, выдержать ураган новых реформ* (эл. СМИ). При этом специфичной чертой «силы» народа является ее стихийность, бессистемность, неудержность, в отличие от организующей силы власти: *В результате вместо цивилизованного, организованного протеста со временем может вспыхнуть «русский бунт, бессмысленный и беспощадный»* (эл. СМИ). Таким образом, сила народа может рассматриваться и как позитивное явление (*сила духа*), и как негативное (*беспощадная сила*). Власть же, наоборот, может представлять собой, недееспособной – *Сегодня государство неспособно обеспечить достойный уровень жизни своих граждан* (Изв.). Именно поэтому, зачастую номинация «власть» и ее контекстуальные варианты сопровождаются эмоциями страха: *нынешняя власть боится конкуренции; А куда спряталась власть? Почему она жестко, в зародыше не искореняет этот психоз?; Политики и олигархи привыкли воспринимать народ как некую аморфную электоральную биомассу, которую нужно в очередной судьбоносный момент зомбировать, оболванить и обмануть, чтобы*

на определенные промежутки времени чувствовать себя в безопасности и комфорте. В последнем примере институциональная эмоция страха выражена имплицитно, описательно через антонимическую формулу «спокойствие = отсутствие страха». Соответственно, с позиций этической оценки «слабая власть – это плохо», «сильный народ (*способен вынести любые испытания*) – это хорошо»:

НАРОД		ВЛАСТЬ
сильный = духовно	сильный = жестокий	слабая = неспособная
положительная оценка	отрицательная оценка	отрицательная оценка

Таким образом, независимо от того, каким с позиций силы (сильный или слабый) предстает народ, он характеризуется преимущественно положительной этической оценкой (изредка возможна и негативная оценка), а власть исключительно отрицательной.

Параметр «бедности» также рассматривается с двух позиций: материальная сторона и духовная сторона. С материальной точки зрения народ представлен как *бедный, нищий, обездоленный, ограбленный* (в этическом плане оценивается позитивно), а власть, соответственно, как *богатая, обеспеченная, корыстная* (негативная оценка). С духовных позиций народ и власть в оппозиции меняются местами – народ духовно богат («+»), а власть духовно бедна («-»): *Но более всего обращает на себя внимание мировоззренческая и идеологическая нищета многих наших региональных «государственников»* (эл. СМИ).

В этическом аспекте варианты, реализующие концепт «народ», как правило, характеризуются позитивной оценкой, в то время как

варианты, реализующие концепт «власть», представлены с негативной образно-оценочной позиции.

Оппозиция «глупые – умные» в рамках психологического аспекта, так же как и оппозиция «слабые – сильные», характеризуется содержательной амбивалентностью. При вербализации действий власти по отношению к народу, сам народ характеризуется как глупый, которого власть (благодаря своему уму) может легко *обмануть, оболванить, облапошить*: *Действия власти наносят ущерб здоровью, психике людей, по-русски говоря, откровенно морочат им голову; на практике у наших избирателей неразбериха и каша в голове; «Холодная война» (имеется в виду, власти с народом) – это война информационная, когда народу, жертве агрессии, так вешают лапшу на уши, что люди даже не понимают, что они живут в оккупированной стране, а цели войны достигнуты* (теледебаты). При этом, «ум» как характеристика власти выражена имплицитно (в виде способности на особый вид обмана: *морочить голову, вешать лапшу на уши, – «интеллектуальный»*), и характеризуется отрицательной оценкой (подразумевается «ум = хитрость»). С другой стороны, в ряде контекстов именно народ признается как мудрый (*природная мудрость народа*), а власть характеризуется глупостью (не способна осознать мудрость народа): *Допустить же, что народ вполне осмысленно оценил политику властей последнего десятилетия и вынес приговор правым, из правых никто не смог; Кажется, что та тупость, которую они приписывают народу, становится их собственным свойством. Планы нынешнего чиновничества, действительно, далеко не идут. Все здесь и сейчас* (эл. СМИ).

В плане эмоциональной психологической оценки, лексема «народ» и ее контекстуальные варианты чаще сопровождаются негативной психологической оценкой: *граждане недовольны тем,*

как защищают их интересы. При этом в рамках эмоционально-психологического аспекта власть также характеризуется негативной оценкой: И как же уполномоченные властью мужи разделили беспокойство и праведное возмущение людей? Открыто никак (безразличие).

Таким образом, базовая концептуальная оппозиция «народ – власть» конкретизируется в российском политическом дискурсе во множестве вариантов.

2.3.3 Содержательная структура концептуальной оппозиции «народ – власть»

Содержательная структура концептуальной оппозиции определяется набором характеристик, имеющих принципиальное значение для образования оппозиции. Такие признаки представляют собой основание для противопоставления полюсов оппозиции и реализуются в виде интегральных (инвариантных) признаков. Дифференциальные признаки, соответственно, отражают различия по тем, основаниям, которые указаны интегральными характеристиками.

В результате проведенного эксперимента и анализа дискурсивного проявления концептуальной оппозиции «народ – власть» были выявлены **интегральные и дифференциальные** признаки рассматриваемой оппозиции, в зависимости от аспекта, в котором оппозитивные концепты противопоставляются (понятийном, оценочном или образном). Рассмотрим эти признаки.

1. Понятийный компонент

Среди интегральных признаков понятийной составляющей концептов «народ» и «власть» можно выделить:

- Участие в политическом процессе / политическом дискурсе, т.е. выполнение определенных политических актов и функций в рамках статусно-социальных ролей
- Обладание определенными политическими правами (для народа – выбирать, выражать свое мнение; для власти – проводить политический курс) и обязанностями (для народа – соблюдать законы; для власти – защищать интересы народа)

На основании указанных аспектов представляется возможным выделить дифференциальные признаки понятийного компонента концептов «народ» и «власть»:

НАРОД	ВЛАСТЬ
<ul style="list-style-type: none"> • Обладание институциональным статусом клиента 	<ul style="list-style-type: none"> • Обладание институциональным статусом агента
<ul style="list-style-type: none"> • Исполнение роли адресата-наблюдателя, преимущественно пассивное участие в политической коммуникации 	<ul style="list-style-type: none"> • Активное участие в политической жизни (как профессионал, политик не может не участвовать в коммуникации)
<ul style="list-style-type: none"> • Набор специфических жанров для осуществления политической коммуникации (лозунг, митинг, граффити, письма президенту / администрации и т.п.) 	<ul style="list-style-type: none"> • Набор специфических жанров для осуществления политической коммуникации (публичные выступления, встреча с избирателями, дебаты и т.п.)
<ul style="list-style-type: none"> • Набор специфических речевых актов (доверие / недоверие, требование, просьба, жалоба и т.п.) 	<ul style="list-style-type: none"> • Набор специфических речевых актов (обещание, заявление, призыв, прогноз и т.п.)

2. Оценочный/ценностный компонент

Интегральным признаком в данном случае можно считать амбивалентность оценки обоих концептов. С другой стороны, зачастую в конкретном контексте концепты «народ» и «власть» находятся на противоположных полюсах на оси распределения оценки: *Они (террористы) атакуют простых людей. И это как бы дополнительный «живой» укор сильным мира сего* (оценка «-»), как бы *усугубляющий их вину перед гражданами* (оценка «+») развитых стран. Хотя, встречаются контексты, в которых рассматриваемые концепты находятся на одном оценочном полюсе, например, и народ и власть характеризуются положительной оценкой. Подобное распределение оценочных акцентов свойственно для инаугурационной речи и иных ритуальных / эпидейктических жанров. Редки примеры, в которых и народ, и власть характеризуются отрицательной контекстуальной коннотацией. Такое распределение свойственно жанрам, располагающимся на стыке политического дискурса и дискурса масс-медиа, а именно, жанрам аналитических статей, чаще всего, в газетах, имеющих четкую левую ориентацию («Советская Россия», «Правда»): *Российский обыватель в основной своей массе осознает, что власть устраивает политспектакль, выборы без выбора, что принципиально эти выборы ничего не изменят, сменятся лишь лица в телевизоре, фразеология, некоторые детали государственной доктрины. Обыватель это понимает, но либо прямо голосует, как надо, либо вообще устраняется от выборов, таким образом, косвенно поддерживая власть* (СР).

3. Образный компонент

Как показал анализ материала образная оппозитивность концептов «народ» и «власть» реализуется по следующим параметрам, представляющим собой интегральные признаки: количественность, пространственность, сила, выделяемость (из массы), - каждый из которых конкретизируется в рамках «образной» оппозиции следующим образом:

Народ	Власть
• Множественность	• Единичность
• Размытость, безликость	• Четкость, индивидуальность
• Низ	• Верх
• Слабость / сила	• Сила / слабость

Проведенный анализ позволяет заключить, что при изучении концептуальной оппозиции в рамках институционального дискурса можно выделить ряд интегральных и дифференциальных признаков взаимодействующих концептов, в зависимости от того, какая составляющая (понятийная, оценочная или образная) этих концептов лежит в основе их противопоставления.

Выводы по главе 2

Когнитивная модель концепта «власть» представлена двумя зонами, из которых одна («власть-система», конкретизирующаяся в значениях «государство, представители власти») и обеспечивает реализацию оппозиции «народ – власть».

Лингвокогнитивная модель концепта «народ» образована пересечением двух осей: вертикальной оси, представляющей

оппозицию «народ – власть» (по статусному признаку), и горизонтальной оси, образованной оппозицией «народ – личность».

Концепт «народ» характеризуется оценочной амбивалентностью в зависимости от того, в какой оппозиции он выступает: в рамках оппозиции «народ – власть», народ, как правило, маркирован положительно, а в оппозиции «народ – личность» личность приобретает положительную оценку, а народ как толпа – отрицательную.

При анализе различных текстов политического дискурса было выявлено, что концепт «народ» активно реализуется в коммуникации, как объект метаязыковой рефлексии. Метаязыковая рефлексия позволяет обнаружить изменения в содержательной структуре сформированных концептов («народ», «мещанин», «обыватель») и проследить за формированием относительно новых концептов («гражданское общество», «средний класс», «электорат»).

Было выявлено, что ядерными признаками концепта «народ» являются: общность, этно-демографическая принадлежность, множественность, непривилегированность. Околоядерным статусом обладают такие признаки, как активность, осознанность собственных действий, стремление к стабильности, приоритет собственных интересов над общественными. К периферии концепта «народ» относятся следующие признаки: безликость, серость, сила/слабость, ум, хаотичность, разрушительность и др.

Апелляция к концепту «народ» является действенным средством манипуляции (в жанрах предвыборного дискурса), а также значима для реализации перформативной функции инаугурационного обращения.

Содержательная структура концептуальной оппозиции «народ – власть» представляет собой набор интегральных и дифференциальных признаков. В рамках понятийной составляющей

ядерным интегральным признаком является участие в политической коммуникации, обладание определенными правами и обязанностями по отношению друг к другу, а дифференциальными – различие в институциональном статусе, активный/пассивный характер участия в коммуникации. В плане оценочной характеристики оба концепта обладают оценочной амбивалентностью, при этом их контекстуальная реализация характеризуются полярностью оценок (дифференциальные признаки). Образные характеристики концептов «народ» и «власть» коррелируют в рамках оппозиции на базе таких интегральных признаков, как «количественность», «пространственность», «сила», «выделимость».

Особенность содержательной структуры концептуальной оппозиции «народ – власть» состоит в том, что периферийные признаки отдельных концептов выявляются именно в рамках оппозиции, где они составляют ядро.

При реализации концептуальной оппозиции «народ – власть» в дискурсивном пространстве политической коммуникации оппозиция может варьироваться («гражданин – государство», «простые люди – чиновники» и пр.) по следующим аспектам: а) в рамках понятийного компонента – правовой аспект и статусно-ролевой; б) в рамках образно-оценочного компонента – этический и психологический (который включает в себя интеллектуальную и эмоциональную оценку).

Глава 3. Оппозиция «народ – власть» в ролевой структуре политического дискурса

Изучение институционального дискурса с позиций социолингвистического и прагматического подходов предусматривает анализ, прежде всего, структурной организации дискурса и его функционирования, т.е. его ролевой и жанровой структуре. Как отмечает В.И. Карасик, «признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках» (Карасик 2000: 12). В лингвистике понятие «роли» трактуется в различных аспектах: как институциональные роли, социально-психологические, а также как «маска», «амплуа», «имидж» (Крысин 1977, Почепцов 2000, Бакумова 2002, Карасик 2004, Олянич 2004.). В нашей работе мы будем рассматривать функционирование концептуальной оппозиции в ролевой структуре политического дискурса, поэтому нас, прежде всего, будут интересовать институциональные роли участников политической коммуникации.

В наиболее общем виде ролевая структура институционального дискурса предполагает разграничение двух основных (институциональных) ролей: «профессионалов» (агенты) и «непрофессионалов» (клиенты). Однако, как отмечает Е.В. Бакумова, в различных сферах и ситуациях общения эти роли имеют свою специфику и воплощаются во множестве вариантов (Бакумова 2002: 33).

В качестве агента в данном случае будут выступать имеющиеся в любом обществе политические институты, главная задача которых

в самом общем виде – установление, поддержание и укрепление политической власти. Политические институты исполняют роль гаранта порядка и законности в том или ином обществе, отвечают за полноценное функционирование общественного организма. К ним относятся парламент, правительство и другие институты, конкретизирующиеся в социальных ролях их представителей – т. е. в стандартизированных моделях поведения лиц, наделенных правовыми полномочиями. Дальнейшая дифференциация институциональных ролей политического лидера связана с исполнением конкретных официальных должностей во властных структурах (глава государства (монарх, король, царь, президент), премьер-министр, спикер, лидер партии или парламентской фракции) (Бакумова 2002). Агент политического дискурса чаще конкретен и индивидуален, реже групповой, поскольку суть политики «борьба за власть» предусматривает неоднородность власти (существование различных партий и движений) и невозможность ее интеграции.

В качестве клиентов политического дискурса выступает все население, прибегающие к услугам политических институтов. В более узком смысле к клиентам политической коммуникации можно отнести избирателей, голосующих за конкретную политическую партию или движение, обращающихся к ним с наказами (Шейгал 2000: 44).

Специфика политического дискурса заключается в том, что «клиент» в политической коммуникации в абсолютном большинстве случаев массовый. В отличие от других видов институционального дискурса (педагогического, медицинского, юридического и прочих), в политической коммуникации обращение к групповым и индивидуальным клиентам не типично (хотя, возможно в ситуации,

например, «встречи с избирателями» в институте, когда клиентом становится «учительская среда») (Шейгал 2000, Бакумова 2002).

Таким образом, оппозиция «народ – власть» в политической коммуникации актуализируется в базовых институциональных ролях: *гражданское общество, простые люди, интеллигенция, средний класс* и т.д., с одной стороны, и *президент, парламент, депутат, чиновник*, с другой.

3.1 Фактор «третьего звена» при коммуникации субъектов политического дискурса

Любая институциональная коммуникация может осуществляться по двум базовым направлениям: «агент → клиент» и «клиент → агент», где агентами выступают представители института («профессионалы», т.е. власть), а клиентами, соответственно, люди, нуждающиеся в услугах данного института (т.е. народ). В политологии принято разграничивать понятия политической деятельности и политического участия на основании параметра «профессионального» отношения к политике субъектов политического общения. Так, внутриинституциональная коммуникация («политик → политик»), а также коммуникация по линии «институт → общество» осуществляются в рамках политической деятельности. А противоположный вектор коммуникации, т.е. «общество → институт» и как частный случай «представитель общества → институт», относится к сфере политического участия. Следует отметить, что если коммуникация по линии «власть → народ» не раз становилась предметом научного изучения, то описание противоположного вектора политической коммуникации в научной литературе представлено в меньшей степени.

В политическом дискурсе взаимодействие народа и власти не всегда происходит напрямую. В политической коммуникации существуют субъекты, которые обладают двойственным статусом в рамках оппозиции «народ – власть», поскольку занимают промежуточную позицию и могут выступать как представители народа, так и представители власти. К таким субъектам с промежуточным статусом относятся:

1. СМИ (исполняющий роль медиатора в общении);
2. силовые структуры (как представитель власти) = правоохранительные органы (милиция, спецназ, ФСБ), армия;
3. (крупный) бизнес (как представитель народа);
4. интеллигенция (как представитель народа).

Концепты таких субъектов располагаются на стыке политического дискурса и других типов дискурсов (масс-медиа, юридический, деловой).

Работа **СМИ** находится на стыке двух дискурсов – политического и дискурса масс-медиа. СМИ принято считать универсальным агентом политической коммуникации в современном обществе. Е.И. Шейгал отмечает, что при общении агентов и клиентов через средства массовой информации (например, выступление политика в печати или на телевидении) они (СМИ) «выполняют лишь роль технического средства, обеспечивая канал связи с широкими массами разобщенной аудитории» (Шейгал, 2000: 25). В своей монографии Е.И. Шейгал также приводит шкалу соприкосновения жанров двух рассматриваемых видов коммуникации, из которой видно, что доминирование дискурса масс-медиа наиболее четко выражено в «индивидуальных» жанрах – фельетон, колонка комментатора, аналитическая статья (Шейгал 2000). Нам представляется, что по мере отдаления в сторону

дискурса политического от дискурса масс-медиа СМИ перестают быть независимым ретранслятором и выступают в качестве непосредственного участника дискурса. В связи с этим С.А. Наумова пишет: «Они (СМИ) выступают не просто как канал общения, бесстрастно передающий информацию от субъекта к субъекту, но являются посредником (medium), преломляющим, интерпретирующим, окрашивающим информацию. <...> В современном обществе СМИ перестают быть только средством связи, но становятся творцами информации, выступая в качестве самостоятельного субъекта» (Наумова 2000: 98).

В качестве «независимого ретранслятора» СМИ могут занимать как позицию народа, так и позицию власти. В то же время многими исследователями отмечается, что в современном обществе характерна интеграция политика и журналиста (Гаврилов 2004, Казеннов 2004, и др.). «На сегодняшний день в России в результате конвергенции политического и журналистского полей произошло становление политического спектакля. Журналисты стали элементами политического поля» (Гаврилов 2004: 69). Основной целью данного спектакля является победа на выборах, при этом журналисты вовлекаются в это действие, становятся активными его участниками. Они выступают либо союзниками, либо противниками политиков.

Политики в свою очередь стремятся попасть в поле журналистики. Происходит «медиатизация политики», которая является «процессом перемещения политической жизни в символическое пространство средств массовой информации» (Засурский 2001: 19).

Для данной иерархии взаимоотношений «народ – СМИ – власть» характерно, что общество отказывается от интеграции со СМИ как самостоятельным активным участником политического

дискурса: что же мы, журналисты, такого понаделали, что те, ради кого (общество) мы будто пишем и выходим в эфир, подозревают нас во всех тяжких и не верят ни на йоту!

Взаимоотношения СМИ и власти рассматриваются как взаимоотношения контроля: Попытки иных кандидатов манипулировать электоратом за счет подконтрольных СМИ, организации массовых концертов для молодежи и показательных разъездов по сельской глубинке становятся менее и менее действенными, а также через метафору «игры»: (в СМИ) отчетливо видится желание подыграть власти, оправдать ее недалёковидную, высокомерную политику по отношению к Грузии, политику двойных стандартов (Изв., письма читателей). Таким образом, СМИ, отражая интересы власти, уходят в оппозицию к народу: продвигают идеи, которые читатель (представитель общества) считает недалёковидными, высокомерными, несправедливыми.

Концепт «**силовые структуры**» в контексте вербализуется в следующих номинациях: силовые структуры, правоохранительные органы, милиция, военные и т.п. Являясь представителями института и обеспечивая гарантии сохранения государства и власти, силовые структуры находятся в оппозиции народу: Вся система унифицированной советской жизни была подчинена задачам построения насквозь милитаризованного государства, до смерти запугавшего свой собственный и другие народы (Изв.). О таком статусно-ролевом распределении свидетельствуют как тексты, так и сочетаемость номинаций, выражающих данный концепт: силовые структуры власти, армия государства. Не случайно понятие «военный переворот», в отличие от понятий «революция», «народное восстание», ассоциируется с умышленным, организованным действием. А главное, инициаторами этого действия выступают политики-оппозиционеры.

В то же время, каждый отдельно взятый военнослужащий или милиционер также является одним из народа, поэтому в предвыборном дискурсе политики обращались к народу, ставя лексему *военные* в один ряд с такими номинациями, как *учителя, врачи, пенсионеры* (т.е. определенные социальные группы, составляющие «народ»). В силовых структурах, так же как и случае с народом, реформы вызывают негативную реакцию: *Хотя вчера разговоры о грядущей реформе силового блока не получили официального подтверждения, в самих спецслужбах они вызвали бурное обсуждение. В МВД, к примеру, многие расценили вчерашние события и комментарии даже не как признак того, что «тучи сгущаются», а уже как «отдаленный гром перед приближающейся грозой»* (эл. СМИ).

Характерной чертой вербализации концепта «силовые структуры» является метонимическое представление концепта: *мундиры, люди в погонах*. На наш взгляд, это может быть связано, с одной стороны, с отсутствием четко сформированной понятийной составляющей концепта, т.к. слишком разнообразно поле номинаций, формирующих концепт. С другой стороны, многие контексты свидетельствуют о том, что все, связанное с проявлением силы, вызывает страх: *Дело в том, что человек, на которого у нас обратили внимание милиционеры, не в правовое пространство попадает, не под действие закона, а наоборот – лишается всех прав, перестает быть гражданином, превращается в грушу для упражнений садистов и палачей. А ведь они пальцем не имеют права никого трогать! Они же государство представляют* (Изв., письма читателей).

Частое употребление различных стилистических средств для вербализации концепта «силовые структуры» может способствовать эвфемизации негативных образов: *люди в погонах вертят*

государством как им угодно (Изв.). В данном примере лексема «вертеть» предполагает наличие не «силового», а манипулятивного воздействия силовых структур на государство, которое в данном случае ассоциируется с обществом.

Характерно, что в текстах политического дискурса концептуальная триада «государство – силовые структуры – общество» подвергается рефлексии и сопровождается неоднозначностью оценки: *Но если общество от армии бежит, то почему государство к армии стремится? Смысл существования государства – защищать интересы общества. А здесь наступление ... Когда государство видит, что не может удовлетворить настоящие общественные запросы, оно стремится навести дисциплину, выстроить всех в линейку (Изв.).*

Отметим двуплановость образного представления концепта – использование политического оксюморона способствует также дисфемизации, т.е. гиперболизации отрицательного признака или замене положительного признака на отрицательный, что предполагает усиление образного воздействия. Например, «антиномичное» сравнение правоохранительных органов с «бандформированиями» (*Местные правоохранительные органы порой действуют как «законные бандформирования» (АиФ)*) вызывает в сознании следующий образ: человек в черной маске (и у террористов, и у спецназа), с автоматом.

В связи с характером деятельности (обладание особыми полномочиями) ведомств, представляющих «силовые структуры», их действия по отношению к народу оцениваются крайне отрицательно и сопровождаются резко негативными сравнениями и образами: *Наша российская Фемида глуха, слепа и нема – буквально: глуха к мольбам о помощи, слепа к страданиям, нема перед ожидающими справедливого приговора (эл. СМИ).*

Что касается **бизнеса**, то для русской лингвокультуры данный концепт является относительно новым, но при этом он активно реализуется в коммуникации – осмысливается, оценивается, интерпретируется. Важно отметить, что при появлении нового лингвокультурного концепта в первую очередь идет осмысление и формирование его образно-оценочного компонента. На данном этапе своего формирования концепт «бизнесмен» характеризуется чаще отрицательной оценкой (выражено в номинациях – *олигарх* (см. Семенюк 2004: 231-237), *буржуй*, *новый русский*). По сути, бизнесмен является одним из представителей народа, «деловой человек». Для той лингвокультуры, из которой концепт «бизнесмен» был заимствован, характерно уважительное отношение к представителям бизнеса. Для американцев, преуспевающий бизнесмен становится символом «Американской мечты», к достижению которой надо стремиться. При переносе в российскую лингвокультуру рассматриваемый концепт несколько трансформировался: русско-язычными людьми бизнесмен воспринимается, прежде всего, как человек (сверх) богатый, а значит, в известной степени, обладающий властью, не «наш», а «чужой». Поэтому в современном российском политическом дискурсе отражается происходящая в обществе интеграция бизнеса не с народом, а с властью: *Государство по-прежнему играет на стороне крупного бизнеса*; а олигархи напрямую ассоциируются с властью: *Олигархия (это следует из определения) подразумевает сращение бизнеса с властью* (АиФ); *Не верят политикам, олигархам и чиновникам; Их президентским шансам не может помешать даже высочайший антирейтинг этих политиков-олигархов в массовом сознании; Мне до сих пор непонятно, почему наши политики и олигархи позволяют медиа глумиться над столь важными вещами* (эл. СМИ). В

последних примерах олигархии и политики воспринимаются как одно неразделимое целое.

В плане образной составляющей концепт «бизнес» в политическом массовом сознании предстает, также как и концепт «силовые структуры», через метафорическое представление о преступных элементах: *У нас с начала 1990-х годов реализовывалась весьма неприглядная модель – коррумпированное чиновничество и бандитские «крыши» как основные регуляторы рынка.*

Особую позицию занимает **интеллигенция**. В. Третьяков в «Независимой газете» пишет: *«Существует ли проблема конфликта интересов по линии власть-народ? Да, конечно. Существует ли проблема конфликта интересов по линии, в русской транскрипции, власть-интеллигенция? Отрицать это - значит отрицать всю русскую историю, по крайней мере XIX-XX веков. А существует ли конфликт интересов в паре народ-интеллигенция? Здесь уже ответ не столь категорично однозначен. Но даже если придерживаться, в общем-то, классового подхода, суть которого в определении интеллигенции как мыслящей, или передовой ... части общества, то конфликт непременно вырисовывается. Хотя бы как конфликт нового и старого, что многие считают конфликтом хорошего с плохим. Таким образом, как ни крути, имеем мы в нашей сегодняшней России треугольник конфликтов: власть-народ (избиратели)-интеллигенция» (НГ). В толковом словаре интеллигенция (от латинского *intelligens* - понимающий, мыслящий, разумный) трактуется как общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Понятию «интеллигенция» придают нередко и моральный смысл, считая ее воплощением высокой нравственности и демократизма (электронный толковый словарь). Интеллигенция является как лучшей частью*

общества, поэтому, представляя интересы народа, находится в оппозиции власти. Но оппозиционность по отношению к власти не является все же главным признаком определения интеллигенции (базовым признаком концепта «интеллигенция» становится *образованность, умение мыслить*): *Интересно, долго ли нас будут кормить догмой, что неперменным качеством русского интеллигента является оппозиционность власти, государству? ... Но при таком подходе интеллигенция превращается в свою противоположность, становится тупым, недумаящим сословием, решения которого заранее известны: если государство «за» - то сословие это против* (Изв.)

Кроме того, весьма часто интеллигенция ассоциируется с недостаточной материальной обеспеченностью: *Наша интеллигенция полностью оправдывает представление о ней, как о нищем сословии* (эл. СМИ), что также определяет «включенность» интеллигенции в народные массы. Появившийся же финансовый достаток отдаляет ее (интеллигенцию) от большинства и приближает к власти: *Теперь интеллигенты научились договариваться с властью и получать от нее золотые горы* (Изв.). Таким образом, увеличивается пропасть между народом и интеллигенцией: *интеллигенция, точнее та ее часть, которая, будучи фаворитами СМИ, говорит от имени всей интеллигенции, а то и от имени всего общества, не имея, правда, при этом должным образом оформленных верительных грамот, не понимает и не хочет понимать того, что ждет общество от самой интеллигенции. Ждет именно сегодня, когда необходимо, наконец, переломить большинство негативных тенденций в развитии страны* (НГ).

Таким образом, в дискурсивном проявлении концептов «СМИ», «силовые структуры», «бизнес», «интеллигенция» отражена такая специфика взаимоотношения участников политической

коммуникации с промежуточным статусом с базовыми субъектами политического дискурса, которая заключается в том, что они тяготеют к позиции «власти».

3.2 Аспекты взаимодействия субъектов политического дискурса

С точки зрения политологии в аспектах взаимодействия народа и политиков проявляются дистанцированность между субъектами политики, которая реализуется как:

- физическая / пространственная дистанция – отделенность барьером, охрана, специальное помещение, особое расположение в пространстве: власть находится на отдалении и на возвышении;
- коммуникативная / контактная дистанция – недоступность политиков высокого ранга для прямого контакта, общение с народом происходит, как правило, через ретранслятора;
- символическая дистанция – право на обладание особыми предметами, символами власти (скипетр, корона, резиденция, спецсамолет);
- психологическая дистанция, рассматриваемая как признак обладания тайной;
- информационная дистанция – монополия на информацию, ограничение доступа к информации для нижестоящих (Шейгал 2000: 63).

С лингвистической точки зрения, для изучения аспектов взаимодействия субъектов политического дискурса представляется необходимым рассмотреть, прежде всего, типы коммуникации. В научной литературе противопоставляются следующие виды общения: межличностная – «моно-/ межсоциумная» – моно-/ межкультурная коммуникация. Межсоциумная коммуникация при этом понимается как общение представителей разных социумов вне их национально-

лингво-культурной принадлежности. Это первый уровень коммуникации, на котором начинает работать принцип разграничения «свой – чужой»: «Оценка личности и присвоение ей того или иного статуса происходят через восприятие ее (личности) коммуникативного поведения» (Красных 2003: 95-96). В поле политического дискурса дихотомия «свой – чужой» приобретает «особое звучание», по сравнению с другими видами институционального дискурса (медицинский, педагогический, религиозный); субъекты политического дискурса находятся на полярных статусных позициях, и сближение этих позиций происходит крайне редко (Китайгородская, Розанова 1995, Шейгал 2000, Почепцов 2000, Бакумова 2002, Романов 2004 и др.). По мнению Г.Г. Почепцова, противопоставление «друг» ↔ «враг» активизируется «в политике даже в совершенно спокойной обстановке. Парламент становится оппонентом Президента, партии раздают ярлыки направо и налево. Это не вызывает отторжения у населения, поскольку наличие врага делает политику гораздо более зрелищной и понятной» (Почепцов 2000: 495). Таким образом, взаимодействие субъектов политики определяется функционированием архетипной оппозиции «свой – чужой».

В политическом дискурсе актуализуются наиболее важные темы (**топосы**), отражающие характер взаимодействия участников политической коммуникации. Топос как риторическое понятие является «источником изобретения, развивающим мысль», «указывают с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль» (Зеленецкий 1997). Они являются темами наиболее значимыми для развертывания политической коммуникации. Так, в частности, Е.И. Шейгал выделяет ряд топосов, в которых актуализуются основные функции инаугурационного обращения (Шейгал 2000). В нашем исследовании анализ массива текстового

материала показал, что наиболее часто актуализация концептуальной оппозиции «народ – власть» происходит в рамках следующих топосов:

- **топос ожидания / обещания** – отражает, в одной стороны, позицию народа в политической коммуникации (ожидание): *Вы готовы ломать системы, но люди ждут конкретных мер здесь и сейчас. Как вы собираетесь покончить с коррупцией?* (теледебаты); *Народ правомерно ждет от своих избранников, что они будут впереди и поведут массы по более эффективному пути преобразования страны; Русский народ ждет этих спасительных идей* (эл. СМИ); *гражданам бессмысленно ждать и надеяться на то, что нынешняя власть, правительство Путина — Касьянова, "Единая Россия" сделают что-либо для блага страны и народа* (СР); *Ваши власти вынуждены делать все гораздо быстрее, потому что граждане не могут столько ждать* (Изв.). Ожидание в определенном смысле связано с такими речевыми актами «от народа» как просьба / требование: *требовать, чтобы власть хоть что-то делала в этом направлении, давно пора* (АиФ); *если на рынке меняются товарами, то на политическом базаре в обмен на налоги граждане требуют от государства предоставления качественных услуг* (Изв.); *Именно эти граждане почти поголовно требуют от власти расправы над олигархами* («Завтра»); *Ничего у власти я просить не хочу* (Изв., письма читателей). Кроме того, в рамках данного топоса характерна вербализация такой эмоции, как «надежда»: *Когда люди теряют надежду, у них не остается другого пути* (теледебаты); *Россияне продолжают уповать на некий «профессионализм» неких спецподразделений* (Изв.).

С другой стороны, ожидания народа являются прямым следствием предвыборных обещаний политиков: *Не верьте*

тем, кто обещает вам сладкую жизнь! (теледебаты); А не забудутся ли в таком случае и предвыборные обещания, которые так щедро раздаются накануне «последнего и решительного»? (ВП); В нынешнее время жителей области больше привлекает испытанный человек во власти, нежели невесть откуда взявшийся кандидат, который обещает золотые горы в случае своего прихода к власти (ВК).

- 1) **топос обмана** – связан с топосом ожидания / обещания, поскольку представляет реакцию народа на типичную практику невыполнения предвыборных обещаний политиков, что рассматривается как обман: *Политика Ельцина не оправдала тех надежд, которые на нее возлагали люди (дебаты).* Отметим, что для данного топоса характерна активная метафоризация процесса обмана: *облапошить, оболванить, надуть, окопачить, вешать лапшу на уши, морочить голову и т.д.* Кроме того, данный топос связан с политическим перформативом недоверия: *Люди больше не верят власти, они научились сами решать свои проблемы (Изв.)*
- 2) **топос единения / конфронтации** – реализуется через маркеры интеграции и дистанцирования. Местоимения «мы», «нас», наречие «вместе» выполняют функцию интеграции: *Не бойтесь давления, не опасайтесь толпы вокруг вас. Следуйте своим убеждениям. Голосуйте по совести. Мы сможем решать вместе с вами наши общие проблемы (дебаты).* Этот топос особенно активно проявляется именно в предвыборный период и связан с интенсификацией архетипной дихотомии «свой – чужой». В плане конфронтации подчеркивается дистанцированность народа и власти: *Сегодня проблема заключается в том, что власть слишком далека от народа (теледебаты).*

3) **топос ответственности / защиты** – отражает правовой характер взаимоотношений государства и граждан и коррелирует с топосом ожидания: *Государство обязано уметь защитить своих граждан в такой ситуации; Сегодня в России нет ответственности чиновника перед народом; для того, чтобы защитить интересы граждан ... для этого нужны партии (теледебаты).*

4) **топос зависимости** – отражает представления о народе как о пассивном и несамостоятельном субъекте политического дискурса; данный топос реализуется через метафоры «рабства» и «кормления»: *Не могут краснобаи и баламуты накормить (дебаты); Интересно, долго ли еще нас будут кормить догмой, что ... (Изв.); им (НБП) хочется еще больше расширить империю и еще больше выбить из государства халявной кормежки для «граждан»-рабов (эл. СМИ). При реализации данного топоса народ предстает как слабый, беззащитный: Это ощущение бессилия, безысходности перед судьбой охватывает миллионы людей (ВП); *Его* (Евдокимова) *избрание* – еще один знак истинного отношения нашего народа к власти. В ней мы всегда ищем начала патернализма, отеческого к себе отношения, но, не находя их, склонны видеть во властях предержащих либо враждебную силу, либо «юмористов» (Изв., письма читателей); Рабство и холопство, стремление попасть на содержание к кому-нибудь, продаться в рабы и преданно служить, в том числе и бить того, на кого укажет хозяин-кормилец, - проявились в русском менталитете ... (Изв.).*

Значимость выделенных топосов заключается в том, что они отражают аспекты взаимодействия участников политического дискурса:

- 1) **институциональный;**
- 2) **деятельностно-поведенческий;**
- 3) **эмоционально-оценочный.**

Институциональный аспект.

Базовым аспектом взаимодействия субъектов политического дискурса является **институциональный аспект**, реализующийся в разграничении статусно-ролевых позиций субъектов политического дискурса.

В плане прагматической структуры политической коммуникации **народ** обладает двойственным статусом. А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич отмечают, что в различных жанрах политического дискурса народ может выступать в качестве либо **объекта** (адресата) политического общения (во имя которого все делается), либо **субъекта** политического общения (самостоятельный участник политического диалога, способный влиять на ход происходящих политических событий) (Баранов, Казакевич 1991). Не случайно апелляция к «мнению народа» используется как основание для политической аргументации.

Сочетаемость и метафорика лексемы «народ» достаточно красноречиво отображают противоречивый статус «народа» как категории политического мышления и речевого поведения, эксплицирующейся в двух статусно-психологических ролях:

- а) **активно действующая личность**, которая *удостаивает доверия политиков, выражает свою волю, требует, заставляет политиков что-то делать;*
- б) **пассивная личность**, которую все и вся *обижают, унижают, обирают* и т.д., которая нуждается в *защите, уходе, кормлении.*

Спецификой прагматической функции адресата является то, что народ, как правило, выступает в роли не прямого адресата, а адресата-наблюдателя (Почепцов 1986). Социологи отмечают, что массы участвуют в политике в основном созерцательно, они воспринимают политические события как разыгрываемое для него действо. Понятие адресата-наблюдателя нельзя смешивать с ролью народа в качестве пассивной личности. С пассивной личностью «не считаются», ее «обижают, унижают», тогда как осознание народа как наблюдателя влияет на выбор политиком стратегии своего речевого поведения. Политики, общаясь друг с другом или с журналистами, всегда помнят об этой «зрительской аудитории», с наблюдателем не только считаются, но и «работают на публику», стараются произвести впечатление.

«Пассивная личность» представлена в народе большинством. Это автор бытовой интерпретации политического дискурса в «разговорах на кухне». Именно здесь, в устах самого народа, он является «униженным и оскорбленным». Хотя участие народа как «пассивной личности» в политической коммуникации сводится, в основном, к наивным жанрам политической коммуникации, однако не следует недооценивать значимость его влияния на политический процесс, особенно в период выборов. Как отмечает М. Эдельман, в политическом дискурсе «позиции одного человека» не существует, поскольку политические ценности всегда имеют групповой характер: «В политическом дискурсе важна не столько точность, сколько общность оценок с позиции группы» (Edelman 1964).

Что касается статусно-ролевых аспектов власти, то выделение **институциональных типов** политиков осуществляется, прежде всего, с позиций их политической ориентации. Современная российская политическая действительность, по мнению Е.В. Бакумовой, предполагает разделение политиков в терминах

ориентационных (или пространственных) метафор на левых (коммунистов), правых (либералов), центристов (демократов), крайне левых (маргиналов, националистов). При этом подчеркивается подвижный характер выделенных типов политических групп, обусловленный изменениями в общественно-политическом строе современной России. С другой стороны, Е.В. Бакумова выделяет определенные параметры с вариативным набором признаков, по которым можно описывать любой институциональный тип политика (Бакумова 2002).

Отметим, что данная типология может быть применима и к выделению ролевых позиций народа. Различные социальные группы рассматриваются в рамках их идейных предпочтений, например, средний класс как социальная группа будет, в основном, придерживаться либеральных позиций. Подобное разграничение помогает и самому политику ориентироваться в электорате в целом. Но при применении данной типологии к народу необходимо оговорить, что у народа, в отличие от власти, имеется еще одна важная ролевая позиция, которая соотносится с пассивной личностью и характеризуется отсутствием четких идеологических позиций: *Как видим, причиной, способной в кои-то веки вывести обывателя из его привычной сонной апатии и безразличия ко всему на свете, стало и здесь не что иное, как робкая попытка отобрать у него привычную халяву* (эл. СМИ).

Деятельностно-поведенческий аспект.

Взаимодействие субъектов политической коммуникации можно рассматривать также с позиций **деятельностно-поведенческого аспекта**, который отражает действия субъектов дискурса по отношению друг к другу. Данные действия могут носить коммуникативный (*обещать, просить, жаловаться, требовать,*

призывать) и некоммуникативный характер (*выбирать, проводить реформу, бастовать*). Отметим, что по сути некоммуникативные действия, тем не менее, в определенном смысле все равно связаны с коммуникацией. Например, забастовка сопровождается какими-то устными или письменными (лозунг) заявлениями, проведение реформ освещается в СМИ, голосование находит свое отражение в письменном виде (предполагает наличие списка кандидатов и текста, выдающего в кратком виде информацию о кандидатах).

В рамках данного аспекта действия политиков по отношению к народу и, наоборот, народа по отношению к политикам коррелируют с определенными типами речевых актов политического дискурса. Проблема изучения речевых актов заключается в многообразии типов и видов речевых актов: угроза, запрет, пожелание, утверждение, приказание, побуждение, обещание, требование и пр.

Выделяются следующие типы речевых актов, характерных для политического дискурса:

- политические перформативы (доверия / недоверия, поддержки, выбора, требования, обещания);
- речевые акты интеграции (здравица, призыв к единению, констатация единства, поддержка);
- речевые акты ориентации (ассертивы, декларативы, прогноз);
- речевые акты агональности/агрессии (призывы, требования) (Шейгал 2000: 238-254).

В плане ролевой структуры политического дискурса характерные для данного вида коммуникации речевые акты можно разграничить на речевые акты «от народа» и речевые акты «от власти».

От народа	→	От власти
просьба, жалоба, требование	→	заявление, обещание
поддержка / протест	←	призыв
доверие / недоверие	←	убеждение
выбор	←	аргументация

Указанные речевые акты соотносятся между собой по признаку «стимул – реакция». Если говорить о том, что понятие истинности и ложности для речевых актов заменяется понятиями успешности и неуспешности, то соотношение «стимул – реакция» отражает категорию коммуникативной успешности: реакцией на речевой акт просьбы/требования (стимул) является речевой акт обещания (реакция). Интегративный речевой акт призыва порождает перформативный речевой акт поддержки /протеста, доверия /недоверия.

В текстах политического дискурса отражается речеактовая специфика политической коммуникации. Основными действиями политиков по отношению к народу являются:

1) обещание: *Предвыборные обещания только раздаются на широкую руку, а выполняются, увы, со скрипом (ВК).*

Объект обещания отражает стремления и желания народа. Среди наиболее частых тем, упоминаемых в обещаниях, находятся:

а) решение проблем: *Я еще раз говорю о том, что-то, что сегодня приносится в политику, вот такие подходы, когда оскорбляются миллионы людей, вместо того, чтобы решать реальные проблемы; Мы идем в Думу для того, чтобы решать проблемы каждого из нас, каждого из вас; Но если мы будем сплочены, еще раз подчеркиваю, почему я здесь в ролике сказал, только партии дают возможность решить все проблемы.*

б) обеспечение прав: *Мы сможем обеспечить ваше право на достойную жизнь (теледебаты); Сегодня, мы полагаем, ключевыми вопросами для построения будущего нашей страны является такая система управления, в которой государство служит человеку, в которой государство обеспечивает исполнение всех его прав, в которой свобода, уважение человека является центральной вещью для всего того, что делает государство (теледебаты).*

2) призыв – *Седьмого декабря у вас есть последний за ближайшие четыре года шанс самим проголосовать за отмену грабительской автогражданки (теледебаты); В свое время власть призвала народ искать «национальную идею» (Изв.); Некоторые особо радикальные политики из этой партии даже призывали не вставать под "совковый" гимн (Изв.); ходят по домам, собирают подписи, уговаривают – голосуйте за того или иного кандидата (эл. СМИ); Мы обязаны поднимать людей, звать их за собой, вселять в них надежду и уверенность в том, что повернуть жизнь к лучшему можно (СР).*

Основными действиями народа по отношению к политикам являются:

1) требование: *Наивно думать, что канонизация царя-мученика ... приблизят нас к правовому государству ... Но требовать, чтобы власть хоть что-то делала в этом направлении, давно пора (АиФ). В мэрию посыпались письма от различных общественных организаций, трудовых коллективов, простых горожан, в которых они требовали прекратить уничтожение предприятий мелко-розничной сети, принадлежащей волгоградским заводам и фабрикам (ВК); Российский гражданин стал более требовательным, более критичным и к власти, и к лидерам. Вот и В. Путину*

он выставляет новую, повышенную планку: не трудолюбие и здоровье, а политическую активность, волю, порядочность (АиФ).

- 2) поддержка - *партия сформировала свою предвыборную программу, опираясь на мнение и поддержку народа (теледебаты).*
- 3) выражение доверия / недоверия - *Пятипроцентный порог преодолели лишь несколько наиболее перспективных партий-фаворитов, пользующихся поддержкой Кремля и доверием народа (ВК); к таким партиям доверие будет еще меньше (теледебаты); Он (Путин) вернул людям доверие к президентской власти. Он всегда на "прямой линии" со своим народом (эл. СМИ).*

Эмоционально-оценочный аспект.

Эмоционально-оценочный аспект взаимодействия народа и власти реализуется в плане построения взаимоотношений между субъектами политического дискурса, т.е. включает в себя мнения/оценку участниками коммуникации друг друга. В рамках данного аспекта концептуальная оппозиция «Народ – Власть» актуализируется в дискурсе в виде набора эмоций:

- **Обида:** *это всего лишь популистские заявления, дескать, обидели народ (теледебаты); Пытаясь нажить себе капитал, подсовывают социальную увертку: дескать, народ обижают (эл. СМИ); Мы полны обид не только на собственную власть, но и на весь мир (Изв.); Народ они пограбят и обидят (политический Интернет-форум); Кроме одного: чеченское общество в очередной раз почувствовало себя обманутым и обиженным (эл. СМИ);*

- **Возмущение:** У образованных и знающих людей такие явления вызывают возмущение (эл. СМИ); А народ потому и возмущается : мол, государство — это я (эл. СМИ); Народ возмущается, а ничего сделать не можем (Изв.);
- **Разочарование:** народ разочаровывается в парламенте или уже разочаровался (теледебаты); народ испытал полное разочарование в нынешней государственной системе (Изв.);
- **Недовольство:** граждане недовольны тем, как защищают их интересы; Закон о якобы "отмене льгот" стал в России событием, вызвавшим целую волну массового народного недовольства и протестов. Такая волна в последние годы, при сложившемся режиме, является большим и редким событием;
- **Пренебрежение:** люди испытывают чувство пренебрежения к избирательному спектаклю (Изв.); Здесь человек интеллектуального труда вынужден принять за аксиому, что общество пренебрегает им, но взамен этого он получает духовную свободу (эл. СМИ);
- **Безразличие:** Как видим, причиной, способной в кои-то веки вывести обывателя из его привычной сонной апатии и безразличия ко всему на свете, стало и здесь не что иное, как робкая попытка отобрать у него привычную халяву; Нынешняя система держится на массовом внушении нашему народу чувства исторической вины и социально неполноценности, на внесении разобщенности и безразличия к судьбе страны («Завтра»); Свое диктаторство вождь рассматривает как естественную форму правления в России, подкрепленную жертвенностью народа и его безразличием к власти (эл. СМИ). Описание данной эмоции сопровождается оценкой состояния как «усталости»: вот эта ложь, вы знаете, я думаю, она не только нам надоела, она большинству россиян надоела; мы, народ, устали от идеологий.

Мы, народ, устали от многочисленных предложений рая либо сегодня, либо завтра, либо в далеком будущем;

- **Уверенность:** *(действия власти) внушают чувство уверенности (Изв.); Он (Путин) обязан понимать, что не «равноудаленность» бизнеса от власти, а равенство всех граждан страны, включая президента РФ, перед законом гарантирует стабильное развитие страны и уверенность общества в надежности власти (эл. СМИ);*
- **Отчаяние:** *надо прекратить вопль отчаяния (теледебаты); Народ без элиты: между отчаянием и надеждой (Изв.); Они шли «в народ», который воспринимал любые обвинения верховной власти как истину в последней инстанции, потому как дошел до отчаяния (АиФ); Тем не менее российское общество еще находило в себе силы к сопротивлению. Народ не взбунтовался — и не потому, что поддерживал "реформы", а потому, что чувство социальной ответственности оставалось сильнее настроений отчаяния (эл. СМИ).*
- **Злость:** *По-моему, хамство – следствие той злобы, которой действительно пронизано наше общество. И страшно, что группа людей имеет возможность направить эту массовую злобу в нужном направлении, указывая народу источник всех их зол (Изв.); злость народная обращена на народного избранника (теледебаты);*
- **Надежда:** *Когда люди теряют надежду, им ничего не остается как с кулаками отстаивать свои права (эл. СМИ); Но у другой части общества появление Путина во власти вызвало к жизни надежду («Завтра»); Еще три года назад определенная часть общества питала некоторые надежды на Путина, изменение курса (СР);*

- **Ненависть:** *народ ненавидит чиновника (Изв.); не любит нас народ (теледебаты); За эти годы страх, накопленный в нашем обществе, породил ненависть — ненависть, которую сейчас пытается использовать власть, чтобы оправдать свою ставку на силу, оправдать свою агрессию (порождаемую тем же страхом) (НГ); Эта ненависть, которая разлилась по обществу, она затронет жизнь каждого, прежде всего, тех, кто является носителем этой ненависти (эл. СМИ); Молодежные погромы позволяют предполагать, что в российском обществе наличествует немилый горячий материал: накапливается социальная ненависть, антагонизм богатства и бедности, элиты и низов (эл. СМИ).*

Характерно, что отношение народа к власти отличается широкий спектр преимущественно негативных эмоций (обида, возмущение, разочарование, недовольство, злость и т.д.). А полюс власти в данной оппозиции ассоциируется с единственной эмоцией «страх»: *нынешняя власть боится конкуренции (СР); и имплицитное выражение данной эмоции: Такое впечатление, что милиционеры просто боятся своего народа, ненавидят его (Изв.); Народ обижают и грабят, и он – сам по себе, а власти боятся и не ведут диалог с людьми (эл. СМИ); А куда спряталась власть? Почему она жестко, в зародыше не искореняет этот психоз? (Изв.).*

3.3 Проявление концептуальной оппозиции «народ – власть» в жанровой структуре политического дискурса

Жанровое пространство институционального дискурса можно рассматривать в различных аспектах: по параметру степени институциональности, в рамках субъектно-адресатных отношений, по признаку социокультурной дифференциации и по параметру событийной локализации. Полевая структура жанрового

пространства политического дискурса позволяет выделить прототипные и периферийные жанры для данного типа дискурса. Е.И. Шейгал отмечает, что «степень центральности или маргинальности того или иного жанра определяется тем, в какой степени он соответствует основной интенции политической коммуникации – борьбе за власть» (Шейгал 2000: 268). Так, для политического дискурса прототипными жанрами являются: парламентские дебаты, предвыборные дебаты, публичная речь политика, инаугурационная речь президента, лозунг, голосование. Они, как правило, обеспечивают коммуникацию по линии «институт → общество». Большинство так называемых жанров «от народа» (за исключением лозунга), т.е. осуществляющих коммуникацию по линии «общество – институт», принадлежит к пласту периферийных жанров и находится на стыке, прежде всего, с личностным и бытовым дискурсом. В данном разделе мы рассмотрим специфику «народных» жанров политического дискурса, т.к. коммуникация по направлению «общество → институт» и «общество → общество» редко подвергается лингвистическому анализу. Это обусловлено рядом объективных проблем, возникающих в связи с рассмотрением жанров «от народа», как то: проблема отбора материала (широкая и вместе с тем «закрытая» для исследователя бытовая сфера функционирования «народных» жанров), техническая проблема его фиксации. В своей работе мы обратимся к наиболее «официальным» и доступным жанрам «от народа», таким как политический анекдот, частушка, лозунг, письмо в газету.

3.3.1 Жанры политического дискурса с коммуникативным вектором «народ → власть»

Лозунг. Лозунг относится к числу прототипных жанров политического дискурса, т.к. его основной функцией является

регулятивная функция, он становится непосредственным инструментом политической борьбы и в силу этого занимает ведущее место в политической коммуникации по линии «общество → институт» (Шейгал 2000б). По характеру коммуникативной интенции лозунг можно отнести к директивным жанрам. Основная цель лозунга в политическом дискурсе заключается в оказании влияния, прежде всего, на поведение политиков. Как правило, лозунг коррелирует с текстами других жанров в рамках определенного коммуникативного события.

Е.И. Шейгал рассматривает лозунг с позиций его иллокутивного аспекта, субъектно-адресатной организации, содержательной специфики, материального воплощения и структурно-фонетических особенностей (план выражения).

Иллокутивный аспект лозунга проявляется в реализации им коммуникативных интенций в виде: 1) регулятивных (директивных) речевых актов, 2) речевых актов экспрессии, призыва; 3) декларативных речевых актов. Л.В. Енина классифицирует лозунги с точки зрения коммуникативного пространства их реализации и аспектов их функционирования:

- лозунги на забастовках, пикетах и т.д. (выполняют знаковую функцию протеста), в основе **протестных лозунгов** лежит речевой акт требования и его производные, реализующие функцию вербальной агрессии.
- лозунги во время избирательных кампаний (выполняют прагматическую функцию привлечения голосов избирателя на сторону кандидата или против оппонента). Поскольку, как правило, пространством функционирования **рекламного лозунга** является предвыборный дискурс, то основным речевым актом,

реализуемым в данном типе лозунга, является призыв. В большинстве случаев авторами таких лозунгов являются профессиональные политтехнологи, работающие по заказу кандидата, т.е. данная жанровая разновидность лозунга представляет коммуникацию по линии «политик → общество».

- «дворовой» лозунг, размещающийся на уличных щитах, на стенах в виде граффити. Прагматическая функция такой разновидности лозунга состоит в декларировании культурных и социальных ценностей автора. Декларативные лозунги содержат, прежде всего, речевые акты асертивы и экспрессивы. Данный тип лозунга функционирует в рамках различных политических коммуникативных событий и может использоваться вне конкретных акций в целях долговременной пропаганды. (Енина 1999, Шейгал 2000)

Характеризуя участников коммуникации лозунгового жанра, Л.В. Енина отмечает, что «лозунговый текст заостряет социально-ролевые позиции коммуникантов» (Енина 1999). Особенностью субъектно-адресатной организации лозунга как жанра политического дискурса является двойная адресация: наличие как прямого, так и косвенного адресата (адресата-наблюдателя), которые по-разному представлены в различных типах лозунгов. Это определяется, прежде всего, различием в векторах коммуникации в протестных лозунгах (адресат – представители власти) и рекламных лозунгах (адресат – электорат). Что касается специфики адресата-наблюдателя, то он может быть как целевым, так и случайным (в протестных лозунгах).

Адресант лозунга, как правило, групповой (массовый). Специфика адресанта лозунга состоит в его неоднородности в плане ролевой структуры и предполагает разграничение адресанта на

автора, принципала (позиция которого отражена в лозунге) и аниматора (исполнитель, который «транспортирует» лозунг до адресата). Для всех лозунговых жанров характерна анонимность автора и обязательная идеологическая маркированность принципала, которая выражается в соотнесении ценностных позиций автора лозунга с позицией одного из групповых субъектов политической коммуникации. В рамках статусно-ролевой структуры политического дискурса аниматор является политическим активистом-непрофессионалом, который в плане ценностных ориентаций придерживается позиций принципала и идеологически отождествляет себя с ним (Шейгал 2000).

В плане реализации в лозунговых жанрах социально-психологических ролей можно выделить следующие характеристики адресата и адресанта в различных жанровых разновидностях лозунга:

- В протестном лозунге - **адресант** предстает как обиженный, несправедливо обделенный, ущемленный в правах, проигравший, но обладающий моральным превосходством над победившим; **адресат** предстает в двух вариантах: а) ущемляющий права и личное достоинство адресанта (вор и грабитель, виновник плачевного состояния адресанта) и б) покровитель, крепкая рука, суровый, но справедливый и заботливый отец.
- В рекламном лозунге происходит смена позиций адресата и адресанта на прямо противоположные, по сравнению с протестным лозунгом – **адресантом** выступает либо сам кандидат, либо некий посредник (человек, обладающий большим общественным признанием и авторитетом), в последнем случае адресант является принципалом, который предстает в образе некоего волшебника

исполняющего желания адресат; образ самого **адресата** в рекламном лозунге реализуется в бесконечном множестве ипостасей, в зависимости от политической стратегии избирательной кампании, выбранной кандидатом. Существенную часть образа адресата составляют его ценностные приоритеты, совпадающие с идеологической позицией принципала. Но в любом случае адресат рекламного лозунга предстает как человек, разочаровавшийся в нынешней власти и жаждущий перемен к лучшему, патриот, радеющий за процветание своей страны, мечтающий о порядке и достойном отношении к своей личности со стороны государства (Енина 1999).

План содержания лозунга характеризуется: тематической однофокусностью, максимальной эксплицитностью выражения идеи, злободневностью содержания, аксиологической маркированностью и эмоциональностью.

В плане выражения основными характеристиками лозунга являются его краткость (одно простое предложение), как правило, наличие в тексте фонетических и графических стилистических приемов в качестве основных средств привлечения внимания.

Смеховые жанры.

Особенность российского политического дискурса состоит в том, что основная часть коммуникации по линии «общество → институт» представлена, прежде всего, смеховыми жанрами. По мнению А.В. Дмитриева, само «происхождение смеха может быть прослежено из взаимодействия господства и подчинения» (Дмитриев 1998: 8). В политической коммуникации роль юмора становится многозначной и противоречивой. С одной стороны, юмор при исследовании политического дискурса ассоциируется, прежде всего,

с властью. По словам И.Ф. Ухвановой, исследующей проблему взаимоотношения юмора и власти, «смех – сильное оружие. Умение пользоваться им и направлять на противника – индивида (субъекта политики), группу, институт, идею – входит в арсенал политической деятельности и является определенной формой власти» (Ухванова 2000: 149). С другой стороны, народный юмор в политике становится актуальным и представляет собой форму сопротивления общества. Во взаимоотношениях общества и власти, общество выступает преимущественно пассивным наблюдателем политического процесса. В данном случае комические жанры отражают реакцию народа на политику, причем чаще именно в сатирической форме. Комические народные жанры политического дискурса (частушка, анекдот), как и лозунг, можно отнести к агональным жанрам, их реализация – это своего рода сублимация политической агрессии.

Политическая частушка. В отличие от лозунга, основным адресатом политической частушки в большинстве случаев выступает равный по статусу представитель народа. Хотя в случае появления политической частушки как жанра СМИ, «интимизация» отношений автора и адресата исчезает, адресат отдаляется от автора и исполнителя частушки, становится менее конкретным, появляется адресат-наблюдатель в виде представителей власти, и это, соответственно, влияет на реализацию частушки. То же самое происходит и с частушкой, реализуемой в коммуникативном событии «показательного вечера народного творчества» в присутствии представителей власти, например, концерт, посвященный какому-либо празднику. При соблюдении же классических канонов частушечного жанра основными параметрами такого общения являются неформальность обстановки, близость дистанции общения, контакт адресата и адресанта. Это определяет специфику используемых в частушке речевых жанров – сетование, осуждение, а

также особенностью плана языкового выражения – краткость изложения, использование стилистически сниженной лексики. Е.И. Шейгал рассматривает политическую частушку с позиций социально-политических установок, выражаемых ею, которые в свою очередь складываются из когнитивного, ценностного и аффективного компонентов. Когнитивный компонент политических установок, отраженных в частушках, выражается в наивном, поверхностном уровне политического знания. «Автора и исполнителя частушки политика интересует ... лишь с той степени, в какой она затрагивает его быт и личную повседневную жизнь» (Шейгал 2005: 141). А.В. Захаров отмечает, что внимание адресата-наблюдателя приковано в большей степени не к «игрокам» политического спектакля как таковым, а скорее к общему раскладу сил в верхних эшелонах власти, т.е. общество отслеживает, прежде всего, перестановки в правительстве и подведомственных ему структурах, т.к. именно с такими переменами связываются надежды людей на решение жизненно важных проблем (Захаров 1998). В рамках рассмотрения ценностного компонента (базируется на стереотипах) политических установок, выражаемых в частушке, Е.И. Шейгал выделяет апологетические и сатирические типы частушек. С позиций аффективного компонента политических установок рассматривается доминирующий вектор эмоционального отношения к действительности и выявляется, вопреки негативизму исполнителя и адресата по отношению к власти, такая черта политической частушки, как жизнерадостная тональность, что проявляется в оптимистичном умонастроении «нам все нипочем» (Шейгал 2005: 139-144).

Несмотря на краткость изложения, политические частушки не лишены масштабных зарисовок, что определяется сильным влиянием политических процессов в обществе. А.В. Дмитриев в этой связи

замечает: «Они (политические частушки) не могли не испытать последствий эпохальных событий того времени» (Дмитриев 1998: 47). В отличие от бытовой частушки, политическая частушка характеризуется большей злободневностью содержания и «остротой» языкового выражения. Такая «вседозволенность» выражения своего мнения и отношения к политическому действию происходит от невозможности определения авторства, по сути, это жанр коллективный.

Анекдот. Политический анекдот по своим основным функциям близок к жанру частушки – «обнажение» актуальных проблем современной политической деятельности, обеспечение «выхода отрицательных эмоций». Но, анекдот, в отличие от частушки, имеет иную композиционную структуру, основанную, прежде всего, на механизме парадоксального снятия оппозиций. А. Чернышев описывает действие анекдотического жанра следующим образом: «Не секрет, что наша культура выстроена на взаимопротиворечивых основаниях, и сколько-нибудь устойчивая система приоритетов, соотносящая эти основания друг с другом, в ней отсутствует. ... В анекдоте исходное противоречие сначала заостряется до предела, а потом напряжение на полюсах снимается, что влечет за собой смеховую разрядку. Основные для культуры оппозиции постоянно прогоняются через анекдот, молниеносно перемещаясь вверх-вниз вдоль вертикальной аксиологической оси» (Чернышев 1992: 18). С другой стороны, в политической частушке в равной степени отражаются, как отношения общества к власти, так и отношение общества к самому себе. То есть в частушках содержится и саморефлексия (при этом вектор критики направлен «вовнутрь», имплицитно осуждаются пороки самого общества). Политический анекдот, наоборот, характеризуется большей направленностью на власти, объектами насмешки выступают, прежде всего, политические

деятели. Нам представляется, что по своему положению в поле жанрового пространства анекдот располагается ближе к прототипным жанрам, чем частушка. Анекдот более «официален» он может вплестаться в крупные речевые жанры, реализуемые политиками (как то: дебаты, публичное выступление, интервью). Хотя «народный» политический анекдот, так же как и частушка, чаще реализуется в контексте неформального общения, в атмосфере дружеской раскованности. С позиций социологии А.В. Дмитриев выделяет шесть типов категорий политического анекдота в зависимости от объекта осмеяния. Данная классификация имеет градуальную структуру (от общего к частному):

- 1) анекдоты про политическую идею;
- 2) анекдоты про социально-политические образования («чиновники», «новые русские»);
- 3) анекдоты про политические институты (партия, армия);
- 4) анекдоты про символы (знамя, гимн);
- 5) анекдоты про другие «враждебные» этнические группы (американцы, украинцы);
- б) анекдоты про политических деятелей.

Сам автор данной классификации отмечает определенную условность выделенных типов политического анекдота.

Отметим, что если в целом политический анекдот относится к агональным жанрам, то анекдот про другие национальности в политическом ракурсе представляет собой, напротив, средство интеграции власти и народа, которые совместно выступают в оппозиции другим нациям, реализуя особый вариант архетипной дихотомии «свой – чужой». Говоря о межкультурной коммуникации, В.В. Красных подчеркивает, что в случае межэтнического общения оппозиция «свой – чужой» становится более «рельефной», актуальной: «Понятно, что при наличии единой когнитивной базы в

условиях межсоциумной коммуникации существует большое «поле» для взаимопонимания, при этом возможно прогнозирование с определенной долей «попадания». При межкультурной коммуникации различий может быть больше, чем совпадений, причем последние будут, скорее всего, квазисовпадениями» (Красных 2003: 96). Соответственно, в политических анекдотах на «международную» тематику «свой» политик чаще характеризуется положительной оценкой. Сравним следующие анекдоты, участником которых является один и тот же политический деятель:

1) *Разговор двух мужиков:*

- Ты знаешь, кто у нас в стране больше всех политические анекдоты любит?

- Не-а.

- Путин!

- Ну да??

- Угу, он их коллекционирует... Вместе с рассказчиками.

В данном примере прямым объектом насмешки становится политик, который характеризуется негативной оценкой. В анекдоте присутствует намек на его профессиональное прошлое (сотрудник разведки), что реализуется в создании образа жестокого «чекиста», который за любое проявление инакомыслия может потребовать наказания. Контрастность противопоставления «народ – власть» интенсифицируется за счет стилистической маркированности лексемы «*мужики*», которая принадлежит к пласту разговорного лексического фонда языка – в данном контексте невозможна синонимическая замена на слово «*мужчины*» (*Разговор—двух мужчин*). В данном случае имплицитно выражен и образ народа – «свой парень», простой, ценящий свободу мысли. При этом параметр «простоты» становится важным для разграничения «свой – чужой» и определения принадлежности именно к народу.

2) *Идет встреча глав государств. Неожиданно появляется господь Бог и говорит:*

- Господа президенты, у меня для вас новость: через две недели – конец света.

Все президенты вернулись домой. Билл Клинтон, выступая с еженедельным обращением к американскому народу, сказал:

- У меня для вас две новости: одна хорошая, другая плохая. Хорошая – Бог все-таки есть. Плохая – через две недели будет конец света. Владимир Путин, выступая перед россиянами, так сказал:

- Дорогие россияне! У меня для вас две хорошие новости: первая – бог все-таки есть, а вторая - я буду президентом до конца света.

Данный анекдот находится в одном ряду с другими межэтническими анекдотами («про немца, француза и русского»), в которых восхваляются определенные качества, свойственные «своим»: ум, находчивость, удаль; и порицаются черты «чужих»: глупость, пессимизм, неумение действовать в критической ситуации. Так и в данном примере, насмешка над российским политиком носит благожелательный характер, одобряется его оптимистическое отношение к реальности, в противопоставлении с «чрезмерно» серьезным восприятием мира «чужим» президентом.

Отметим, что специфика указанных жанров состоит в их преимущественной агональности, для них характерна жесткая оценочная поляризация концептуальной оппозиции «народ – власть».

3.3.2 Письмо в газету как жанр политического дискурса

Какое место занимает письмо в газету в жанровой структуре политического дискурса? Письмо в газету можно отнести к маргинальным жанрам политической коммуникации, т.к. он

находится на периферии политического дискурса (на стыке с дискурсом масс-медиа и персональным дискурсом), то есть этот жанр не является обязательным для политического дискурса, но при этом связан с ним содержательно. С другой стороны, данный жанр имеет значительное влияние на политическую коммуникацию, фактически он обеспечивает общение народа с властью в открытом режиме при посредничестве СМИ. Именно поэтому в других газетных жанрах (аналитические статьи, комментарии и др.) можно найти ссылки на письма читателей: *Таких писем к нам приходит немало; А вот письмо другого нашего читателя; С таким письмом обратился к нам читатель; Откликом на ... стали десятки писем наших читателей; наши читатели опровергли вышеупомянутые заявления политиков и экспертов; наши читатели в большинстве своем не понимают ...*

Следует отметить, что далеко не каждое общественно-политическое издание помещает на свои страницы рубрику с письмами читателей, несмотря на достаточно высокий потенциал использования данного жанра в политической коммуникации. Здесь многое определяют традиции печатного издания и редактор, который регулирует и направляет коммуникативный процесс в рамках постоянной рубрики или раздела, создавая в конечном счете общий стиль рубрики.

Е.И. Шейгал предлагает рассматривать жанровое пространство политического дискурса по четырем признакам: институциональность, субъектно-адресатные отношения, социокультурная дифференциация и событийная локализация (Шейгал 2000).

Признак **институциональности** носит градуальный характер, что отмечалось разными исследователями, занимающимися изучением дискурса (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, Г.Г. Слышкин и др.). Следует отметить, что все жанры, обеспечивающие коммуникацию по линии

«клиент → агент» характеризуются меньшей степенью институциональности, чем жанры в рамках коммуникации «агент → клиент», так как клиент является «непрофессионалом», его основная деятельность в меньшей степени связана с институтом. Соответственно, на оси институциональности жанр письма в газету располагается ближе к полюсу неформальности, хотя в данном жанре сочетаются признаки как неформальной, так и формальной коммуникации. Автор излагает свое мнение, т.е. источник сообщения неофициальный, поэтому коммуникацию, осуществляемую посредством письма, можно отнести к личностной сфере общения. Но, с другой стороны, письмо в газету является в определенном смысле «открытым», канал общения общедоступен, официален, и потому такое письмо как жанр перестает быть личностным, автор принимает на себя всю ответственность своих слов.

Признак **субъектно-адресатных отношений** предполагает разграничение понятий политической деятельности и политического участия на основе направленности коммуникации (Шейгал 2000: 258-259). Жанр письма в газету относится к жанрам политического участия, коммуникация осуществляется по линии «представитель общества – СМИ – общество (потенциально – институт)». Таким образом, адресатом данного жанра могут одновременно выступать и власть, и общество в целом.

Признак **социокультурной дифференциации** обусловлен неоднородностью субъектов политики в плане их ценностных ориентаций. Идеологическая позиция издания приводит к тому, что его целевую аудиторию составляет определенный круг читателей, разделяющих эту позицию. Сравним письма, которые выражают противоположные политические взгляды – (1) либеральные и (2) коммунистические: (1) *На любопытные выводы, например, наталкивает чтение последней страницы газеты «Известия», где*

*под рубрикой «Обратная связь» печатаются письма читателей. Понятно, что среди этих самых читателей патриотов, и тем более коммунистов, практически не бывает (Сов. Россия); (2) Зюгановцы и рогозинцы, как попугаи, обвиняют в низкой рождаемости «преступный режим», и, конечно же, Чубайса; Яблококоммунистическими страшилками меня не запугаешь (Изв.). В приведенных примерах явно выражен аспект агональности политического дискурса, очевидна речевая агрессия по отношению к читателям, разделяющим противоположную идеологическую позицию. Данная агрессия нацелена, прежде всего, на понижение статуса «оппонента»: *не патриот, как попугаи, страшилки.**

По параметру **событийной локализации**, письмо в газету относится к числу жанров, не привязанных жестко к какому-либо виду политического события, оно может представлять реакцию на публичные выступления, заявления, объявление результатов каких-либо событий, на статью, интервью, комментарии, а также на письма других читателей. Данный жанр актуален во время предвыборной кампании, политического скандала и иных событий политической жизни.

Для анализа письма в газету как жанра политического дискурса мы используем «анкету речевого жанра», предложенную Т.В. Шмелевой (Шмелева 1998), на основе которой строится модель речевого жанра, состоящая из семи конститутивных признаков. Нами были проанализированы письма в «Известия» и письма в «Советскую Россию» (приложение «Голос народа», Интернет-версия).

1. Коммуникативная цель. О.В. Гусева, анализируя содержательный аспект открытого письма (в понимании О.В. Гусевой, любой текст, авторами которого являются представители общества, а пространством его реализации становятся СМИ), отмечает преобладание «фатики» в открытом письме над

«информатикой». Этот фактор определяет ведущую интенцию жанра – вступить в контакт с другими читателями, поделиться собственными переживаниями (Гусева 2005). Это в полной мере можно отнести и к жанру письма читателя в газету, который представляет собой оценочный жанр. Его основной целью является оценка того или иного политического события, а также представление собственного мнения, обмен мнениями: *Мне кажется, автор статьи «Ненависть № 1 Межнациональная» Дмитрий Соколов-Митрич не учел ряда обстоятельств; Средняя Азия начинает пожирать плоды слабости, проявленной экс-президентом Киргизии Аскармом Акаевым; События последних дней показали, что и российские люди способны противостоять государству, мало заботящемуся о его нуждах.* Коммуникативную цель каждого конкретного письма можно определить по набору речевых актов, используемых автором. Следует отметить, что чаще для реализации жанра письма в газету используются речевые акты, выражающие эмоциональное состояние – упрек, негодование: *Но вот его (Клода-Жана Бертрана – прим. М. Н.) взгляды на задачи журналистики и нормы поведения журналистов вызывают шок; Еще позорнее, что государство, называющее себя социальным, не просто не заботится о нуждающихся в его защите и покровительстве, а отбирает у них последнее (Изв.); а также речевые акты поддержки, доверия/недоверия: *Заявляю свою полную поддержку выступлению обозревателя ... (Изв.); Если Путин В.В. совершенно не считается с мнением своего народа, думайте люди, когда голосуете (Сов. Россия).**

2. Образ автора. В данном случае в качестве автора выступает представитель общества (народа), на которого рефлексированное событие так или иначе повлияло, затронуло эмоционально. Автор в данном жанре индивидуален и является представителем народа. Роль

народа в политическом процессе может сводиться к двум ипостасям: активная личность и пассивная личность: он либо участвует (активная личность) в политической жизни страны, либо наблюдает ее (пассивная личность). Обратимся к языковой личности автора. Чаще всего, это социально и коммуникативно активный представитель общества, его интересует политический процесс. Как читатель определенной газеты автор письма разделяет ее идеологическую позицию. Профессиональный и возрастной параметры личности учитываются в наименьшей степени, если только не идет речь о событии, повлиявшем на ту или иную социальную группу (студенты, пенсионеры и др.), к которой относится и автор. В этом случае в подписи присутствует соответствующая ссылка: *пенсионер, педагог, экономист, «осчастливленный» медработник, студент* и др.

3. Образ адресата. Для жанра письма в газету актуальны два типа адресата (в типологии Г.Н. Почепцова) – прямой и косвенный (или адресат-наблюдатель) (Почепцов 1986), причем отмечается явное преобладание косвенного адресата, для которого характерна массовость и неопределенность. Следует отметить двуплановость косвенного адресата, фактор присутствия которого учитывает автор, рассчитывая получить его реакцию. Таким адресатом-наблюдателем одновременно выступают и представители общества, и представители власти: *Правительство обязано разработать поэтапную программу ликвидации бедности.*

В качестве прямых адресатов в жанре письма в газету могут выступать: 1) представители власти – *Власть, послушай меня!; Что скажете, господа юристы и господа парламентарии?; Господин Президент!;* 2) журналисты – *Уважаемый господин Николаев! Посылаю Вам свои замечания по поводу Вашей статьи от 16.03.2005 «Укрепление государства ведет к ослаблению власти»;* 3) другие

читатели – *Потрясен тем, что читатель Георгий Трубников ставит знак равенства между Анатолием Чубайсом и Петром Столыпиным; Доктор экономических наук А.И. Каган утверждает ... («Союз челноков и интеллигенции», 17.05.2005)* – опубликовано в рубрике «Читатель – читателю». Иным способом экспликации адресата в лице власти пользуется «Советская Россия», в ней напрямую озаглавливаются письма читателей, по их адресованности в тот или иной государственный орган: *В Комитет по здравоохранению Госдумы; Президенту Российской Федерации В.В. ПУТИНУ; Предложение избирателя коммунистам Госдумы РФ*. При этом важно отметить, что наличие прямого адресата не исключает присутствия адресата-наблюдателя, что обусловлено официальностью и общедоступностью канала информации. Таким образом, в письме в газету четкая грань между прямым и косвенным адресатом как бы «стирается».

4. Фактор коммуникативного прошлого. Жанр письма в газету никогда не бывает инициативным в том или ином коммуникативном событии, по своей сути он является жанром респонсивным: *С огромным интересом прочитал статью обозревателя Татьяны Батеневой «Гамлетовский вопрос Терри Шиаво» (04.04.2005)*. Чаще всего данный жанр представляет собой реакцию на какую-либо публикацию или сообщение о событии.

5. Фактор коммуникативного будущего. Хотя, основной целью рассматриваемого жанра является оценка события, и данный жанр не предполагает обязательной ответной реакции, но довольно часто такая реакция следует, письмо фактически провоцирует дискуссию: *Давайте переименуем День Победы. Давайте назовем его просто «День окончания войны»*. В приведенном примере автор на самом деле не считает, что один из самых любимых праздников российского народа следует переименовывать. В данном случае

предложение о переименовании бесспорного праздника используется в качестве иронического провоцирования дискуссии по проблеме, вызванной волной бессмысленных и неоправданных переименований. Это подтверждается и именем рубрики – «Ставлю проблему».

6. Событийное содержание. Особенность содержания письма в газету является тематическая однофокусность, автор чаще ставит только одну проблему, выражает мнение по поводу одного события. Наиболее часто поднимаемые в письмах темы позволяют обнаружить болевые точки общества. За последний год наиболее актуальными проблемами становились – проблемы бедности, незащищенности социальных групп, проблема милицейского произвола, а также остро воспринятый обществом судебный процесс над М.Ходорковским.

7. Языковое воплощение. Языковое воплощение жанра рассматривается через «спектр возможностей», «лексические и грамматические ресурсы» жанра (Шмелева 1998: 93). Обозначим несколько параметров для выделения «ресурсов» рассматриваемого жанра:

- **Формальная организация текста** – наличие текста письма и подписи, а также ссылка на географическую информацию; сравнительно небольшой объем текста (от пяти до десяти развернутых предложений, хотя возможны и отклонения в большую сторону), что обусловлено экономией печатного пространства. В отличие от бытового письма, в письме в газету присутствует заголовок, автором которого, как правило, является редакция печатного издания. В качестве заголовка может выступать либо цитата из письма («*И про диктаторов врать не стоит*»), либо фраза-обобщение основной тематики (*Минорная жизнь*).

- **Стилистическое оформление** – несмотря на то, что письмо предназначено для печати в СМИ, оно зачастую носит неформальный характер. Этим объясняется частотное употребление разговорной и сниженной лексики, использование пейоративов и политических ярлыков: *облапошить, быдло, халява, хата* и т.п.
- **Синтаксический аспект** - рефлексивным характером жанра обусловлено частое употребление вопросительных предложений: *А нужна ли вообще такая статья (УК – в связи с судом над инспекторами ГИБДД за превышение должностных полномочий)? Не приучает ли она нас всех к ощущению полной «законной» подвластности людям с «должностными полномочиями»?* При этом основной функцией вопросов в письмах читателей является аргументация – в данном случае он служит фактором привлечения внимания к актуальной проблеме. Употребление восклицательных предложений вызвано достаточно высокой эмоциональной насыщенностью данного жанра.
- **Семантико-идеологический аспект** – влияет на языковое воплощение жанра в плане проявления различной коннотации одних и тех же политических терминов, использования оценочной лексики. Так, в письмах, адресованных в коммунистические издания, негативно трактуются такие концепты, как «либерализм», «реформы» и т.п.: *Режим вводит жесточайшую цензуру, вводит законы, ужесточающие прохождение оппозиционных партий, особенно КПРФ, в Госдуму; ограничивает коммунистическо-патриотическую оппозицию в проведении протестных акций; запрещает Референдум;*

повсеместно избивает активистов КПРФ; избивает целые города (Благовещенск, Башкирия), т.е. применяет полицейский террор против всех недовольных «людоедскими реформами», то это может свидетельствовать только об одном: Кремль против волеизъявления народа, против диалога (Сов. Россия). В то же время читатели, отдающие предпочтение либеральным изданиям, не приемлют радикальных перемен: Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, способен смести с корабля истории и министров-капиталистов и разноплеменных депутатов, в очередной раз превратив нашу жизнь в ад. Не приведи Господь такому произойти (Изв.).

Таким образом, жанр письма в газету относится к вторичным респонсивным жанрам политического дискурса, основная цель которого заключается в оценке происходящих политических событий. При реализации данного жанра коммуникация осуществляется по двум направлениям: «гражданин – общество» и «гражданин – институт» через посредника в лице СМИ. В рассматриваемом жанре обязательно присутствие адресата-наблюдателя, характеризующего статусно-ролевой амбивалентностью – в качестве косвенного адресата могут выступать как и власть, так и общество. Для образа автора первоочередное значение имеет его идеологическая ориентация. Языковая личность автора характеризуется социальной активностью, стремлением участвовать в политической жизни общества. Тематическое содержание писем читателей позволяет определить актуальные проблемы общества, прояснить позицию народа.

Выводы по главе 3

Изучение ролевой структуры политического дискурса предполагает рассмотрение, прежде всего, институциональных ролей участников политической коммуникации (агентов и клиентов).

Ролевая структура политического дискурса не является жестко бинарной, в ней обнаруживается фактор «третьего звена», к которому относятся субъекты политической коммуникации, обладающие промежуточным статусом: СМИ, бизнес, силовые структуры, интеллигенция. Концепты участников «третьего звена» располагаются на стыке политического дискурса и других дискурсов (масс-медиа, юридический, деловой). Промежуточный статус этих субъектов обусловлен тем, что они в силу различных причин могут представлять как интересы народа, так и интересы власти.

В дискурсе реализуются специфические темы (топосы), которые отражают характер взаимодействия субъектов политической коммуникации. Основными топосами при взаимодействии субъектов политического дискурса являются следующие:

- **топос ожидания** (отражает позицию народа в политической коммуникации и является прямым следствием предвыборных обещаний политиков),
- **топос обмана** (представляет реакцию народа на типичную практику невыполнения предвыборных обещаний политиков),
- **топос единения / конфронтации** (реализуется через маркеры интеграции и дистанцирования),
- **топос ответственности /защиты** (отражает правовой характер взаимоотношений государства и граждан и коррелирует с топосом ожидания) и,

- **топос зависимости** (отражает представления о народе как о пассивном и несамостоятельном субъекте политического дискурса; данный топос реализуется через метафоры «рабства» и «кормления»).

Взаимодействие субъектов политического дискурса реализуется по следующим аспектам: а) институциональный (разграничивает статусно-ролевые позиции субъектов политического дискурса: *защита граждан, ответственность перед ними; гарант прав и свобод; граждане, которые сознательно делают свой выбор*); б) деятельностно-поведенческий (отражает действия и поведение субъектов дискурса по отношению друг к другу – *власть обижает, обманывает, унижает кормит*; *народ ожидает, просит, требует*); в) эмоционально-оценочный (фиксирует отношения субъектов политики друг к другу и реализуется через специфический набор эмоций. В текстах дискурса народ характеризуется широким спектром преимущественно негативных эмоций. В дискурсе власти зафиксирована единственная эмоция страха, связанная с боязнью потерять саму власть.

В плане жанровой структуры политического дискурса концептуальная оппозиция «народ – власть» реализуется в ряде жанров, адресантом которых выступает народ: лозунг, частушка, анекдот, письмо в газету и др. Специфика жанра письма в газету состоит в обязательном наличии косвенного адресата, в качестве которого могут выступать как власть, так и общество. В данном жанре для адресанта характерна персональность и конкретность (автор всегда известен), четкая выраженность его идеологической позиции. Письмо в газету является вторичным респонсивным жанром политического дискурса. Основная цель данного жанра – оценка индивидом актуальных политических событий. Небольшой объем текста письма обуславливает его тематическую однофокусность.

Заключение

Интегральный подход к изучению дискурса предполагает анализ коммуникации с различных позиций: прагмалингвистики, рассматривающей функционирование языка в обществе; социалингвистики, которая, в основном, занимается изучением особенностей языка различных социальных и возрастных групп; когнитивной лингвистики, изучающей взаимосвязь языка и человеческого мышления, ментальные процессы и состояния.

Анализ дискурса в рамках когнитивного подхода представляет собой, прежде всего, изучение и моделирование когнитивной базы дискурса через анализ его концептосферы, стереотипов, идеологии. Многие концепты характеризуются когнитивной и дискурсивной смежностью, поэтому рассмотрение отдельных базовых концептов политического дискурса не позволяет в полной мере определить специфику взаимодействия субъектов коммуникации, такой подход носит в определенной степени односторонний характер.

Учитывая само базовое свойство антитетичности сознания, мы предлагаем анализировать дискурс на основе выделения его концептуальных оппозиций, т.е. бинарных оппозиций концептов, находящихся между собой в отношениях противоположности, которая характеризуется такими свойствами как взаимообусловленность, взаимополагание, взаимоисключение и взаимопроникновение противопоставляемых реалий. Противопоставление концептов может основываться на параметре ценностного компонента, а также реализовываться исходя из функциональных и статусных признаков.

Параметры взаимообусловленности и взаимополагания противопоставляемых в рамках оппозиции концептов реализуются в наличии интегральных (инвариатных) признаков «парных»

концептов, которые представляют собой основание для разграничения дифференциальных признаков оппозитивных концептов (категория взаимоисключения). Причем концепты противопоставляются в рамках каждого компонента: понятийная, ценностная и образная составляющая.

В рамках ролевой структуры политического дискурса концептуальная оппозиция представляет собой взаимосвязь концептов субъектов институционального дискурса, обладающих асимметричным социальным статусом (агентов и клиентов). Эта взаимосвязь рассматривается в данном случае как указанные свойства категории противоположности.

Концептуальная оппозиция как категория политического дискурса относится, прежде всего, к его онтологии, поскольку именно онтологические концепты являются дискурсообразующими, в отличие от аксиологических и идеологических, которые могут функционировать в различных типах дискурса.

Первым этапом изучения концептуальной оппозиции стал анализ отдельных концептов, составляющих оппозитивную пару. Лингвокогнитивные модели как концепта «власть», так и концепта «народ» образованы двумя концептуальными зонами: для власти – «власть-система» и «власть-влияние», для концепта «народ» через оппозиции «народ – власть» и «народ – личность». В рамках каждого из концептов данные зоны пересекаются. Ядерным содержательным признаком концепта «власть» является признак «сила». Содержательное ядро концепта «народ» составляет признак «общность».

В результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента было выявлено, что значительная часть реакций отражает ядерные признаки концептов «народ» (множественность) и «власть» (сила). Существенной психологической яркостью обладают

ассоциативные связи «народ – бедный», «народ – порядочный» и «власть – деньги», «власть – индивид (конкретный представитель)». Среди оценочных реакций на слова-стимулы, реализующие концепт «народ», преобладают позитивные оценки, хотя встречаются негативные оценочные реакции. Применительно к власти позитивных оценочных реакций не зафиксировано, при этом реакции-оценки составляют примерно половину общего количества реакций на слова-стимулы, реализующие концепт «власть», что свидетельствует о высокой степени психологической актуальности и аксиологической значимости данного концепта в языковом сознании.

Принципиальное для мира политики противопоставление «народ – власть» реализуется уже на уровне дефиниции лексемы *народ*, а также других лексем, реализующих данный концепт: *простые люди, обыватель, мещанин*.

Концепт «народ» характеризуется оценочной амбивалентностью в зависимости от того, в какой оппозиции он представлен. В текстах, реализующих оппозицию «народ – власть», народ чаще маркирован положительно, в оппозиции «народ – личность» личность, как правило, приобретает положительную оценку, а народ как толпа – отрицательную.

Концепт «народ» активно реализуется в коммуникации как объект метаязыковой рефлексии, которая позволяет обнаружить изменения в содержательной структуре уже сформированных концептов («народ», «мещанин», «обыватель»), а также проследить за формированием относительно новых концептов («гражданское общество», «средний класс», «электорат»).

Специфика рефлексии концепта «народ» в современном российском политическом дискурсе заключается в осмыслении данного концепта, прежде всего, в его сравнении со смежными понятиями: «народ – население», «народ – гражданское общество»,

что позволяет более четко определить границы содержательных признаков рассматриваемого концепта.

В результате проведенного контекстуального анализа примеров языковой рефлексии было выявлено, что в структуре концепта «народ» околядерным статусом обладают следующие признаки: активность, осознанность собственных действий, стремление к стабильности, индивидуализм, приоритет собственных интересов над общественными.

Адаптация в российском языковом сознании заимствованных из западной культуры концептов «гражданское общество», «средний класс», «электорат» связана с формированием оценочного компонента. При этом концепты «гражданское общество» и «средний класс», как правило, характеризуются позитивной оценкой, а концепт «электорат» – негативной.

Апелляция к концепту «народ» является действенным инструментом манипуляции. В текстах предвыборного дискурса модификации подвергаются все составляющие концепта «народ», а ведущим приемом становится «мена ассерции и пресуппозиции». Тактики апелляции к ценностям и к автоимиджу избирателя характерны для предвыборного дискурса правых, тактику обличения преимущественно используют левые, а тактика интеграции с народом выступает как обязательная составляющая предвыборного дискурса, и активно используется всеми политиками, независимо от их политической ориентации.

Апелляция к концепту «народ» значима для реализации перформативной функции инаугурационного обращения. Специфика инаугурационного обращения заключается в том, что в данном жанре народ одновременно выступает и как субъект, и как объект политической коммуникации. Как субъект политического действия народ становится свидетелем клятвы президента и передает ему

власть, в этом и заключается перформативность данного жанра. Субъектный статус народа подтверждается прямой апелляцией к нему в текстах инаугурационного обращения и множественной вербализацией рассматриваемого концепта. Как объект политической коммуникации народ внимает призывам президента о необходимости интеграции, выполнения каких-либо задач и т.п.

Следующим этапом изучения концептуальной оппозиции «народ – власть» стало выявление содержательной структуры оппозиции, исходя из выявленных признаков отдельных концептов. Содержательную структуру концептуальной оппозиции «народ – власть» представляет собой набор интегральных и дифференциальных признаков, которые присутствуют на всех уровнях оппозиции: понятийном, оценочном и образном. В рамках понятийной составляющей ядерным интегральным признаком является участие в политической коммуникации, обладание определенными правами и обязанностями по отношению друг к другу, а дифференциальными – различие в институциональном статусе, активный/пассивный характер участия в коммуникации. В плане оценочной характеристики оба концепта обладают оценочной амбивалентностью, при этом их контекстуальная реализация характеризуется полярностью оценок (дифференциальные признаки). Образные характеристики концептов «народ» и «власть» коррелируют в рамках оппозиции на базе таких интегральных признаков, как «количественность», «пространственность», «сила», «выделимость».

Особенность содержательной структуры концептуальной оппозиции «народ – власть» состоит в том, что содержательное ядро концептуальной оппозиции не совпадает с содержательным ядром отдельных концептов, составляющих оппозитивную пару. Признаки, характеризующиеся наибольшей яркостью для концептуальной

оппозиции (материальный достаток, ум, активность), обладают периферийным статусом в структуре каждого из концептов, взятых в отдельности.

При актуализации концептуальной оппозиции «народ – власть» в дискурсивном пространстве политической коммуникации оппозиция может конкретизироваться в ряде вариантов («гражданин – государство», «простые люди – чиновники» и пр.). Были выявлены следующие аспекты варьирования концептуальной оппозиции: а) в рамках понятийного компонента – правовой аспект и статусно-ролевой; б) в рамках образно-оценочного компонента – этический и психологический (который включает в себя интеллектуальную и эмоциональную оценку).

Правовой аспект варьирования концептуальной оппозиции отражает законодательно обусловленный характер взаимоотношений между субъектами политической коммуникации и конкретизируется в вариантах «гражданин – государство», «(гражданское) общество – государство», «электорат – кандидат».

Статусно-ролевой аспект разграничивает субъектов политической коммуникации по параметру активности/пассивности их участия в политической жизни общества. В рамках данного аспекта концептуальная оппозиция «народ – власть» конкретизируется в следующих вариантах: «гражданин – государство», «(гражданское) общество – государство», «электорат – кандидат», «социальные группы – министерства, ведомства»; «человек – государство», «простые люди – чиновники». При этом в первых трех вариантах концептуальной оппозиции народ характеризуется как активный участник дискурса, который и определяет политический процесс, а власть (государство) выступает в роли ведомого, выполняет требования народа. В варианте «социальные группы – министерства, ведомства» народ занимает

промежуточную позицию по активности участия по политической жизни страны. А человек, простые люди в оппозиции государству и чиновникам выступают в роли пассивной личности, которую *обижают, унижают* и т.д.

Образно-оценочные аспекты варьирования отражают характер оценки концептов в рамках оппозиции: этический и психологический аспект, к которому относятся интеллектуальные оценки и эмоциональные оценки. Характерно, что с позиций этического аспекта народ может оцениваться как положительно, так и отрицательно, власть в этом аспекте получает только негативную оценку. Ряд образно-оценочных вариантов характеризуются облигаторной оценочной полярностью. Так, варианты параметров «слабость / сила», «ум / глупость» атрибутируются как власти, так и народу, в частности власть может характеризоваться и как сильная, и как слабая, однако в рамках концептуальной оппозиции – если власть слабая, то народ сильный, и наоборот.

Третий этап изучения концептуальной оппозиции «народ – власть» заключался в анализе проявления данной оппозиции в ролевой структуре дискурса.

Изучение ролевой структуры политического дискурса предполагает рассмотрение, прежде всего, институциональных ролей участников политической коммуникации (агентов и клиентов).

Ролевая структура политического дискурса не является жестко бинарной, в ней обнаруживается фактор «третьего звена» в коммуникативной цепочке «народ ↔ власть». К фактору «третьего звена» относятся, с одной стороны, СМИ, исполняющие роль посредника между народом и властью, а с другой стороны, такие субъекты, как бизнес, силовые структуры и интеллигенция. Концепты участников «третьего звена» располагаются на стыке политического дискурса и других дискурсов (масс-медиа,

юридический, деловой). Промежуточный статус этих субъектов обусловлен тем, что они в силу различных причин могут представлять как интересы народа, так и интересы власти. При этом характерно, что указанные участники политической коммуникации с промежуточным статусом тяготеют к позиции власти.

Ролевое взаимодействие субъектов политической коммуникации происходит в рамках наиболее релевантных тем (топосов), которые отражают сам характер взаимодействия. Основными топосами при взаимодействии субъектов политического дискурса являются следующие: **топос ожидания** (отражает позицию народа в политической коммуникации и является прямым следствием предвыборных обещаний политиков), **топос обмана** (представляет реакцию народа на типичную практику невыполнения предвыборных обещаний политиков), **топос единения / конфронтации** (реализуется через маркеры интеграции и дистанцирования), **топос ответственности /защиты** (отражает правовой характер взаимоотношений государства и граждан и коррелирует с топосом ожидания) и **топос зависимости** (отражает представления о народе как о пассивном и несамостоятельном субъекте политического дискурса; данный топос реализуется через метафоры «рабства» и «кормления»).

Выявленные топосы отражают следующие аспекты взаимодействия субъектов политического дискурса: а) институциональный, который реализуется в разграничении статусно-ролевых позиций субъектов политического дискурса; б) деятельностно-поведенческий, который отражает действия и поведение субъектов дискурса по отношению друг к другу; и в) эмоционально-оценочный, который фиксирует отношения субъектов политики друг к другу и реализуется через набор специфических эмоций. При этом характерно, что в различных текстах

политического дискурса народу присуща большая «палитра», преимущественно, негативных эмоций (гнев, разочарование, недовольство, возмущение и др.), связанных с взаимодействием с властью. У власти же преимущественно реализуется эмоция страха, связанная с боязнью потерять саму власть, т.е. влияние.

В плане жанровой структуры политического дискурса концептуальная оппозиция «народ – власть» реализуется в ряде жанров, адресантом которых выступает народ: лозунг, частушка, анекдот, письмо в газету и др. Специфика указанных жанров состоит в их преимущественной агональности, для них характерна жесткая оценочная поляризация концептуальной оппозиции «народ – власть».

Более подробному анализу в диссертации был подвергнут жанр письма в газету, который, в отличие от других «народных» жанров, еще не являлся объектом специального рассмотрения. Данный жанр отличает обязательное наличие косвенного адресата (в качестве которого могут выступать как власть, так и общество), а также персональность и конкретность адресанта (автор всегда известен), четкая выраженность его идеологической позиции. Письмо в газету относится к вторичным респонсивным жанрам политического дискурса, основная интенция которого заключается в оценке индивидом актуальных политических событий; как правило, это реакция на уже высказанные ранее в том же издании мнения журналистов или читателей. Небольшой объем текста письма обуславливает его тематическую однофокусность: объектом обсуждения всегда является какое-либо одно явление /событие политической жизни, отдельный вопрос или мнение.

Наметим основные перспективы данного исследования, которые мы видим, прежде всего, в анализе межкультурной специфики дискурсивного проявления концептуальной оппозиции «народ – власть», а также в рассмотрении ее динамики в диахроническом аспекте.

Библиография

1. Александрова, О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике / О.В. Александрова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград, 1999. – С. 9-13.
2. Алиференко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н.Ф. Алиференко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. – Ч. 1. Научные статьи. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 3-13. (316 с.)
3. Андреев, В.В. Национальный вопрос: Проблемы языковой политики / В.В. Андреев // Политическое управление: теория и практика. – М.: РАГС, 1997. – С. 147-158.
4. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3.
5. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 3-52.
6. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, 896 с.
7. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта: [В 3 т.] / А.С. Ахиезер. – М.: ФО СССР, 1991. – 803 с.
8. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 104 с.
9. Базылев, В.Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 7-13.
10. Базылев, В.Н. К изучению политического дискурса в России и российского политического дискурса / В.Н. Базылев // Политический

дискурс в России – 2: Материалы раб. совещ. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 6-8.

11. Бакумова, Е.В. Ролевая структура политического дискурса / дис. на соиск. ученой степени канд. филолог. наук / Е.В. Бакумова – Волгоград: 2002.

12. Баранов, А.Н. Аксиологическая стратегия в структуре языка (паремиология и лексика) / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1989. – №3. – С. 74-91.

13. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.

14. Баранов, А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания / А.Н. Баранов // Язык и социальное познание. М.: Центр. сов. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 166-177.

15. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М: Знание, 1991. – 42 с.

16. Баранов, А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой информации. М.: Наука, 1986. – С. 100-143.

17. Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 442-449.

18. Барт, Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; Сост., пер. с фр. и вступ. ст.: С. Зенкин – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 511 с.

19. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р. Барт // М.: Прогресс, 1994. – 616 с.

20. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. – С. 250-296.

21. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин

// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 227–244.

22. Берснев, П.В. Абсолют и дуальный мир. Восприятие как аподиктическое данное / П.В. Берснев // Путь Востока. Традиции освобождения. Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия “Symposium”, выпуск 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 63-69.

23. Библер, В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989 – № 6.

24. Богданов, В.В. Моделирование семантики предложения / В.В. Богданов // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – С. 124-136.

25. Богин, Г.И. Понимание и непонимание в общении политика с населением / Г.И. Богин // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания (Москва, 29 марта 1998 года) // Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – С. 11-17.

26. Борисова, И.В. Семантика эгоцентрических категорий: Liebe, Hass и их актуализация в немецком языковом сознании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Борисова – Иркутск, 2004. – 16 с.

27. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Школа «Языки русской литературы», 1997. – 576 с.

28. Бурдьё, П. Социология политики: Пер. с фр. / П. Бурдьё / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. / - М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

29. Васильев, А.Д. Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении: Монография / А.Д. Васильев. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 166 с.

30. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. – №4. – С. 107–125.
31. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка / Пер. с англ. – М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1999. – 780 с.
32. Вепрева, И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) / И.Т. Вепрева // ГЛЭДИС – 2003.
33. Вепрева, И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2002. – 380 с.
34. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем.; ВГПУ. / Р. Водак – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
35. Волчкова, И.М. «Смеховая культура» в контексте современного политического дискурса / И.М. Волчкова // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 81-90.
36. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. – С. 64-72.
37. Воркачев, С.Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2005а. – 214 с.
38. Воркачев, С.Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели / С.Г. Воркачев // Филологические науки, № 4, 2005б. – С. 76-83.
39. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика / Аспекты метакоммуникативной деятельности: Межвузовский сб. науч. тр. Выпуск 3. – Воронеж: 2002.

40. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

41. Воробьева, О.И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации / О.И. Воробьева. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1999. – 92 с.

42. Воробьева, О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева – Киев: Вища шк., 1993. – 199 с.

43. Гаврилов, Д.А. Журналист в политическом спектакле современной России / Д.А. Гаврилов // Социально-политическое функционирование журналистики: Мат-лы секции «Журналистика в мире политики» Дней Петербургской философии, 19-20 ноября, 2004 г. (Редактор-составитель В.А. Сидоров). – Спб., СПбГУ, 2005. – С. 69-74.

44. Гаврилова, М.В. От противостояния через единство к стабильности (сравнительный анализ концептуальной структуры инаугурационных речей российских Президентов) // <http://www.politstudies.ru/forum/viewtopic.php?t=28&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight> – 2003.

45. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку. М.: Изд. корпорация «Логос», 1997. – 544 с.

46. Гак, В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте / В.Г. Гак // Филологические науки. – 1995 – №4. – С. 47-55.

47. Гаспарян, Д.Э. Как возможны контрарные дивергенции / Д.Э. Гаспарян // <http://anthropology.ru/ru/texts/gasparyan/diver.html>

48. Григорьева, О.Н. Политический театр современной России (Взгляд филолога) / О.Н. Григорьева // <http://www.irex.ru/publications/polemika/9/grigorieva.html>

49. Гусева, О.В. Лингвопрагматический анализ игрового дискурса / О.В. Гусева // Игровое пространство культуры. Тезисы форума. 16-19 апреля 2002 г. – Спб.: Евразия, 2002. – С. 99-102.

50. Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев. // Вопросы языкознания. – 1997 – № 1.
51. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – 248 с.
52. Демичев, А.В., Гармония: Противоречие, связь / А.В. Демичев, В.А. Белоусов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991. – 187 с.
53. Демьянков, В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века / В.З. Демьянков // http://www.infolex.ru/Funcfull.html#_bb251, 2003.
54. Дмитриев, А.В. Социология политического юмора: Очерки / А.В. Дмитриев. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 332 с.
55. Дмитриева, О.Л. Ярлык в парламентской речи / О.Л. Дмитриева // Культура парламентской речи. – М.: Наука, 1994. – С. 90-96.
56. Доценко, Е.А. Психология манипуляции: феномен, механизмы, защита / Е.А. Доценко. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
57. Дроздова, С.А. Концепт «власть» в современном российском политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / С.А. Дроздова – Днепропетровск, 2004. – 20 с.
58. Дроздова, С.А. Оппозиция «свой – чужой» в общественно-политическом тексте / С.А. Дроздова // Наукові записки Луканського національного педагогічного університету. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць. – Луганськ: «Альма-матер», 2004. – С. 124-133.
59. Дубровская, О.Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О.Н. Дубровская // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 2. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. – С. 97-102.
60. Енина, Л.В. Современный российский лозунг как свертхтекст: Дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Енина. – Екатеринбург, 1999. – 186 с.

61. Жданова, Л.А. Народ и нация: соотношение понятий и концептов / Л.А. Жданова // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания, вып.8., под ред. М.Л. Ремневой и Е.В. Клобукова. – М: Изд. МГУ, 2000.
62. Жданова, Л.А. Власть: языковое значение и концепт / Л.А. Жданова, О.Г. Ревзина // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвуз. науч. конф. М.: Моск. гос. откр. пед. ин-т, 1992. – С. 44-48.
63. Желтухина, М.Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков) Дис. ... канд. филол. Наук / М.Р. Желтухина. – Волгоград, 2000. – 250 с.
64. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
65. Залевская, А.А. Межязыковые сопоставления в психолингвистике / А.А. Залевская. – Калинин, 1979.
66. Засурский, И.И. Реконструкция России: (Масс-медиа и политика в 90-е) / И.И. Засурский. - М. : Изд-во МГУ, 2001. - 286 с.
67. Захаров, А.В. Народные образы власти / А.В. Захаров // Полис. – 1998. – № 1. – С. 23-35.
68. Зеленецкий, К.П. Топики / К.П. Зеленецкий // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 34-40.
69. Земская, Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 23-31.
70. Иванова, Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов / дис. на соиск. ученой степени канд. филолог. наук / Ю.М. Иванова. – Волгоград, 2003.

71. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1996.
72. Ильин, М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. – 432 с.
73. Ильин, М.В. Власть / М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль // Полис. – 1997. – № 6. – С. 146-153.
74. Иссерс О.С. Языковые средства и способы манипуляции сознанием / О.С. Иссерс // Семантика языковых единиц: Материалы межвуз. конф. – М.: Моск. гос. откр. пед. ин-т, 1992. – С. 52-54.
75. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
76. Казеннов А.С. Соответствие мнений журналистов их политической идентичности / А.С. Казеннов // Социально-политическое функционирование журналистики: Мат-лы секции «Журналистика в мире политики» Дней Петербургской философии, 19-20 ноября, 2004 г. (Редактор-составитель В.А. Сидоров). – Спб., СПбГУ, 2005. – С. 74-79.
77. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3-16.
78. Карасик В.И. Религиозный дискурс / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
79. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
80. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
81. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические

проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 75-80.

82. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

83. Карманова, З.Я. Политический дискурс: поиск убедительности / Карманова З.Я. // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания (Москва, 27-28 марта 1999 года) // Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 64-67.

84. Кашкин, В.Б. Аспекты метаязыковой деятельности / В.Б. Кашкин // Лексика и лексикография Вып. 10. – М.: Ин-т языкознания, 1999. – С. 64-68.

85. Ким, И.Е. Выражение рефлексии в русском языке (значения «контроль» и «сопричастность») / И.Е. Ким. – Красноярск: 2001.

86. Китайгородская, М.В. «Свое – чужое» в коммуникативном пространстве митинга / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русистика сегодня. № 1. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. – С. 48-49.

87. Клоков, В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В.Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 60-67.

88. Кобозева, И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ / И.М. Кобозева // http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#з_04

89. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

90. Кондаков, Н.Н. Логический словарь-справочник / Н.Н. Кондаков – М.: Наука, 1976. – 720 с.

91. Кормилицына М.А. Попытка диалога общества с властью (по материалам публикаций в «Литературной газете») / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А.

Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Вып. 4. Власть и речь. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. — С. 7-13.

92. Кормилицына М.А. Рефлективы в речевой коммуникации / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000. – С. 20-25.

93. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

94. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих / Л.П. Крысин // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1977. – С. 42-51.

95. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1989. – 186с.

96. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.

97. Куприянова В.М. Культурная оппозиция: методы и задачи исследования / В.М. Куприянова // Формирование дисциплинарного пространства культурологии. Материалы научно-методической конференции. 16 января 2001 года, Санкт-Петербург. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. Серия “Symposium”. Выпуск 11. СПб.: 2001. – С. 65-68.

98. Лассан, Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан // Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. – 232 с.

99. Лассан, Э. Народовластие как конец демократии? (Несколько слов о «новой» русской риторике) / Э. Лассан, В. Макарова // *Respectus Philologicus*. – 2004 – Nr. 5(10). – С. 54-64.

100. Лебон, Г. Психология толп: (Перевод / Предисл. И. В. Задорожняка; Вступ. ст. В. Н. Дружинина) / Г. Лебон // М.: Ин-т психологии РАН : КСП+, 1998. – 412 с.

101. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов / Ю.И. Левин // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 542-558.
102. Левицкий, В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 192 с.
103. Лепская Н.И. О гуманитарном аспекте психолингвистики / Н.И. Лепская // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995 – №4. – С. 5-15.
104. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
105. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология – М.: Academia, 1997. – С. 81-104.
106. Лудильщикова, Н.А. Власть в сознании молодежи / Н.А. Лудильщикова // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Вып. 4. Власть и речь. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. – С. 13-18.
107. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1997. - С. 11-35.
108. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. – 200 с.
109. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
110. Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения / А.С. Мамонтов. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – 187 с.
111. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
112. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.

113. Миронова Н.Н. Политический дискурс vs. оценочный дискурс / Н.Н. Миронова // Политический дискурс в России. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 41-50.
114. Мисюров Д.А. Политика и символы / Д.А. Мисюров. – М.: РИП-холдинг, 1999. – 123 с.
115. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Михалева. – Кемерово, 2004. – 21 с.
116. Мишуткина И.И. Семантически сопряженные категории *Leben* и *Tod* и их актуализация в немецком языковом сознании. Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / И.И. Мишуткина. – Иркутск, 2004. – 20 с.
117. Москвин В.П. К соотношению понятий «речевой жанр», «текст» и «речевой акт» / В.П. Москвин // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 4. Жанр и концепт. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. – С. 63-76.
118. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи / Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 480 с.
119. Наумова С.А. Теоретические модели коммуникативных процессов и политическая коммуникация / С.А. Наумова // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: БГУ, 2000. – С. 95-103.
120. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия / Т.М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: Ин-т языкозн. АН СССР, 1988. – С. 154-165.
121. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.

122. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: Практическое руководство / В.Н. Панкратов. – М. Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. – 201 с.
123. Паршин П.Б. Идиополитический дискурс / П.Б. Паршин // Труды Международного семинара «Диалог-96» по компьютерной лингвистике и ее приложениям, Пущино, 4-9 мая 1996 г. – М., 1996. – С. 192-198.
124. Пашаева И.В. Семантически сопряженные категории: Das Gute / Das Bose и их актуализация в немецком языковом сознании. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Пашаева. – Иркутск, 2004. – 18 с.
125. Плотников Б.А. Семиотика текста. Параграфемика / Б.А. Плотников. – Минск: Высшейш. шк., 1992. – 190 с.
126. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса. Дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Попова. – Волгоград, 1995.
127. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 192 с.
128. Почепцов Г.Г. Имиджелогия / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. – 768 с.
129. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований / Г.Г. Почепцов // Политическая психология. – М.: Акад. Проект: Деловая кн., 2001.
130. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата / Г.Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1986. – С. 10-17.
131. Почепцов Г.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / Г.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990 – №6. – С. 110-122.
132. Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: В 2 ч. – Ч. 2. Тезисы докладов. – Волгоград: Перемена, 2003. – 294 с.

133. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика, вып. 36. - М.: Языки рус. культуры, 1998. – С. 274-323.

134. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике / Автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Е.В. Рахилина. – М., 1999 – 27 с.

135. Романов А.А. Политическая лингвистика в пространстве политической дискурсии / А.А. Романов // Наукові записки Луканського національного педагогічного університету. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць. – Луганськ: «Альма-матер», 2004. – С. 192-212.

136. Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка: Язык речевых действий. - М.: Наука, 1994.

137. Сахно С.Л. «Свое – чужое» в концептуальных структурах / С.Л. Сахно // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 95-101.

138. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

139. Семенюк О.А. Некоторые функциональные особенности слов олигарх и олигархия в русском и украинском языках постсоветского периода / О.А. Семенюк // Наукові записки Луканського національного педагогічного університету. Вип.5. Т.1. Серія «Філологічні науки»: Зб. наук. праць. – Луганськ: «Альма-матер», 2004. – С. 231-237.

140. Серио П. О языке власти: критический анализ / П. Серио // Философия языка: в границах вне границ. – Харьков: Око, 1993. – С. 83-100.

141. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170-194.

142. Сиротинина О. Б. Русский язык и средства массовой информации / О. Б. Сиротинина // Речевое общение. Вып. 3. – М.: 2000.– С. 64-70.

143. Слышкин Г.Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота / Г.Г. Слышкин // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М., 2002. – С. 66-73.

144. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000.

145. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

146. Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Перемена, 1999.

147. Солнцев, В.М. Вариативность / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 80-81.

148. Солохина, А.С. Концепт «свобода» в английской и русской лингвокультурах / Дис. ... канд. филол. наук / А.С. Солохина. Волгоград, 2004.

149. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, лингвистики / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 332 с.

150. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

151. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С.Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 311 с.

152. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 252 с.
153. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97-112.
154. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 58-65.
155. Тард Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. М.: Ин-т психологии РАН; Изд-во «КПС+», 1998. – С. 257-408.
156. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
157. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
158. Ухванова И.Ф. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ / И.Ф. Ухванова // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: БГУ, 2000. – С. 145-151.
159. Ушакин С.А. Речь как политическое действие / С.А. Ушакин // Полис. – 1995. – №5 – С. 142-153.
160. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. – 1997 – № 5. – С. 102-119.
161. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура речи / Н.И. Формановская – М.: Высшая школа, 1989. – 329с.
162. Худяков А.А. Концепт и значение / А.А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.

163. Цветкова Т.М. Это сладкое слово – «Элита» / Т.М. Цветкова // Политический дискурс в России – 4: Материалы рабочего совещания (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. В.Н. Базылева и Ю.А. Сорокина. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – С. 102-108.

164. Цинев В. Определение манипуляции / В. Цинев // <http://psyberia.ru/psychodiary/>

165. Чабан Н.А. Концепт «Политика современной Украины» в вербальном воплощении (на материале газеты «The New York Times») / Н.А. Чабан. – Черкассы: Черкас. гос. ун-т, 1997. – 94 с.

166. Чернышев А. Современная советская мифология / А. Чернышев – М., 1992.

167. Чудакова Н.М. Особенности метафорических противопоставлений в дискурсе средств массовой информации / Н.М. Чудакова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т 13. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 96-102.

168. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000 гг.) / Монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.

169. Шаповалов В.Ф. Основы философии: От классики к современности / В.Ф. Шаповалов. - М.: Фаир-Пресс, 1998. - 573 с.

170. Шаховский В.И. Запахи русского политического дискурса // Политический дискурс в России – 4: Материалы раб. совещ. (Москва, 22 апреля 2000 года) // Под ред. Ю. А. Сорокина и В. Н. Базылева. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – С. 108-111.

171. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: На материале англ. яз.: Дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Шаховский. – М., 1988. – 191 с.

172. Шаховский В.И. Эмоции и коммуникативное пространство языка / В.И. Шаховский // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков:

Человек и его дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М.: «Азбуковник», 2003.

173. Шейгал Е.И. Голос народа в политической частушке / Е.И. Шейгал // Язык. Система. Личность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 139-144.

174. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Жанры речи-3. – Саратов: Колледж, 2002а. – С. 205-214.

175. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса / Е.И. Шейгал // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Материалы Междунар. науч.-практ. конференции «Коммуникация—2002». – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002б. – С. 24-26.

176. Шейгал Е.И. Рефлексивы в политической коммуникации / Е.И. Шейгал // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности / Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж, 2002в. – С. 133-141.

177. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000 – 368 с.

178. Шейгал Е.И. Лозунг как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія Філологія Том 3. – 2000. – № 2. – С. 110-119.

179. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. - Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1998. – С. 88-98.

180. Шмелева Т.В. Языковая рефлексия / Т.В. Шмелева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Выпуск 1. – Красноярск: Ачинск, 1999. – С. 108-110.

181. Яковенко И. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) / И. Яковенко // Полис. – 1996. – № 6(36) – С. 117-128.

182. Andersson T. Toward a Dialectical Theory of Concepts / T. Andersson // *Journal of Psycholinguistic Research*, Vol. 24, No. 5. 1995 – P. 377-379.
183. Ballmer T.T. *Linguistic Dynamics: Discourses, Procedures, and Evaluation*. – Berlin, N.Y., 1985. – 318 p.
184. Brown G. *Speakers, listeners and Communication: Explorations in Discourse Analysis*. Cambridge, New York, 1995. – P. 69 – 82.
185. Brown G., *Discourse Analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge etc., 1983. – 288 p.
186. Campbell K.K. *Inaugurating the Presidency* / K.K. Campbell, K.H. Jamieson // *Form, Genre and Study of Political Discourse*. – Columbia: Univ. of S. Car. Press, 1986. – P. 203-225.
187. Chomsky N. *Language and Politics* / N. Chomsky. – Montreal and New York: Black Rose Books, 1988. – 638 p.
188. Denton R.E. Jr. *Political Communication in America*. / R.E. Jr. Denton, G.C. Woodward – New York: Praeger, 1985. – 366 p.
189. Derrida J. *Points de suspension* / J. Derrida. – Paris: Galilée, 1992.
190. Diamond J. *Status and Power in Verbal Interaction: a Study of Discourse in a Close-knit Social Network* / J. Diamond. – Amsterdam, Philadelphia, 1996. – 182 p.
191. Dijk T.A. van. *Political Discourse and Racism: Describing Others in Western Parliaments* / T.A. Dijk // *The Language and Politics of Exclusion: Others in Discourse/* - Thousand Oaks (Cal.): Sage Publications, 1997. – P. 31-64.
192. Edelman M. *Constructing the Political Spectacle* / M. Edelman. – Chicago: University of Chicago Press, 1988. – 137 p.
193. Feldman O. *Politically Speaking: a Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere* / O. Feldman. – Westport: Praeger, 1998. – 212 p.

194. Gronbeck B.E. The Presidency in the Age of Secondary Orality / B.E. Gronbeck // Beyond the Rhetorical Presidency. – College Station: Texas Univ. Press, 1996. – P. 30-49.
195. Hasan R. Ways of saying: ways of meaning / R. Hasan // The semiotics of culture and language. Vol.1. London: Pinter, 1984. – P. 105-162.
196. Joslyn R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse / R. Joslyn // Form, Genre and the Study of Political Discourse. – Columbia (S. Car.): Univ. of S. Carol. Press, 1986. – P. 301-338.
197. Kress G. Critical Sociolinguistics / G. Kress // The Encyclopedia of Language and Linguistics, R.E.Asher, Oxford, New York: Pergamon Press, 1994. – P. 786-787.
198. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago: University of Chicago Press, 1972.
199. Levinson S. Pragmatics / S. Levinson. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 420 p.
200. Lussier R.N. Human Relations in Organizations: A Skill-Building Approach / R.N. Lussier. – Boston: Homewood, 1990. – 514 p.
201. McQuail D. Mass Communication Theory / D. McQuail. – London: Sage Publications, 1996. – 345 p.
202. Meadow R.G. Politics as Communication / R.G. Meadow. – Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co., 1980. – 269 p.
203. Meyer P.G. Sprachliches Handeln ohne Sprechsituation: Studien zur theoretischen und empirischen Konstitution von illokutiven Funktionen in <situationslosen> Texten. – T.: Niemeyer, 1983.
204. Pragmalinguistics: Theory and Practice / Ed. by Jacob L. Mey. – The Hague etc.: Mouton, cop. 1979. – 444p.
205. Riabtseva N.K. Conceptual Blending in Culture-Specific Metaphors (Концептуальная интеграция в культурно-специфических метафорах) / N.K. Riabtseva // Вопросы филологии. – 2003. – № 3 (15). – С. 9-17

206. Robinson W.P. Language and Social Behavior / W.P. Robinson. – Harmondsworth, 1972. – 223p.

207. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford, 1994. – 470 p.

208. Status Generalization: New Theory and Research / Ed. by Webster M., Jr., Foschi M. – Stanford (Cal.): Stanford univ. press, 1998. – 536 p.

209. Talbot M.M. Fictions at work/ Language and social practice in fiction / M.M. Talbot. – Longman, 1995.

210. Wenden A. Metacognitive Knowledge and Language Learning / A. Wenden // Applied Linguistics. 1998. – P. 515-537.

Лексикографические источники

1. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Русский ассоциативный словарь / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., М.: ИРЯ РАН, 1994, 1996, 1998. Кн. 1-6. (РАС).
2. Большой толковый словарь русского языка. Спб: Норинт, 1998. 1536 с. (БТСРЯ).
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с. (СРЯ)
4. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – Политиздат, 1988. (КСС)
5. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М., 1996.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М., Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
8. Москвин В.П. Краткий идеографический словарь сочетаемости. Киев: Свит, 1992.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984.

10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель АСТ, 2001.
11. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 6-е изд.-М.: Политиздат, 1991. - 559 с. (ФС)
- 12.

Список сокращений источников материала

теледебаты – телевизионные предвыборные дебаты 2003-2004 гг.

Изв. – «Известия»

АиФ – «Аргументы и факты»

НГ – «Независимая газета»

ВК – «Волгоградский курьер»

ВП – «Волгоградская правда»

СР – «Советская Россия»

Эл. СМИ – электронные СМИ (Интернет)